
М 379
284

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПРИСОЕДИНЕНІЯ КРЫМА.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

КРЫМѢ.

Кн. Е. Горчаковой.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для городскихъ и народныхъ Училищъ.

МОСКВА.
Типографія Общества Распростран. Полезныхъ Книгъ,
Моховая, д. Торлецкой.
1883.

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПРИСОЕДИНЕНІЯ КРЫМА.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

КРЫМѢ.

Кн. Е. Горчаковой.

Ч. 1.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для городскихъ и народныхъ училищъ.

МОСКВА.
Типографія Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, Моховая, д. Торлецкой.
1883.

ВОСПОМИНАНІЯ О КРЫМѢ.

Сакскія грязи.

Мы выѣхали изъ Москвы 21-го іюня въ 12½ ч. съ курьерскимъ поѣздомъ. День былъ жаркій, но не душный, вѣтеръ былъ довольно сильный и въ отдѣленіи, гдѣ мы сидѣли, было сносно. Не стану описывать первыхъ станцій московско-курской желѣзной дороги. Кто не знаетъ живописныхъ окрестностей бѣлокаменной: Коломенскаго, Царицына и Подольска.

Послѣ Серпухова стали тянуться длинной вереницей поля, засѣянныя рожью и овсомъ, греча только что всходила. Но вообще поля не радовали; рожь была рѣдка и низка; овсы тоже не густы и не зелены.

Настала ночь; ночь въ вагонѣ—какая истома, и какъ завидно глядя на тѣхъ, которые спятъ безъ просыпа отъ одной станціи до другой, отъ одного города до другаго. Мы занимали вдвоемъ отдѣленіе въ шесть мѣстъ; кажется можно было расположиться покойно и выспаться на славу. Нѣтъ, мысли мои неотвязчиво бродили около Москвы, около оставленныхъ близкихъ и

друзей. Однако къ утру я заснула и только уже въ полуснѣ слышала однообразные возгласы кондуктора: „Станція такая-то, поѣздъ стоитъ пять минутъ; станція такая-то, поѣздъ стоитъ десять минутъ;“ дребезжащій стукъ молотка по колесамъ, дальній свистъ локомотива, и прочія прелести желѣзно-дорожнаго путешествія. Вдругъ лучъ солнца глянулъ мнѣ прямо въ лицо и кондукторъ прокричалъ надъ самымъ моимъ ухомъ: Курскъ, поѣздъ стоитъ часъ сорокъ минутъ. Я вскочила. Что-жъ это?.... я проспала самыя живописныя мѣста. Окрестности Курска очень красивы и я помню, что когда ѣздила на Кавказъ я не могла ими налюбоваться. Но между Курскомъ и Бѣлгородомъ и до самаго Харькова есть также прелестныя мѣстности; особенно подъ Бѣлгородомъ усадьбы часты и красивы. Не доѣзжая до Харькова, на лѣвой сторонѣ дороги, стоитъ деревенская церковь точь въ точь игрушка, вынутая изъ ящика съ моделью Троицко-Сергіевской Лавры; такая же маленькая, зеленая, точеная, съ пятью золотыми главками. Пріѣхали мы въ Харьковъ къ обѣду въ третьемъ часу дня. Отобѣдавъ и отдохнувъ немного, я услыхала звонокъ и поспѣшила въ вагонъ. Засвистѣлъ, завизжалъ локомотивъ и мы помчались далѣе. Тутъ вагоны перемѣняли, но намъ досталось опять такое же удобное отдѣленіе и эту ночь я спала отлично до шести часовъ утра. Я знала, что послѣ Лозово-Севастопольской станціи, гдѣ мы стояли болѣе часа, пойдетъ нескончаемая и прескучная степь и поэтому проснувшись не удивилась, увидавъ кругомъ одну выгорѣвшую траву и на станціяхъ вмѣсто нашихъ березъ и пирамидальныхъ тополей, какъ около Харькова, деревья бѣлыхъ

акацій; онѣ уже отцвѣли, конечно, но зелень ихъ яркая и свѣтлая веселила немного глазъ и мирила съ однообразной, скучной степью. Села уже попадались рѣдко и большею частью безъ церквей. Это были вѣроятно, или селенія нѣмецкихъ колонистовъ, или казаковъ старовѣровъ; бѣлые домики, покрытые черепицей, виднѣлись издали, но русскія избы уже не встрѣчались. На станціи стали мелькать люди не русскаго типа и даже не хохлы. Татары, евреи, армяне, нѣмцы сидѣли на перилахъ платформъ и перекидывались непонятными словами. Самыя названія станцій звучали странно: Чонгаръ, Таганашъ, Джанкой. Между Чонгаромъ и Таганашемъ мы проѣхали мимо соленыхъ озеръ. Они были всѣ раздѣлены на небольшіе участки въ видѣ четыреугольниковъ и нѣкоторые изъ нихъ казались залитыми яркой, карминной краской. Я послѣ узнала, что этотъ цвѣтъ зависитъ отъ микроскопическихъ существъ называемыхъ монадами. По народному воззрѣнію эти монады, умирая, оставляютъ соль, которая потомъ выбирается изъ озеръ, высушивается и продается. Народъ говоритъ, когда вода красна, что это соль цвѣтетъ и зовутъ эту розовую матку Соленой Маткой. Отъ нихъ несется далеко пріятный запахъ. Нельзя сказать того-же объ Сивашѣ, черезъ который мы проѣзжали по длинному, плоскому мосту, или дамбѣ, такъ что мнѣ казалось мы ѣдемъ по морю. Красиво, но жутко, особенно какъ подумаешь, что прежде это былъ океанъ; вѣдь и соленыя озера когда-то были океаномъ, но это было такъ давно, что я забываю страхъ и становлюсь къ окну вагона.

День былъ удушливый; въ два часа хлынулъ силь-

ный дождь и пересталъ только при въѣздѣ нашемъ въ Симферополь. Около города и въ самомъ городѣ много зелени, и прекрасной зелени; преобладаютъ пирамидальные тополи и акаціи, но огромныхъ размѣровъ, красивые и всѣ блестѣвшіе на солнцѣ отъ только что ихъ оросившаго дождя.

Въ Симферополь мы пріѣхали въ третьемъ часу дня 23 іюня т. е. черезъ двое сутокъ послѣ нашего выѣзда изъ Москвы. На станціи, только что я вышла изъ вагона, меня окружили артельщики съ предложеніемъ услугъ. Можно было сейчасъ-же нанять фаэтонъ и отправиться въ Саки; но я очень устала; хотѣлось отдохнуть, хоть нѣсколько часовъ. Мы наняли просторную коляску; на козлы, около ямщика, втащили нашъ чемоданъ, очень почтенныхъ размѣровъ и поѣхали въ Петербургскую гостинницу, гдѣ мнѣ дали большой, прохладный номеръ за 2 рубля и очень сносный обѣдъ за 1 р. 50 к. Петербургская гостинница красивое, большое зданіе, на одной изъ лучшихъ улицъ города; она устроена на европейскій манеръ и содержится довольно чисто. Отдохнувъ немного, мы отправились побродить по городу. Вечеръ былъ великолѣпенъ; на улицахъ еще стояли лужи отъ бывшаго дождя, съ деревьевъ изрѣдка скатывались большія, запоздалыя капли. Переходить улицы было довольно трудно; однако, перескочивъ удачно два, три ручейка около тротуара, мы направились къ мосту, перекинутому черезъ Салгиръ. Эта свѣтлая, быстрая рѣка вытекаетъ недалеко отъ Чатырдага, близъ деревни Аянъ, орошаетъ Симферополь и его окрестности и впадаетъ въ Гнилое море, или Сивашъ, отдѣленное отчасти отъ Азовскаго моря

Арабатской стрѣлкой. Около моста стояло много фаэтоновъ и колясокъ; экипажи здѣсь хороши и не дороги: насъ довезли съ вокзала до гостинницы (а это довольно далеко) за 50 к., а за чемоданъ мы прибавили 20 коп. Городской садъ мнѣ показался хорошъ, но сыръ (послѣ дождя вѣроятно); онъ расположенъ амфитеатромъ на берегу Салгира и очень густо засаженъ; зелень замѣчательно свѣжа и много нашлось деревьевъ и кустовъ мнѣ совершенно незнакомыхъ. Въ верхней части сада устроена площадка, гдѣ танцуютъ; она обсажена кругомъ бѣлыми акаціями, уксусными и другими деревьями, на ней довольно часто стоятъ столбы съ фонарями, и къ одной сторонѣ павильонъ для музыки. Соборъ въ Симферополѣ великъ, но обыкновененъ. Передъ соборомъ возвышается памятникъ Князю Долгорукому, побѣдителю Крыма. Это, не то обелискъ, не то колонна, — очень высокій, но некрасивый, изъ сѣраго мрамора; на одной изъ четырехъ сторонъ изъ бѣлаго мрамора большой медальонъ съ портретомъ князя.

Говорили мнѣ, что въ Симферополѣ достоинъ замѣчанія Татарскій базаръ, старый городъ извѣстный у Татаръ подъ названіемъ Акъ-Мечеть (Бѣлая Мечеть); но я спѣшила въ Саки и уѣхала изъ Симферополя на другой день утромъ въ девять часовъ, не побывавъ ни на базарѣ, ни въ старомъ городѣ. Погода была прелестная и хотя знойная, но въ коляскѣ продувало и мы отъ жара не страдали. Отъ Симферополя до Сакъ считаютъ 43 версты; дорога весьма однообразна, безбрежная степь со всѣхъ сторонъ; нигдѣ ни пригорка, ни селенія; лѣсовъ кругомъ невидно. Только, около Симферополя двѣ три деревушки, и въ 18 верстахъ,

недоѣзжая Сакъ, татарское селеніе, гдѣ нашъ ямщикъ, татаринъ, далъ вздохнуть лошадямъ и покормилъ ихъ овсомъ. Мы не вошли въ жидовскую корчму. На дворѣ солнце палило, было 11-ть часовъ и нигдѣ мы не могли найти ни малѣйшей тѣни. Тутъ я увидала въ первый разъ верблюдовъ (на Кавказѣ мнѣ не случилось ихъ видѣть, а экземпляры въ нашихъ звѣринцахъ очень неудовлетворительны). Ихъ было около двадцати, въ томъ числѣ и маленькіе верблюжата; при насъ старая татарка погнала ихъ на водопой и они испускали какой то особенный, жалобный крикъ, точно жалѣли о своихъ пустыняхъ и раскаленныхъ пескахъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно подъ этимъ впечатлѣніемъ, началъ даже валяться по песку, поднимая цѣлыя облака пыли. Они очень неуклюжи и некрасивы; мнѣ сказали что они лѣтомъ линяютъ, а зимой обрастаютъ густой шерстью и дѣлаются красивѣе. Мнѣ случилось потомъ, когда я жила въ Евпаторіи, видѣть ихъ запряженными въ мажару (длинная татарская телѣга); они бѣжали очень шибко, и возница татаринъ понукалъ свою неуклюжую пару огромной палкой, такъ что они скоро пустились въ галопъ мимо бульвара, что очень забавляло толпу гулявшихъ тамъ дѣтей. Въ корчмѣ старая жидовка сидѣла за прилавкомъ и продавала водку. Внукъ ея, молодой жидокъ, очень гордый тѣмъ, что успѣлъ уже сбыть военную повинность, поставилъ намъ самоваръ и мылъ очень долго чашки и блюдечки; но, не смотря на его старанія, чай былъ очень невкусенъ и мы не могли проглотить болѣе одной чашки. Въ корчмѣ было очень грязно и я рада была сѣсть въ коляску и продолжать путь. Джединъ, нашъ ямщикъ,

подкрѣпилъ свои силы водочкой и крутыми яйцами и сидя на козлахъ преспокойно задремалъ, пока я не попросила его ускорить шагъ его лошадокъ. Впрочемъ, надо отдать ему справедливость, что не смотря на жаръ, лошади его шли бодро и довезли насъ въ Саки къ тремъ часамъ. Подъѣзжая къ грязелѣчебному заведенію (которое здѣсь, не знаю почему, называютъ дворцомъ), мы встрѣтили служителя съ бляхой. Онъ остановилъ коляску и посовѣтовалъ намъ отправиться въ деревню искать помѣщенія; въ заведеніи же не было ни одного номера свободнаго. Но узнавъ, что я давно писала, чтобъ мнѣ къ 24-му іюня удержали комнату, онъ объявилъ, что 20-й № оставленъ. Очень довольныя, мы въѣхали на дворъ и подкатили къ парадному крыльцу. Съ обѣихъ сторонъ дома, подъ тощими, пыльными деревьями, на скамейкахъ и на ступеняхъ крыльца сидѣли больные и дышали воздухомъ, къ которому я потомъ привыкла; но въ эту минуту онъ мнѣ казался очень непріятнымъ; пыль и запахъ грязи, долетавшій до меня отъ озера, раздражительно дѣйствовали на мои нервы и я вышла изъ коляски въ очень невеселомъ настроеніи. Узнавъ мою фамилію, номерной повелъ насъ въ оставленный мнѣ номеръ. Шли мы безконечнымъ, темнымъ корридоромъ, по обѣимъ сторонамъ котораго то и дѣло отворялись двери и выглядывали скучающія, любопытныя лица. Во время нашего печальнаго шествія нагналъ насъ г-нъ А. смотритель заведенія и въ самомъ концѣ корридора отворилъ дверь въ какую-то конуру, сырую и пропитанную всевозможными запахами. Онъ ввелъ меня въ эту отвратительную комнату въ одно окно, съ двумя кроватями, маленькимъ столомъ и за

перегородкой грязнымъ коникомъ, вмѣсто гардероба или коммода. Я глядѣла въ недоумѣніи. Неужели мнѣ здѣсь придется прожить, можетъ быть, цѣлый мѣсяцъ, думала я. Это ужасно! Повернуться негдѣ! Дышать нечѣмъ!

— Это оставленный для меня номеръ?—Да-съ.

— Сколько вы за него берете въ сутки?—1 р. 50 к.

— Я просила оставить мнѣ двойной номеръ въ 2 р., а это одинарный. Мы здѣсь вдвоемъ задохнемся. Я писала еще 1-го іюня г-ну П.... прося, чтобы мнѣ къ 24 числу удержали номеръ двойной, просторный.—Извините, вышло недоразумѣніе. Заведеніе перешло въ распоряженіе земства и вы были записаны на одинарный номеръ. Теперь всѣ номера заняты, кромѣ этого, котораго конечно всѣ избѣгаютъ. Мы вамъ оставили другой номеръ, но нынче въ ночь пріѣхалъ полковникъ, съ женой и ребенкомъ, шелъ проливной дождь, въ деревнѣ всѣ спали, мы его и помѣстили въ № оставленный для васъ.

— Помилуйте! чѣмъ же я виновата, что я пріѣхала днемъ и въ прекрасную погоду. Объявляю вамъ, что въ этой конурѣ я не останусь, и хотя мнѣ будетъ очень неудобно и трудно ѣздить такъ далеко брать ванны, я найму комнату въ деревнѣ. По крайней мѣрѣ тамъ, если нѣтъ удобствъ, то воздухъ чистъ.—Смотритель сталъ меня уговаривать погодить и увѣрялъ меня, что черезъ два, три дня освободится хорошій номеръ на верху и я согласилась ждать. Подали обѣдать. Порціи большія въ 40, 50 коп.; ѣсть можно, только готовятъ очень жирно и для меня эта кухня была тяжела. Молоко хорошее здѣсь найти можно, но трудно; о сливкахъ и помину нѣтъ.

Пришли нашъ номерной и женщина русская, изъ Воронежа. Начали раскладывать вещи; тѣсно, душно, дѣвать вещи некуда....

Въ Сакское заведеніе былъ приглашенъ земствомъ изъ Петербурга на сезонъ военный докторъ В. Г. П. Онъ жилъ въ заведеніи и всякій день утромъ въ 9 ч. и вечеромъ въ 6 ч. обходилъ всѣ номера, назначалъ ванны и проч. и проч. Я попросила, чтобъ его пригласили зайти ко мнѣ и ровно въ 6-ть ч. явился человѣкъ лѣтъ 50-ти, очень симпатичный и внушающій довѣріе. Съ тѣхъ поръ, какъ грязи перешли въ вѣдѣніе земства г. П.... уже не лѣчитъ; впрочемъ паціенты имѣютъ право обратиться къ какому угодно доктору. Нѣкоторые пользуются совѣтами военнаго врача, находящагося при баракахъ, гдѣ лѣчатся на казенный счетъ солдаты и офицеры. У нихъ свое особое помѣщеніе для ропныхъ ваннъ и для натуральныхъ своя площадка. Наша площадка раздѣлялась на двѣ половины; одна для мущинъ, другая для женщинъ. На мужской половинѣ, во время ваннъ, постоянно находится докторъ; на женской замѣняетъ его фельдшерица, руководствуясь его указаніями на счетъ градусовъ ваннъ и прочихъ подробностей. Она очень милая и обязательная особа, неутомимая и всегда веселая, не смотря на палящій, жаръ, которому она подвергается. На площадкѣ ничѣмъ не защищенной отъ солнца, съ часами въ рукахъ она перебѣгаетъ отъ одной паціентки къ другой, наблюдая за порядкомъ, вызывая по фамиліи каждую, когда ванна готова, и слѣдя за прислугой во время замурованья больныхъ и потомъ окачиванья ихъ водой. Докторъ мнѣ назначилъ три ропныя ванны, т. е. изъ соленой

воды Сакскаго озера. Она прямо течетъ въ ванны, устроенныя на берегу озера въ низенькихъ, довольно удобныхъ каютахъ (есть и отдѣльныя и общія), и подогрѣвается до желаемой температуры. Эти ропныя ванны служатъ приготовленіемъ къ натуральнымъ, или грязнымъ; ихъ температура увеличивается постепенно отъ 28° до 30°, а первыя грязныя берутся обыкновенно, начиная съ 32-хъ градусовъ и доходятъ до 37°, хотя грязь нагрѣвается иногда и до 40 градус. по Реомюру.

Сакскія грязи уже давно извѣстны своими цѣлебными свойствами. Во многихъ болѣзняхъ, какъ въ ревматизмѣ, золотухѣ, опухоли сочлененій, и другихъ, онѣ дѣйствуютъ быстро и въ высшей степени благотворно. Способъ лѣченія грязями былъ извѣстенъ въ глубокой древности. Египтяне принимали ванны изъ Нильской грязи, въ Италіи въ IV столѣтіи грязевыя ванны были въ употребленіи, а Крымскія грязи пользовались извѣстностью въ Россіи еще въ прошломъ столѣтіи; преимущественно же Сакское, соляное озеро, отдѣленное отъ моря не болѣе какъ на 1½ версты песчаною косой, пользовалось особеннымъ довѣріемъ жителей Крыма въ цѣлебную силу Сакской грязи. Татары лѣчились ею безъ разбора отъ всѣхъ упорныхъ болѣзней слѣдующимъ образомъ: на извѣстномъ мѣстѣ озера, послѣ спаденія воды, рыли не глубокую, продолговатую яму, оставляли ее на нѣсколько часовъ открытой, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, чтобы она нагрѣлась; затѣмъ въ яму садился больной и его закрывали по шею нагрѣтою грязью; спустя часъ, или полтора, освободивъ его отъ грязи, тутъ же обмывали водой изъ озера и, одѣвъ потеплѣе, отправляли на арбѣ домой. Этотъ способъ употреблялся

еще въ сороковыхъ годахъ; да и теперь можно видѣть татаръ, дѣлающихъ себѣ ванны такимъ же образомъ, въ разныхъ мѣстахъ озера. Большое стеченіе больныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи болѣе отдаленныхъ, побудило правительство устроить лѣченіе грязями подъ руководствомъ врачей, въ сороковыхъ же годахъ были устроены, по распоряженію князя Воронцова, гостинница съ номерами для частныхъ больныхъ и каменное зданіе для военныхъ, на берегу озера. Но въ Крымскую войну 1854 года, оба эти зданія были разрушены англичанами и французами, которые, какъ извѣстно, высадились недалеко отъ Евпаторіи и заняли весь этотъ берегъ Чернаго моря.

Теперь существуютъ грязелѣчебныя заведенія почти на прежнемъ мѣстѣ для военныхъ и частныхъ больныхъ: но послѣднее, о которомъ и могу я только судить, очень не помѣстительно (всего 46-ть номеровъ, кажется) и не представляетъ большихъ удобствъ.

Сакское озеро имѣетъ неправильную форму; западная часть его, прилегающая къ морю, гораздо шире и глубже; восточная уже и мельче и мѣстами пересыхаетъ, особенно въ жаркое лѣто. Оно, какъ и всѣ соляные источники и озера, остатокъ постепенно спадавшаго, первобытнаго океана, на днѣ котораго образовалась вѣками однородная, мягкая масса, или илъ. Химическія качества этого ила и вслѣдствіе того разнообразное его дѣйствіе, какъ лѣчебное средство, зависитъ несомнѣнно отъ различной давности вѣковыхъ наносовъ моря и органическихъ и неорганическихъ остатковъ, гніеніемъ и распаденіемъ которыхъ онъ образовался. Дознано, что Аренсбергскія грязи слабѣе дѣйствуютъ нежели

Гапсаль, Старая Русса, Бускъ, Друзгеники, а эти далеко уступаютъ Крымскимъ озерамъ и преимущественно Сакскому.

Вода въ Сакскомъ озерѣ (ее называютъ ропой) сѣрожелтоватаго цвѣта, мутна, горько-соленаго вкуса, въ жаркіе дни гуще, а отъ дождей становится жидкою, но вообще она такъ густа, что въ ваннѣ нужно опираться о ея стѣнки, чтобы не всплыть на поверхность. Иногда поверхность озера принимаетъ темнорозовый цвѣтъ, что зависитъ отъ безчисленнаго множества находящихся въ ней живыхъ организмовъ Монадъ. Непосредственно подъ водой грунтъ тонкаго песчанаго слоя въ одинъ вершокъ и менѣе; за нимъ слой ила, доходящій мѣстами до аршина; подъ иломъ сѣрая глина. Илъ—черная, блестящая, тяжелая масса, однообразная, мягкая, жирная, похожая на ваксу; она отмывается только ропой т. е. озерной соленой водой. Подъ вліяніемъ воздуха она дѣлается твердою, но хрупкою, и принимаетъ цвѣтъ аспидной доски. Соленая грязь Сакскаго озера, какъ и морская грязь на берегахъ Балтійскаго и Чернаго морей, состоитъ изъ почти одинаковыхъ микроскопическихъ растеній и животныхъ. Вода же имѣетъ составъ концентрированной морской воды; въ ней почти въ пять разъ больше поваренной соли и много магнезіи, но іодистыхъ и бромистыхъ соединеній сравнительно мало. Грязь этого озера, судя по анализу, въ различныхъ мѣстахъ довольно различна по составу; девять десятыхъ ея, по вѣсу, состоятъ изъ глины, извести, гипсу и поваренной соли; затѣмъ встрѣчаются различныя сѣрныя и хлористыя соединенія, отъ разложенія которыхъ происходитъ сѣрнистый

водородъ, постоянно отдѣляющійся отъ грязи; песокъ совершенно отсутствуетъ и этимъ обусловливаетъ мягкость и вязкость этой грязи; черный цвѣтъ ея происходитъ отъ сѣрнистаго желѣза и гніющихъ органическихъ веществъ.

Прѣсной воды вблизи озера мало; около Сакской деревни есть нѣсколько неглубокихъ колодцевъ, вода которыхъ сносна и служитъ для питья и приготовленія пищи, но на вкусъ она непріятна, а на видъ мутна, такъ что ее пьютъ, большею частью, съ краснымъ виномъ.

Мѣстность вокругъ озера ровная, однообразная, почва песчаная, глинистая, солонцеватая, растительность очень бѣдна; ростутъ только какіе то колючіе кустики, съ бѣлыми вонючими цвѣтами и родъ полыни довольно пахучей; разводятся съ успѣхомъ акаціи, уксусное дерево, разные кустарники.

Воздухъ въ Сакахъ здоровый и пріятный; но если дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, распространяется непріятный запахъ сѣрнистаго газа, выходящаго изъ озеръ, лежащихъ за Евпаторіей; вѣтры постоянны; бываетъ тихо только рано утромъ и вечеромъ. Средняя температура воздуха обыкновенно въ полдень 26° Реомюра. Западные вѣтры ее понижаютъ до 18°. Впрочемъ иногда бываетъ и 34°, конечно на солнцѣ и въ затишьѣ. Теплота воды въ озерѣ мѣняется отъ 18° до 25°. Дожди выпадаютъ рѣдко и бываютъ непродолжительны, но проливные. Время лѣчебнаго сезона съ половины Іюня до начала Августа; Іюль самый жаркій мѣсяцъ и самый удобный для лѣченія грунтовыми. или нату-

ральными ваннами, которыя замѣняются разводными, въ пасмурные и дождливые дни.

Грунтовыя ванны приготовляются на открытомъ воздухѣ, на расчищенной площадкѣ, защищенной земляными насыпями отъ господствующихъ вѣтровъ. Рано утромъ, или наканунѣ вечеромъ (если приготовляется много ваннъ) достаютъ лопатой грязь и на тачкахъ привозятъ ее на площадку, размѣшиваютъ ее ногами и дѣлаютъ овальный пластъ (медальонъ) въ ростъ человѣка, толщиной въ четверть аршина, сглаживаютъ поверхность и оставляютъ нагрѣваться. Ванны готовы въ 8-мъ часу утра; въ 10-ть часовъ каждую ванну обставляютъ плетнями, покрытыми войлоками, но такъ чтобы тѣнь не падала на ванну, и оставляютъ ихъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей до тѣхъ поръ пока ртуть въ термометрѣ, опущенномъ въ грязь вертикально, не поднимется до 33° Реомюра. Грязь нагрѣвается иногда до 40° и если она слишкомъ горяча, то ее на нѣсколько минутъ закрываютъ простыней, или суконнымъ одѣяломъ. Грязевая ванна всякій разъ должна быть приготовлена изъ свѣжей грязи, тогда поверхность ея блеститъ мелкими кристаллами соли, серебристо-пепельнаго цвѣта; если же она уже разъ была въ употребленіи, или пролежавши сутки, вновь передѣлана, поверхность ея бываетъ темная и матовая. Грязныя ванны можно брать не ранѣе 11-ти и не позднѣе 2-хъ часовъ; это зависитъ отъ температуры воздуха, облачности или ясности неба и направленія вѣтра, бываютъ дни очень теплые, но пасмурные; тогда грунтовыя ванны не нагрѣваются достаточно и ихъ замѣняютъ разводными, которыя приготовляютъ изъ той же грязи, но въ ком-

натахъ, въ большихъ деревянныхъ ваннахъ, въ которыхъ ее постепенно разминаютъ ногами и помѣшивая постоянно лопатами, разводятъ теплою ропой до извѣстной температуты. Разводная ванна не должна быть очень густа, иначе она для больнаго не выносима, вслѣдствіе ея давленія на грудь и непріятнаго запаха.

Процессъ замурованія, или закапыванія въ грязь, какъ здѣсь выражаются ванщицы, очень непріятенъ. Послѣ того, какъ вы раздѣлись въ комнаткѣ, гдѣ стоитъ ваша ванна, или въ общей, гдѣ ихъ кажется четыре или пять, вы повязываете голову мокрымъ полотенцемъ, набрасываете на себя парусинный плащъ, надѣваете соломенныя туфли, очень похожія на лапти (все это продается въ заведеніи) и отправляетесь на площадку, по указанію фельдшерицы, къ заранѣе назначенному докторомъ медальону; тутъ васъ двѣ женщины берутъ подъ руки и медленно, чтобы не сбить въ одну сторону слой грязи, кладутъ на спину, совершенно прямо и руки по швамъ; подъ голову пододвигаютъ вамъ низенькую деревянную скамеечку, съ подушечкой набитой сѣномъ и одновременно съ обѣихъ сторонъ покрываютъ васъ слоями грязи, смазывая ее руками такъ чтобы ни гдѣ не было трещины и чтобы она представляла совершенно гладкую поверхность. Надъ головой устанавливаютъ плоскій, зеленый зонтикъ, для защиты отъ солнца. Лежать неподвижно очень трудно, тѣмъ болѣе, что, хотя на груди слой грязи не очень толстъ, но все таки дышать тяжело. Я никогда не выдерживала грунтовой ванны болѣе 20-ти минутъ, а иногда и менѣе, но нѣкоторые больные находятъ это положеніе очень пріятнымъ и просятъ, чтобы имъ дозволили

лежать подольше и чтобы грязь была погорячѣе. Еврейки, которыхъ здѣсь очень много, находятъ особенную прелесть въ этомъ способѣ лѣченія и парятся въ грязи съ такимъ же наслажденіемъ, какъ наши русскія женщины парятся въ жаркой банѣ. Передъ выходомъ изъ ванны двѣ ванщицы краемъ ладони быстро сдвигаютъ грязь съ вашего тѣла, подъ руки поднимаютъ васъ изъ ванны, набрасываютъ на васъ плащъ, или простыню, и ведутъ васъ въ комнату, гдѣ обмываютъ грязь теплой ропой, посадивъ васъ на широкую скамью, или въ полуналитую ванну. Одѣвшись теплѣе и закрывъ голову, вы отправляетесь къ себѣ въ номеръ, ложитесь въ постель на часъ, или полтора по указанію доктора, и пьете теплый чай или малину, чтобы произвести испарину, и мѣняете бѣлье. Отдохнувъ немного, вы одѣваетесь, обѣдаете и если не сыро и не вѣтряно, отправляетесь гулять на свѣжемъ воздухѣ. Гулять въ Сакахъ очень скучно, прогулокъ нѣтъ, тѣни никакой, всюду царитъ какая-то мертвенность и тишина; съ одной стороны сверкаетъ широкое, неподвижное озеро, съ другой разстилается желтая, сожженная степь; только впереди васъ, когда вы идете по берегу озера по направленію къ Симферополю, темнымъ облакомъ стоитъ на горизонтѣ Чатырдакъ, а за нимъ синѣется цѣпь Крымскихъ горъ, за которыми вы знаете скрывается южный берегъ со всѣми его чарующими прелестями. Здѣсь природа до такой степени мертва, что я не видала ни одной хорошенькой птички въ Сакахъ, кромѣ удода, этой отвратительной птицы по тому запаху, который она распространяетъ всюду, гдѣ летаетъ. Разъ я увидѣла огромную стаю галокъ, ихъ было,

я думаю, нѣсколько тысячъ; онѣ летѣли очень высоко и казалось спѣшили куда-то далеко отъ нашихъ негостепріимныхъ Сакъ, гдѣ имъ нечѣмъ было поживиться. Воробьи и ласточки вились иногда около моего окна, но они казались мнѣ очень печальными и недовольными, что залетѣли въ такую некрасивую мѣстность. Единственнымъ развлеченіемъ для больныхъ служила прогулка въ деревню Сакъ, куда почти всякій вечеръ ходили отъ скуки покупать свѣжія яйца, молоко, папиросы, табакъ и разные другіе предметы. Тутъ же заходили въ кофейню, гдѣ татаринъ Септаръ варитъ кофе по турецки и подаетъ его въ крошечныхъ чашкахъ, съ сахаромъ и съ гущей. Кофе этотъ очень не дуренъ и я его пила нѣсколько разъ съ удовольствіемъ. За чашку платятъ 3 копѣйки. Татаринъ его варитъ въ маленькомъ горнѣ, на угольяхъ, въ особенныхъ кофейникахъ разныхъ величинъ; есть даже кофейнички на одну только чашку. Въ селеніи Сакъ есть православная церковь и татарская мечеть. Церковь довольно большая, каменная, полъ деревянный; она кажется очень небогата и походитъ на всѣ наши деревенскіе храмы. Приходскаго священника въ это лѣто не было. По воскресеньямъ служилъ обѣдню священникъ изъ ближняго села. Наканунѣ большихъ праздниковъ въ Сакской гостинницѣ бываютъ всенощныя въ общей залѣ и по звукамъ, долетавшимъ черезъ открытое окно до моего номера, пѣніе было не дурно, Въ числѣ больныхъ были нѣкоторые личности, одаренныя хорошимъ голосомъ, и по вечерамъ, при лунномъ свѣтѣ, когда самый незатѣйливый пейзажъ облекается въ нѣкоторую туманную прелесть, когда подъ моимъ окномъ смолкалъ говоръ и смѣхъ больныхъ, не бояв-

шися вечерней сырости, до меня доносились стройные звуки мужскихъ и женскихъ голосовъ. Они пѣли и русскія заунывныя пѣсни, и модные романсы, и аріи изъ Травіаты и другихъ оперъ. Это были пріятныя минуты. Выходить поздно я боялась. Лѣченіе натуральными ваннами требуетъ большихъ предосторожностей, особенно въ сырое время. Сяду я у открытаго окна; яркая, южная луна, какимъ-то золотымъ блескомъ глядитъ мнѣ прямо въ лицо; кажется, она не только свѣтитъ но и грѣетъ, такъ легко, такъ любовно лучи ея обливаютъ всю окрестность. Тихо поднимается она все выше и выше и наконецъ, ставъ прямо надъ озеромъ, отражается въ немъ нескончаемой зыбью, какъ длинная серебристая лента, а звуки, то заунывной, то разудалой цыганской пѣсни, раздаются подъ самымъ окномъ, или звучатъ гдѣ-то далеко, далеко, когда поющіе выходятъ изъ палисадника по направленію къ деревнѣ въ широкую степь.

Въ Сакахъ оркестра нѣтъ, какъ при другихъ водолѣчебныхъ заведеніяхъ, чему я очень обрадовалась, до такой степени надоѣдаютъ на водахъ эти оркестры, исполняющіе утромъ и вечеромъ, каждый день однѣ и тѣ же увертюры, попури, польки и вальсы. Одинъ только оркестръ надоѣсть не можетъ никогда, если онъ и теперь также хорошъ, какъ былъ когда я его слышала. Это музыка Терскаго казацкаго войска, игравшая на водахъ въ Желѣзноводскѣ въ 1876 году. Я никогда и нигдѣ не слыхала подобнаго оркестра: скрипки особенно были замѣчательны, и эту музыку можно было слушать безъ устали въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Мнѣ сказывали тогда, что этотъ замѣчательный оркестръ собралъ и сформировалъ самъ графъ Лорисъ-Меликовъ,

великій знатокъ и любитель музыки, когда онъ былъ правителемъ Терской области. Въ Сакской гостинницѣ залы для танцевъ нѣтъ. Разъ какъ-то захотѣли потанцовать: изъ общей, обѣденной залы вынесли столы, но было такъ жарко и тѣсно, что самые рьяные танцоры одолѣли только одну кадриль и выскакивали изъ залы красные, какъ изъ русской бани. Библіотека имѣется, но въ жалкомъ видѣ. Разрозненные томы „Отечественныхъ Записокъ" 60-хъ годовъ и какіе-то переводы нѣмецкихъ и англійскихъ романовъ составляютъ все ея богатство. Газеты получаются, но черезъ недѣлю, а иногда и позднѣе, и такъ какъ кажется выписывается по одному экземпляру „Московскихъ Вѣдомостей," „Голоса" и „Новаго Времени," ихъ захватить очень трудно. Еще получается одна нѣмецкая газета и „Figaro," который я читала постоянно, не имѣя на него конкурентовъ.

Я прожила на Сакскихъ грязяхъ ровно три недѣли, взяла 14-ть ваннъ всего съ ропными, такъ что отдыхала между ваннами немного и только одинъ разъ могла съѣздить въ Евпаторію, въ 19-ти верстахъ отъ Сакъ. Дорога гладкая, какъ паркетъ. Коляски и фаэтоны вообще въ Крыму очень покойны и процессъ ѣзды пріятенъ и неутомителенъ. Мы съѣздили въ Евпаторію съ г-жей Т.... и ея дочерью, прелестной дѣвочкой лѣтъ четырехъ, которая уже была въ Крыму въ прошломъ году и все увѣряла, что Саки не Крымъ, потому что нѣтъ моря. Я раздѣляла ея мнѣніе и съ нетерпѣніемъ ждала той минуты, когда наконецъ оно явится передъ нами. И что-же?... Мы подъѣхали къ безчисленнымъ Евпаторійскимъ мельницамъ; ихъ вдругъ видно болѣе двадцати, при въѣздѣ въ городъ; стоятъ онѣ всѣ ря-

домъ, точно дѣтскія игрушки, а за ними море, синее, неподвижное море. Я увидала море въ первый разъ, но оно меня не поразило; немного темнѣе и шире Волги, а я ожидала совсѣмъ другое. Г-жа Т. говорила мнѣ, что оно было особенно тихо въ этотъ день и поэтому не произвело на меня того впечатлѣнія, котораго я ожидала; но бываютъ дни, когда оно бурлитъ, а осенью даже выкидываетъ корабли на берегъ, на тотъ самый берегъ, по которому мы проѣзжали и откуда оно мнѣ казалось такимъ спокойнымъ, невозмутимымъ. Въѣзжая въ городъ, мы проѣхали мимо артезіанскаго колодца; онъ снабжаетъ весь городъ очень хорошей водой и далъ имя улицѣ Фонтанная, лучшей въ городѣ: на ней много домовъ бѣлыхъ, низенькихъ, чистенькихъ, на видъ по крайней мѣрѣ, съ полисадниками и дворами, выходящими на море. Улица засажена бѣлыми акаціями; онѣ много пострадали отъ холодовъ прошедшей зимы; морозы доходили говорятъ до 40°; померзли всѣ виноградники и фруктовыя деревья, что раззорило жителей Евпаторіи и многихъ мѣстностей Крыма.

Оставивъ наши пледы въ клубѣ, мы отправились искать кофейню, гдѣ бы могли выпить чашку кофе. Долго наши поиски были безуспѣшны; наконецъ мы увидали вывѣску: *французская булочная и кондитерская*, и войдя въ довольно большую, низкую комнату, въ которой стоялъ накрытый столъ съ грязной скатерью и вазой съ поблекшими искусственными цвѣтами, добились цѣли нашихъ желаній. Намъ подали кофе, но увы онъ былъ очень невкусенъ и притомъ сливки отличались своею жидкостью и синеватымъ цвѣтомъ снятаго молока, такъ что, несмотря на жажду, мучившую насъ, мы съ

трудомъ могли проглотить по чашкѣ этого нектара. Въ комнатѣ была страшная духота и громадное количество мухъ. Маленькая Леля прельстилась конфектами, разложенными въ витринахъ, но онѣ казались такъ не свѣжи и не апетитны, что мы не рѣшились ихъ купить, а взяли, одну тянучку на пробу; но тянучка оказалась окаменѣлостью, привезенной изъ Москвы, по крайней мѣрѣ тому назадъ полгода, и мы ее выкинули на тротуаръ, выйдя изъ кофейни. Я сказала на тротуаръ, но въ Евпаторіи тротуаровъ нѣтъ; ихъ замѣняютъ камни всѣхъ формъ и размѣровъ, такъ что если забудешь смотрѣть подъ ноги, очень легко растянуться на улицѣ и сломать себѣ шею. Побродивъ по базару, гдѣ меня поразили лавки сапожниковъ, портныхъ, мѣдниковъ, шорниковъ, не только торгующихъ, но даже и работающихъ на улицѣ, мы прошли черезъ большую арку, совершенно въ восточномъ вкусѣ, и пошли далѣе по узкимъ, неимовѣрно грязнымъ переулкамъ, въ сопровожденіи какого-то человѣка, довольно бѣдно одѣтаго и говорившаго ломанымъ русскимъ языкомъ. Онъ взялся проводить насъ въ караимскую синагогу, составляющую съ мечетью единственныя замѣчательныя зданія въ Евпаторіи. Велъ онъ насъ долго; сперва черезъ греческій кварталъ, потомъ черезъ караимскій, гдѣ много красивыхъ домовъ, но они всѣ обращены на улицу задами, или окружены высокими стѣнами съ маленькими желѣзными калитками. Если и виднѣется кой-гдѣ окно, то оно защищено рѣшеткой изъ желѣза, почти всегда массивной, старинной работы. Улицы въ этихъ кварталахъ до того узки, что разъѣхаться двумъ даже маленькимъ экипажамъ, невозможно и до того кривы и сбивчивы,

что безъ проводника изъ этого лабиринта никакъ не выйдешь. Нашъ проводникъ оказался караимомъ и по дорогѣ въ синагогу предложилъ намъ зайти въ его домикъ. Мы остановились у калитки, онъ дернулъ большое, желѣзное кольцо, послышались торопливые шаги и передъ нами явилась его жена, съ ребенкомъ на рукахъ. Другой мальчикъ побольше прятался за мать и выглядывалъ на насъ, точно испуганный заяцъ; его черные глаза и всклоченные волосы рѣзко отдѣлялись отъ блѣднаго лица, въ которомъ не было ничего дѣтскаго: онъ мнѣ показался больнымъ и я спросила у отца здоровъ ли онъ. Здоровъ, ничего; войдите, прошу васъ. Въ дворикѣ было очень чисто. Какъ и всѣ караимскіе дворы, онъ былъ вымощенъ каменными плитами и снабженъ маленькимъ колодцемъ въ видѣ цистерны съ водой соленою не годною для питья и приготовленія пищи. Прѣсную воду всѣ жители Евпаторіи берутъ изъ артезіанскаго колодца и потомъ, наливая ее въ каменные кувшины, очень похожіе формой на древнія амфоры, опускаютъ въ колодцы соленой воды, гдѣ она сохраняется свѣжей въ самые жаркіе дни. Прежде чѣмъ мы вошли въ домикъ, хозяинъ показалъ намъ, на одной изъ стѣнъ, слѣды турецкой бомбы пущенной въ послѣднюю войну, когда турки бомбардировали Евпаторію въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, и глубоко вздыхалъ объясняя намъ, что не могъ исправить до сихъ поръ сильно попорченную стѣну по недостатку средствъ. Войдя въ сѣни, мы увидали дверь направо и другую налѣво, въ которую и вошли; первая комната была большая, но низкая и довольно темная; кругомъ стѣнъ тянулся цѣлый рядъ низкихъ двановъ, покрытыхъ ситцемъ; около нихъ

стояло нѣсколько маленькихъ столовъ въ видѣ табуретокъ изъ темнаго дерева. Мы сѣли; хозяинъ сѣлъ также, но жена его и мальчикъ безмолвно глядѣли на насъ, и сѣсть не рѣшались, не смотря на наши убѣжденія. Женщина не понимала ни слова по русски, и отвѣчала на наши вопросы, которые ей переводилъ мужъ, только поклонами и улыбками. Ей было лѣтъ тридцать неболѣе, но какъ всѣ южныя женщины, она казалась гораздо старше; черные глаза съ поволокой, какъ-то грустно глядѣли то на насъ, то на мужа; волосы также черные, густыми прядями выбивались изъ подъ цвѣтнаго, шелковаго платка, спущеннаго на затылокъ однимъ длиннымъ концемъ; платье простое ситцевое было чисто и плотно облегало ея довольно высокую, стройную фигуру; лицо ея было желтовато—блѣдно, рука, которой она безпрестанно гладила всклокоченные волосы сына, поразила меня своей миніатюрностью и правильностью формы. Когда мнѣ потомъ случалось видѣть татарскихъ женщинъ, я нашла много сходства между ними и этой караимкой; то же самое выраженіе задумчивой грусти, та же молчаливая покорность, тѣ же безсознательныя, какъ будто невольныя ласки къ дѣтямъ. Въ татарахъ, караимахъ и грекахъ южнаго берега Крыма видѣнъ одинъ типъ, что весьма понятно, такъ какъ они всѣ смѣшаннаго происхожденія и можетъ быть въ нихъ есть кровь древнихъ грековъ, насѣлявшихъ нѣкогда Таврическій полуостровъ. Теперь караимки, особенно молодыя и богатыя, бросаютъ свой національный костюмъ и одѣваются по парижскимъ журналамъ, но до сихъ поръ ихъ костюмъ очень походилъ на костюмъ татарокъ, кромѣ чадры, т. е. бѣлаго покрывала, заку-

тывающую татарку, когда она выходитъ на улицу, и желтыхъ сафьянныхъ туфель, которыхъ караимки не носятъ. Въ комнатѣ, гдѣ мы сидѣли, сильно пахло мятой, розовой водой и чѣмъ-то неопредѣленнымъ, но очень душистымъ; я никакъ не могла понять, что это за запахъ и рѣшила, что онъ присущъ караимамъ, но когда мы простившись стали выходить изъ домика, молчаливая хозяйка отворила дверь въ другую половину дома, а мужъ ея объяснилъ намъ, что они сдаютъ ее въ наймы на лѣтнее время. Тутъ было двѣ комнаты, одна крошечная, другая довольно большая; обѣ были совершенно пусты, только въ серединѣ второй стоялъ маленькій столъ съ витриной и въ ней свѣжія, караимскія конфекты. Тогда я поняла откуда распространялся этотъ запахъ мяты, розоваго масла и другихъ специй, поразившій меня при входѣ въ домикъ караима—онъ былъ кондитеръ и домъ его и онъ самъ были пропитаны тѣми духами, которые съ изобиліемъ употребляются при производствѣ караимскихъ конфектъ. Эти конфекты очень вкусны, но только когда онѣ свѣжи. Мы купили ихъ 2 ф. у бѣднаго кондитера и распростившись съ его женой, пошли за нимъ въ синагогу. Ихъ собственно двѣ: одна очень большая, которая теперь передѣлывается заново, и другая гораздо меньше и древнѣе первой. Онѣ соединены между собой дворомъ, вымощеннымъ плитами изъ бѣлаго мрамора. Этотъ дворъ имѣетъ видъ крытой бесѣдки; вмѣсто крыши деревянная, сквозная рѣшетка, по которой вьется виноградъ. Здѣсь караимы справляютъ обыкновенно праздникъ Кущей. Прошедшей зимой виноградники вымерзли и при мнѣ вырубали нѣсколько большихъ ви-

ноградныхъ лозъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были толщиной болѣе 3-хъ вершковъ въ діаметрѣ. Говорятъ, когда эти лозы покрывались плодами, дворъ синагоги представлялъ очаровательный видъ, тѣмъ болѣе что виноградъ былъ въ большомъ изобиліи и самыхъ лучшихъ сортовъ. Дворъ съуживается между двумя синагогами и украшенъ памятникомъ изъ бѣлаго и сѣраго мрамора, привезеннаго изъ Италіи и поставленнаго тутъ евпаторійскими караимами въ память посѣщенія ихъ синагоги покойнымъ императоромъ Александромъ I. Отъ памятника до самаго выхода идетъ большая аллея бѣлыхъ акацій; онѣ всѣ окружены бѣлыми, мраморными плитами и за деревьями, съ одной стороны зданіе, гдѣ помѣщается караимская школа, съ другой стѣна, въ которую вдѣланы большія, мраморныя плиты, съ изреченіями изъ библіи и съ именами умершихъ караимовъ, удостоившихся этой чести своими добродѣтелями, или особенными услугами своимъ соотечественникамъ. Въ этой аллеѣ такъ и вѣетъ востокомъ, библейской стариной, и когда у входа въ синагогу, на каменной скамьѣ, я увидала нѣсколько караимовъ, съ длинными бѣлыми бородами, съ черными, оживленными глазами, услыхала ихъ рѣчи на непонятномъ мнѣ языкѣ, мнѣ показалось, что тутъ важно сидятъ не потомки Авраама и Лавана, но они сами и, поклонившись имъ невольно, я вошла въ синагогу подъ пріятнымъ и серьезнымъ впечатлѣніемъ, навѣяннымъ этими чисто библейскими типами. Солнце садилось. Въ синагогѣ, обыкновенно сумрачной, царствовалъ теперь какой-то таинственный полусвѣтъ, а на люстрахъ (ихъ я насчитала 12-ть) играли послѣдніе лучи солнца и каждое стеклышко хрустальныхъ

люстръ отражало красныя, желтыя, фіолетовыя искры, и блестѣло какъ алмазы громадныхъ ожерелій. Полъ синагоги весь устланъ коврами. Она раздѣлена на двѣ части колоннами; отъ входа до колонъ стоятъ рядами низенькія скамейки; на каждой скамейкѣ шандальчикъ и книга для каждаго молящаго. Въ стѣнахъ вдѣланы шкапчики для книгъ, а на колоннахъ, въ мѣшкахъ изъ бархата, или другой матеріи, лежатъ длинные шарфы, большею частью изъ бѣлаго полотна. Нашъ проводникъ надѣлъ одинъ изъ нихъ на плечи, чтобы показать намъ, какъ ихъ надѣваютъ вѣрующіе во время службы, въ знакъ сосредоточенія мыслей и изгнанія суетныхъ помысловъ. Въ другую часть синагоги, за колоннами, могутъ только входить раввины и ихъ помощники. Тамъ, гдѣ въ православныхъ храмахъ иконостасъ, въ серединѣ устроена небольшая кафедра, за ней за занавѣсомъ хранится *Пятикнижіе*, духовное сокровище караимовъ. Съ обѣихъ сторонъ этой кафедры стоятъ два старинныя, большія кресла; на одномъ изъ нихъ сидитъ, во время богослуженія, главный раввинъ, или гакамъ, а на другомъ, въ первую субботу послѣ своей свадьбы, садится новобрачный. Женщины же у нихъ помѣщаются на хорахъ, за очень частой рѣшеткой, такъ что ихъ видѣть невозможно; но имъ видно и слышно все, что происходитъ въ синагогѣ, на хоры особый ходъ снаружи по маленькой, круглой лѣстницѣ. Нашъ проводникъ предложилъ намъ присутствовать при вечерней службѣ въ синагогѣ, но становилось поздно, и, хотя вечеръ былъ прелестный, мы побоялись сырости и рѣшили, что пора собираться домой. Поблагодаривъ нашего любезнаго чичероне, мы отправились на площадь

около клуба, гдѣ насъ ожидала коляска, закутались въ пледы и выѣхали изъ Евпаторіи, очень довольныя нашей прогулкой. Въ Крыму, какъ вообще на югѣ, сумерокъ нѣтъ. Когда мы выѣзжали изъ города солнце только что сѣло въ густую, черную тучу, но вскорѣ стемнѣло совсѣмъ; надъ моремъ взошла полная, свѣтлая луна и настала прелестнѣйшая ночь, тихая, благоухающая, теплая; такая теплая, что мы скоро сняли пледы и радовались, когда свѣжій вѣтерокъ съ моря хоть на минуту освѣжалъ насъ. Не смотря на яркій свѣтъ луны, кой-гдѣ блистали на небѣ крупныя звѣзды, а большая туча, за которой скрылось солнце, казалась свинцовымъ облакомъ, съ темно-багровыми полосами. Это была грозовая туча, но грома не было слышно, только молнія безпрестанно сверкала большими зигзагами сверху внизъ, разсыпалась искрами во всѣ направленія, загоралась и потухла вдругъ на бѣлыхъ окраинахъ тучи и освѣщала намъ путь, словно нарочно для насъ зажженный электрическій огонь. Г-жа Т....и я, мы не могли налюбоваться на эту картину. Лёля заснула на рукахъ матери; мы обѣ молчали, не хотѣлось прерывать тишины этой чудной ночи; бываютъ минуты, когда сердце такъ полно, что хочется молчать и наслаждаться, это было одна изъ тѣхъ минутъ и я радовалась, что Г-жа Т.... была въ такомъ же настроеніи. Часто случается, что хочешь, не хочешь, а нужно отвѣчать на вопросы, на восклицанія восторга, на воспоминанія подобныхъ восхитительныхъ сценъ и пр. и пр. Мы ѣхали скоро, добрыя лошадки отдохнули и спѣшили домой; пыль улеглась и воздухъ, воздухъ Крыма окружалъ насъ, вѣялъ намъ въ лицо живитель-

ной прохладой, удалялъ отъ насъ суетныя мысли, скучныя мелочи нашей искусственной жизни и увлекалъ за собой въ тотъ чудный міръ природы, гдѣ всѣ равны; гдѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни молодыхъ, ни старыхъ, ни простыхъ, ни знатныхъ, гдѣ всѣ одинаково наслаждаются всѣмъ, что Богъ далъ для каждаго: теплымъ солнечнымъ днемъ, тихимъ моремъ, синимъ небомъ и такой прелестной, очаровательной ночью. И вспомнивъ, какъ утромъ полураздѣтый Турокъ, сидя на пристани, въ полномъ блаженствѣ покуривалъ вмѣсто обѣда, свою неизмѣнную трубку, и какъ Татаринъ съ апетитомъ закусывалъ на базарѣ ломтемъ хлѣба и головкой чеснока, не только не думая роптать на бѣдность, но съ гордымъ видомъ человѣка совершенно довольнаго своей судьбой, я невольно задала себѣ вопросъ: къ чему богатство, къ чему роскошь, къ чему блага цивилизаціи?... Дѣлаютъ ли они людей счастливѣе, дѣлаютъ ли они ихъ добрѣй?... Вдругъ голосъ ямщика прервалъ мои размышленія. Онъ просилъ позволенія остановиться и попоить лошадей. До Сакъ осталось еще верстъ 12. Мы свернули съ большой дороги и подъѣхали къ самому колодцу, въ глубокой лощинѣ. Пока онъ наливалъ воду въ бадейку, насъ окружилъ цѣлый рой огромныхъ жуковъ; они летали надъ коляской и щелкали по полуподнятому верху, какъ брошенные съ неба орѣхи. Мы отъ нихъ всячески отмахивались и старались не кричать, чтобъ не испугать дѣвочки, которая проснулась и не могла понять, что летало вокругъ нея и отчего мы метались по коляскѣ, какъ сумашедшія. Ямщикъ поилъ лошадей и посмѣивался, глядя на наши эволюціи. „Это ничего, это только мушки!“ говорилъ по русски

молодой татаринъ, „не бойтесь, мадамъ, это ничего!“ Но когда онъ сѣлъ на козлы и его начали щелкать по головѣ и по шеѣ эти несносные жуки, онъ также вскрикивалъ и прекомично отгонялъ ихъ кнутомъ, что конечно ему не удавалось. Наконецъ мы выѣхали опять на большую дорогу и, проводивъ насъ еще съ полверсты, они перестали насъ преслѣдовать. Во все время моего пребыванія въ Крыму я ихъ болѣе не встрѣчала и не знаю, къ какому роду жуковъ они принадлежатъ; они черные, жесткіе и вдвое больше нашихъ майскихъ жуковъ. Маленькая Т....., испуганная во время сна крикомъ какихъ-то пьяныхъ проѣзжихъ, раскапризничалась, мать старалась ее успокоить, но дѣвочка плакала не смотря на ласки и увѣщанія. Вдали замелькали огоньки Сакской гостинницы, въ деревнѣ залаяли собаки, лошади устали (на послѣдней верстѣ отъ деревни до гостинницы дорога отвратительна), мѣсяцъ скрылся за тучку и съ нимъ вся поэзія ночи; я была рада, когда мы добрались благополучно до дому, не сломавъ экипажа и не попавъ въ ровъ, или яму.

Вотъ единственная прогулка во время моего трехъ-недѣльнаго пребыванія на Сакскихъ грязяхъ. Остальное время шло такъ однообразно, что, описавъ одинъ день, описываешь всѣ три недѣли. Прибавлю только, что смотритель заведенія г. А.... сдержалъ свое слово и черезъ два дня послѣ моего пріѣзда въ Саки перевелъ меня изъ моей конурки въ хорошій, большой номеръ на верху, съ видомъ на озеро и очень приличной обстановкой. Я нахожу, что въ Сакахъ хорошихъ номеровъ всего пять на верху; нижніе же, по моему мнѣ-

нію, всѣ очень сыры, что не особенно полезно для больныхъ, страдающихъ ревматизмомъ. Надѣюсь, что мнѣ никогда болѣе не придется быть въ Сакахъ; докторъ меня увѣрилъ, что мнѣ повторять курса на будущій годъ не нужно и назначилъ мнѣ морскія купанья, сперва въ Евпаторіи, а потомъ на южномъ берегу Крыма. Но прежде чѣмъ распроститься на всегда съ этимъ Эльдорадо, я запишу здѣсь стихи, дающіе понятіе о натуральныхъ ваннахъ и о томъ настроеніи, въ которое онѣ меня иногда приводили.

„Вотъ лежу я на Сакской площадкѣ,
Подо мной благодѣтельный илъ
И меня онъ какъ пологъ свинцовый,
Всю окуталъ и плотно закрылъ.

Подъ лучемъ раскаленнаго солнца
Вода озера быстро цвѣтетъ
И покрытая розовой дымкой
Солью бѣлой на берегъ плыветъ.

То монадъ темнокрасныя тучи
Надъ поверхностью влажной кишатъ
И послѣдніе дни доживая,
Ропу озера быстро густятъ.

Но лежу я улиткой, недвижно,
Члены скованы, нечѣмъ дышать....
Надо мной разстилается небо,
Тучки въ немъ ни одной не видать.

Вдругъ по ясной, небесной лазури
Ангелъ свѣта стрѣлою летитъ....
Какъ въ святой Силоамской купели,
Онъ крыломъ своимъ воду мутитъ.

И течетъ она свѣтлой струею
На недужныхъ, убогихъ, хромыхъ,
И своей чудодѣйственной силой
Изцѣляетъ страданія ихъ.

И горитъ мое сердце любовью;
Взоръ усталый туманитъ слеза,
И хвалу Всемогущему Богу,
Съ тайнымъ трепетомъ, шепчутъ уста....

Евпаторія и ея окрестности.

Когда я пріѣхала въ Евпаторію, гдѣ я предполагала пробыть только недѣлю, я въ гостинницахъ не нашла ни одного свободнаго номера, о чемъ впрочемъ не очень жалѣла, зная по разсказамъ многихъ, что обѣ евпаторійскія гостинницы очень грязны. Ямщикъ, который привезъ насъ, говорилъ, что есть хорошое помѣщеніе у одного чиновника С.... со столомъ и самоваромъ за 4 руб. въ сутки. Не зная никого въ городѣ, мы повѣрили его рекомендаціи и направились въ какой-то узкій, весьма невзрачный переулокъ, за мечеть, гдѣ вмѣсто домовъ высились только однѣ стѣны съ желѣзными или деревянными калитками. Первое впечатлѣніе было непріятно, но войдя въ чистый, вымощенный дворикъ и осмотрѣвъ большую, опрятную комнату, съ приличной мебелью, я согласилась на условія хозяевъ и до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ о недѣлѣ, проведенной у нихъ. Я ходила купаться разъ въ день, а остальное время проводила или дома въ галлереѣ, выходившей на дворъ, или на бульварѣ, на берегу моря. Это единствснное мѣсто гулянья для евпаторійскихъ жите-

лей. Днемъ здѣсь очень жарко, бѣлыя акаціи еще молоды и тѣни даютъ мало; но вечеромъ, когда солнце скрывается за кровлями домовъ, и рано утромъ бываетъ пріятно поглядѣть на море, иногда бурное, иногда тихое, какъ нескончаемое, голубое зеркало, иногда безпрестанно измѣняющее цвѣтъ и видъ. На бульварѣ четыре раза въ недѣлю играетъ музыка отъ 6 до 10 часовъ вечера, а два раза она играетъ для танцующихъ въ клубѣ, около бульвара, такъ что гуляющіе наслаждаются ею и въ эти дни; она довольно плоха, но жители ею довольны и жалѣютъ о ней, когда по закрытіи сезона, она перестанетъ играть на бульварѣ. Довольно красивъ видъ на Евпаторію съ пристани, когда зажгутся огни въ гостинницѣ Византіи и фонари на бульварѣ; эти свѣтящіяся точки посреди зелени рельефно отдѣляются на темномъ фонѣ сосѣднихъ домовъ, надъ которыми высится мрачный куполъ мечети и спускается нескончаемымымъ пологомъ звѣздное небо. Мечеть своимъ наружнымъ видомъ очень напоминаетъ Софійскую мечеть въ Константинополѣ. Татары называютъ ее Джума-Джами, т. е. мечеть Пятницы. Извѣстно, что у мусульманъ Пятница праздничный день. По нѣкоторымъ преданіямъ она была, первоначально, кафедральнымъ соборомъ греческаго города Евпаторіи и превращена въ мечеть Татарами, когда они завоевали Крымъ; по другимъ же даннымъ она была выстроена въ XVI столѣтіи ханомъ Девлетъ Гиреемъ. Ея архитектура очень красива; большой куполъ имѣетъ 50 футовъ въ діаметрѣ и съ южной стороны фасада находится еще по два купола; высокіе ея минареты теперь уже не существуютъ, они свалились давно отъ вѣтра, во время бури, и евпаторійскіе мусульма-

не настолько бѣдны, что не могли ихъ исправить, или воздвигнуть новые. Вообще все зданіе очень запущено; снаружи стѣны кой-гдѣ растрескались и почти всѣ покрыты плѣсенью; обширный дворъ въ страшномъ небреженіи, такъ что трудно по немъ пройти. Внутри мечети стѣны выбѣлены; потолки выкрашены красной краской, но украшеній нѣтъ никакихъ и кафедра, похожая на католическую, на которую входитъ ихъ мулла для чтенія Корана, готова обрушиться. Я была въ мечети во время службы. Меня поразили вниманіе и сосредоточенность правовѣрныхъ. Они всѣ стояли, или, вѣрнѣе сказать, сидѣли на колѣнахъ, кто на коврикахъ, кто на рогожкахъ; ихъ было человѣкъ около ста, въ томъ числѣ турки, пріѣхавшіе наканунѣ съ дровами изъ Синопа. Около каждаго молящагося стояли туфли разныхъ формъ и цвѣтовъ, были даже старыя галоши; на нѣкоторыхъ были надѣты фески, на другихъ чалмы; мелькали между ними двѣ, три бѣлыя; это означало, что носившіе ихъ совершили путешествіе въ Мекку, къ храму Каабы. У входа въ мечеть толпились человѣкъ тридцать пріѣзжихъ, проживавшихъ въ Евпаторіи. Были русскіе и иностранцы; они шептались, шумѣли входя и выходя изъ мечети, но ни одинъ изъ молящихся не обернулъ головы въ нашу сторону; всѣ стояли неподвижно, набожно скрестивъ руки на груди и слѣдя за чтеніемъ муллы, повторяли за нимъ нѣкоторыя слова тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ; особенно слово: *Аллахъ, Аллахъ*—повторялось всѣми съ большимъ одушевленіемъ.

Евпаторія, у татаръ и турокъ Гёзлеве, т. е. *наблюдай* передѣланное русскими въ Козловъ, порядочный городокъ; въ немъ болѣе 8000 жителей, большей частью

караимы и греки. Татары живущіе въ Евпаторіи, бѣдны; русскихъ же, кромѣ чиновниковъ, очень мало, такъ что и въ управленіи города вліяніе главнымъ образомъ выпадаетъ на долю караимовъ; изъ ихъ среды почти всегда выбираются городскія головы и прочія выборныя лица; они люди честные, умные и въ послѣднее время довольно образованные, но къ дѣлу общественному относятся равнодушно и ничего не предпринимаютъ для улучшенія родного города. Евпаторія оживаетъ только во время морскихъ купаній, а остальное время года спитъ непробуднымъ сномъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, между тѣмъ какъ по своему положенію она могла бы сдѣлаться богатымъ и цвѣтущимъ приморскимъ городомъ. Морскія купанья въ Евпаторіи славятся, какъ самыя лучшія въ Крыму, и привлекаютъ большое число посѣтителей. Евпаторійскій берегъ можетъ сравниться только съ берегомъ Каннъ въ южной Франціи; такой же отлогій и песчаный. Но жители города ни мало не заботятся объ удобствахъ пріѣзжающихъ. На весь городъ только двѣ гостинницы, а частныя квартиры рѣдко бываютъ удобны и опрятны. Купальни же на морѣ, прямой источникъ дохода для города, содержатся крайне небрежно; лѣстницы скользки, мостики или лавы отъ берега до купальни едва держатся и пляшутъ подъ вами, какъ старые клавикорды, раздавая при этомъ зловѣщій трескъ, и не рѣдко случалось, что купающіеся падали и очень ушибались. Пыль въ городѣ страшная, а когда передъ вечеромъ поливаютъ бульваръ и главную улицу отъ клуба до пристани, то такъ усердно (въ морѣ конечно воды довольно), что образуются грязь и лужи и приходится надѣвать галоши, или возвращаться домой съ сырыми

ботинками. Въ городѣ мужская и женская прогимназіи; оба зданія очень хороши съ наружи; о нихъ немогу ничего болѣе сказать. На бульварѣ я встрѣчала много гимназистовъ и гимназистокъ; они наслаждались вполнѣ каникулами; катались на лодкахъ и обращали на себя вниманіе однообразно снующихъ взадъ и впередъ гуляющихъ своими оживленными преніями и взрывами громкаго смѣха.

Послѣ морскихъ купаній въ Евпаторіи мнѣ предписано было докторомъ взять еще нѣсколько морскихъ ваннъ на южномъ берегу Крыма. Я намѣревалась провести недѣль шесть въ имѣніи Гг. Первушиныхъ Артекѣ, прекрасной мѣстности у подошвы Аю Дага, въ 20 верстахъ отъ Ялты. Но на пути мнѣ захотѣлось побывать въ Севастополѣ, помолиться на могилѣ дяди, взглянуть на братскія могилы, на Малаховъ курганъ,— поклониться до земли многострадальному городу. Обычный путь отъ Евпаторіи до Севастополя моремъ; на пароходѣ четыре часа ѣзды. Но я предпочла ѣхать берегомъ, какъ шли въ 1854 году союзныя войска, послѣ первой ихъ высадки на русскую землю, и наняла лошадей и коляску отъ Евпаторіи до Севастополя за 18-ть рублей, такъ какъ вѣтвь почтовой дороги теперь упразднена и иначе ѣхать нельзя, какъ на вольныхъ, т. е. наемныхъ лошадяхъ. Морской берегъ между Евпаторіей и Севастополемъ имѣетъ форму продолговатой дуги и Черное море образуетъ здѣсь открытый заливъ, въ который впадаютъ почти паралельно: Булганакъ, Алма, Кача, Бельбекъ. Дорога ровна и удобна, но не представляетъ другаго интереса, кромѣ историческаго воспоминанія столь дорогаго русскому сердцу. За Евпа-

торіей дорога тянется болѣе десяти верстъ по песчаной косѣ, отдѣляющей соляное озеро (Гнилое) отъ моря. Нѣтъ сомнѣнія, что коса эта образовалась позднѣе и что въ первобытныя времена Гнилое озеро составляло часть моря, теперь здѣсь виднѣются домики кордона, двѣ, три убогія хижины, караулки солепромышленниковъ и деревни Камышлы и Контуганъ. Затѣмъ дорога отходитъ нѣсколько отъ моря, проходитъ черезъ нѣмецкую колонію, гдѣ много фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ, и достигаетъ деревни Алма Тамакъ; здѣсь мы стояли часа два, чтобы дать лошадямъ вздохнуть. Эти два часа мы провели въ тѣнистомъ, роскошномъ, фруктовомъ саду, принадлежащемъ богатому Караиму. Выѣхавъ изъ Евпаторіи рано утромъ, дорогой мы не страдали отъ жары, тѣмъ болѣе что вѣтеръ дулъ съ моря и приносилъ намъ прохладу. Но тутъ въ затишьѣ, солнце жгло немилосердно и не смотря на тѣнь каштановыхъ и орѣховыхъ деревьевъ, подъ которыми мы пріютились, было нестерпимо жарко. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ мы расположились, протекала Алма, быстрая, но довольно мутная рѣчка, и не много повыше сада, за плетнемъ, на пригоркѣ, виднѣлся памятникъ, изъ сѣраго гранита, напоминающій своею формою древніе саркофаги. Это памятникъ поставленный Лордомъ Рагланомъ надъ тѣлами своихъ соотечественниковъ, павшихъ въ Альминскомъ бою; жалѣю, что не подошла поближе и не прочла надписи, вѣроятно еще сохранившейся, но было такъ жарко, что я предпочла пролежать на сочной, свѣжей травѣ, въ ожиданіи самовара. Намъ его принесъ садовникъ русскій, бѣдный человѣкъ, обремененный

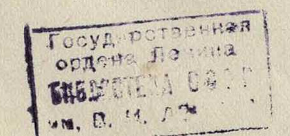
семействомъ и не находившій въ Алминской долинѣ и ея садахъ тѣхъ прелестей, которыми она обладала въ нашихъ глазахъ. Онъ говорилъ, что здѣсь постоянныя лихорадки, страшная дороговизна на самые необходимые предметы, жаловался, что нельзя достать квасу и картофеля. На прощанье онъ сорвалъ намъ горсти двѣ еще не зрѣлыхъ фундуковъ и пучекъ резеды. Его жена и дѣти провожали насъ до коляски, желая намъ счастливаго пути. Мы проѣхали черезъ Алму по деревянному мосту, замѣнившему вѣроятно тотъ деревянный мостъ, который былъ разнесенъ нашими войсками въ полчаса во время самаго сраженія подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля, и поднялись на пригорокъ около деревни Бурлюкъ. Отъ Бурлюка до рѣки Качи верстъ десять. Мѣстность здѣсь оживленнѣе; всюду зеленѣютъ сады и виноградники; Качу переѣзжаютъ въ бродъ; направо виднѣются красивые татарскіе домики, минареты довольно большой мечети, окруженной высокими, пирамидальными тополями. Близъ Бельбека растительность становится богаче; рѣку переѣзжаютъ по мосту и выѣзжаютъ на большую севастопольскую дорогу, верстахъ въ 5-ти отъ сѣверной стороны Севастополя, откуда открывается, съ очень высокой горы, видъ на городъ и на бухту. Съ лѣвой стороны дороги видна церковь на кладбищѣ; она окружена густой зеленью, разросшейся теперь вокругъ братскихъ могилъ настоящимъ паркомъ. Церковь имѣетъ форму пасхи или усѣченной пирамиды и представляетъ собой видъ громаднаго памятника; она вся изъ порфира, такъ же и крестъ ея. На горѣ мы вышли изъ коляски и долго смотрѣли на лежащій у ногъ нашихъ Севастополь; изъ дали не видать его развалинъ и бѣлые дома,

обмываемые синими волнами моря, представляютъ очаровательную картину. Гора крута, покрыта мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ; дорога очень плоха; большіе камни торчатъ по всѣмъ направленіямъ и угрожаютъ цѣлости экипажа. Съ тѣхъ поръ, какъ прошла желѣзная дорога изъ Симферополя въ Севастополь, по этой дорогѣ ѣздятъ только на арбахъ и мажарахъ и то одни мѣстные жители, привозящіе свои продукты на севастопольскій рынокъ. Но мы доѣхали благополучно до Сѣверной (сѣверная часть Севастополя), гдѣ наняли яликъ за 1 рубль и черезъ четверть часа высадились на Графскую пристань въ виду двухъ прекрасныхъ гостинницъ Завадскаго и Киста. Я выбрала послѣднюю и осталась очень довольна моимъ выборомъ. За 2 руб. въ сутки мнѣ дали большой, чистый номеръ, хорошо меблированный, а за 1 рубль обѣдъ довольно вкусный.

Севастополь.

Севастополь заслуживаетъ еще и теперь названіе мертваго города, хотя съ проведеніемъ желѣзной дороги онъ началъ оживляться и по немногу застраивается. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ домовъ тотъ, въ которомъ жилъ Нахимовъ во время осады города, принадлежитъ теперь Ветцелю и въ немъ устроена гостинница. На Екатерининской же улицѣ построенъ графомъ Тотлебеномъ красивый домъ съ балкончиками и галлереями — это севастопольскій музей; въ немъ помѣщается очень интересная коллекція портретовъ всѣхъ участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя, собраніе плановъ, картъ, рисунковъ и разныхъ сочиненій, въ томъ числѣ

англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, относящихся до крымской войны. Интересны также нѣкоторые предметы, принадлежавшіе Корнилову, Нахимову и другимъ, и ихъ оружіе. Помѣщеніе музея очень красиво. Жаль только, что некому отвѣчать на вопросы посѣтителей. Каталога не имѣется, а унтеръ-офицеръ, которому поручено храненіе и объясненія этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ славной обороны Севастополя, совершенно глухъ и, бывъ раненъ въ щеку, дурно говоритъ, такъ что изъ его разсказовъ ничего понять нельзя. Мнѣ пришлось пробыть въ музеѣ менѣе часа, а чтобъ его обозрѣть хорошенько мало и нѣскольких дней. Между большими портретами бросается въ глаза поясной портретъ В. Кн. Елены Павловны; онъ очень похожъ и поражаетъ своей женской прелестью въ этомъ собраніи серьезныхъ мужскихъ лицъ. Онъ здѣсь помѣщенъ въ память ея, какъ учредительницы Крестовоздвиженской общины, сестры которой не мало потрудились на пользу ближняго во время тяжелой Крымской войны. Въ верхней части города, гдѣ еще очень много развалинъ, строится огромный храмъ во имя святаго князя Владиміра; въ нижней церкви видны гробницы адмираловъ: Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина; въ верхней, однѣ стѣны изъ разноцвѣтнаго мрамора очень яркихъ цвѣтовъ. Можетъ быть, когда храмъ будетъ оконченъ, онъ будетъ столь же красивъ какъ огроменъ, но теперь онъ непріятно поражаетъ пестротой и негармоничностью цвѣтовъ; желтый, синій, свѣтло-зеленый преобладаетъ и напоминаетъ украшенія мавританскихъ дворцовъ, что конечно не совсѣмъ умѣстно въ христіанскомъ храмѣ. Изъ оконъ собора Св.

Владиміра открывается великолѣпный видъ на всю бухту и на Сѣверную, гдѣ зеленѣетъ кладбище и виднѣется изящная церковь, о которой я говорила выше. Кромѣ музея Тотлебена и собора, въ самомъ Севастополѣ нѣтъ ничего интереснаго. Улицы, особенно нѣкоторыя, представляютъ печальный видъ, дома безъ крышъ, стѣны безъ оконъ, внутри домовъ выросли березы, торчатъ трубы, какъ послѣ пожара. Но двѣ, три улицы оживлены магазинами; есть читальни, кондитерскія, двѣ очень хорошія фотографіи. Послѣ дождя городъ принимаетъ другой видъ: бѣлыя акаціи посаженныя на нѣкоторыхъ улицахъ оживаютъ; но когда я была въ Севастополѣ все тонуло въ облакѣ известковой пыли и деревья были сѣраго, пепельнаго цвѣта. Несмотря на эту непривлекательную картину, жизнь въ Севастополѣ мнѣ понравилась; все дышетъ въ немъ какой-то величавой простотой и успокоивающей тишиной, царствующей во всемъ городѣ, что идетъ къ нему гораздо болѣе, чѣмъ бы шло оживленіе нашихъ большихъ городовъ. Чувствуется, что не забыта и долго еще не забудется кровавая драма, разыгравшаяся здѣсь тому назадъ четверть столѣтія. Окрестности Севастополя не красивы и, какъ онъ самъ, напоминаютъ ужасы одиннадцатимѣсячной осады. Повсюду видны ямы, кучи камней и мусора; это извѣстные всѣмъ Малаховъ курганъ и прочіе укрѣпленія и бастіоны, гдѣ въ числѣ другихъ героевъ пали Корниловъ и Нахимовъ. Вблизи лежатъ безчисленныя могилы убитыхъ воиновъ. Подъѣзжая къ Севастополю отъ сѣверной стороны, налѣво на самой высотѣ мы увидали памятникъ адмирала Лазарева; за нимъ стоятъ разрушенныя

казармы, а внизу у входа въ Корабельную бухту устроены Русскимъ Обществомъ пароходства доки, гдѣ строятся машины и чистятся пароходы общества. Корабельная бухта одна изъ девяти меньшихъ бухтъ большой Севастопольской бухты, извѣстной подъ именемъ Севастопольскаго рейда, имѣющая въ длину до 7-ми верстъ, и средней ширины около 1-ой версты; глубина же рейда отъ 9 до 12 саженъ, какъ у береговъ, такъ и посрединѣ. Всѣ эти бухты превосходно защищены природой отъ вѣтра и вполнѣ безопасны для стоянки кораблей, почему севастопольскій портъ и принадлежитъ къ самымъ лучшимъ портамъ въ Европѣ и пользуется всемірной извѣстностью. До присоединенія Крыма къ Россіи около великолѣпной Севастопольской бухты была расположена татарская деревня Ахтіаръ, но въ 1784 году Екатерина II обратила вниманіе на положеніе и удобства этой бухты и повелѣла на мѣстѣ татарской деревни основать военный портъ, съ адмиралтействомъ, верфью и крѣпостью, и назвала его Севастополемъ, что значитъ *величественный городъ*, въ память бывшаго у древнихъ Грековъ города Севастополя, на Черномъ морѣ, только не здѣсь, а въ нынѣшней Абхазіи возлѣ Сухумъ-Кале. Затѣмъ Севастополь сталъ быстро развиваться и построенные въ немъ форты, баттареи, казармы, церкви и красивыя зданія всякаго рода сдѣлали его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ портовъ. Всѣ эти многочисленныя и прекрасныя сооруженія были уничтожены бомбардировкой: уцѣлѣли только, такъ называемая, Екатериненская или Графская пристань, адмиралтейскій соборъ во имя Св. Николая, который былъ неоконченъ до

осады и остался невредимымъ и бульваръ съ памятникомъ Казарскому командиру брига Меркурій въ войну съ Турками 1828 года. Этотъ памятникъ очень хорошъ; на высокомъ каменномъ пьедесталѣ, сѣраго цвѣта поставлена исполинская ваза, похожая на амфору, и подъ ней морскіе артрибуты съ надписью *А. И. Казарскому* и *потомству въ примѣръ*. Но самое замѣчательное и драгоцѣнное сооруженіе въ Севастополѣ, его великолѣпные сухіе доки, для починки линейныхъ кораблей самыхъ большихъ размѣровъ, не уцѣлѣли. Они были устроены въ глубинѣ корабельной бухты; ихъ пощадили непріятельскія бомбы, во время продолжительной осады, но когда англичане и французы взошли въ городъ, они взорвали ихъ до основанія, для чего подвели подъ нихъ нѣсколько минъ. Форты, защищающіе входъ въ Севастопольскую бухту, представляли огромныя зданія въ три этажа и господствовали надъ входомъ въ Большую и Карантинную бухты; они, конечно, были всѣ разрушены до основанія и отъ нихъ остались только теперь груды камня и мусора и жгучія воспоминанія.

Окрестности Севастополя.

На другой день моего пріѣзда въ Севастополь, когда жаръ немного спалъ, въ пятомъ часу вечера, я наняла коляску за 2 руб. 50 к. и отправилась въ Херсонесъ, въ русскихъ лѣтописяхъ Корсунь. Развалины этого древняго города находятся верстахъ въ 3-хъ на западъ отъ Севастополя, на небольшомъ мысѣ между Карантинной и Стрѣлецкой бухтами. Древній Херсонесъ ос-

нованъ Греками, выходцами изъ города Иракліи въ VII вѣкѣ до Р. Х., на небольшомъ полуостровѣ, называемомъ у древнихъ грековъ Херсонесскимъ, Трахейскимъ и Ираклійскимъ. Онъ омывается съ трехъ сторонъ моремъ, имѣетъ видъ треугольника и соединяется съ остальной частью Крыма долиной, лежащей между Инкерманомъ и Балаклавою и имѣющей около 8 верстъ протяженія; окружность же полуострова по берегу моря имѣетъ около 50-ти верстъ. До сихъ поръ еще видны кой гдѣ остатки фундамента той стѣны, которую построили Херсонесцы отъ Балаклавской бухты до Севастопольскаго южнаго рейда, чтобы обезопасить себя отъ нападенія сосѣдей Тавро-Скиѳовъ, древнихъ обитателей Крыма и отъ набѣговъ разныхъ варварскихъ народовъ, нападавшихъ на ихъ территорію со стороны степей. Все пространство земли внутри стѣнъ Херсонесскаго полуострова занято было у Херсонессцевъ загородными домами и садами; самый городъ стоялъ на небольшой, плоской возвышенности за нынѣшнимъ Севастополемъ. Другіе же утверждаютъ, что все пространство отъ стѣнъ до самаго моря было занято огромнымъ городомъ, съ его предмѣстьями, обширными площадями, великолѣпными храмами и памятниками, а за чертою города виноградными плантаціями и безчисленными кладбищами. Эти загородныя могилы высѣчены въ скалахъ и имѣютъ видъ *криптъ* или пещеръ; онѣ расположены въ нѣсколько рядовъ, или этажей, какъ наприм. въ семейныхъ склепахъ. Понятно, что вся эта мѣстность крайне интересна въ археологическомъ отношеніи, напоминая одинъ изъ самыхъ оживленныхъ центровъ древней цивилизаціи; но для насъ русскихъ

она имѣетъ двойной интересъ. Нѣкоторые ученые въ древнихъ Таврахъ узнаютъ нашихъ предковъ, такъ что мы, ихъ потомки, имѣемъ полнѣйшее право на обладаніе Таврическаго полуострова, этого прелестнаго уголка земли, куда двѣ тысячи лѣтъ спустя великій правнукъ дикихъ Тавровъ нашъ Владиміръ — Красное Солнышко явился во главѣ своихъ дружинъ. Онъ осадилъ и взялъ Херсонесъ и, получивъ въ немъ святое крещеніе, женился на византійской царевнѣ Аннѣ и вмѣстѣ съ ней и многими греческими священниками изъ Корсуня возвратился въ Кіевъ послѣ похода, гдѣ и приступилъ къ крещенію своихъ подданныхъ. Теперь въ Херсонесѣ учрежденъ первокласный монастырь въ замѣнъ того монастыря, который былъ разрушенъ во время осады Севастополя; онъ еще не совсѣмъ отстроенъ. Домъ, въ которомъ живетъ настоятель, своей архитектурой напоминаетъ казарму, а маленькая церковь при входѣ мнѣ показалась довольно мрачною. Въ другой церкви я не была, но осматривала собраніе древностей, найденныхъ при раскопкахъ въ Херсонессѣ; ихъ очень много и между ними мнѣ показались особенно интересными мраморныя капители коринѳскаго и іоническаго стиля, фрагменты колоннъ различныхъ размѣровъ и стилей, нѣкоторые въ византійскомъ вкусѣ, съ рельефнымъ изображеніемъ креста и съ монограммою имени Христова, мраморныя плиты съ надписями на греческомъ языкѣ, и архитектурные обломки, сохранившіе въ своихъ деталяхъ простоту іоническую, растительную орнаментальность коринѳскаго ордена и сѣтчатую работу византійской архитектуры. Обломки колоннъ и капители поставлены въ два ряда по небольшой аллеѣ, ве-

дущей отъ дома настоятеля до конца монастырскаго сада, по направленію къ большому храму во имя Св. Владиміра, строющагося на мѣстѣ той церкви, въ которой, какъ думаютъ крестился Владиміръ. Этотъ храмъ огроменъ и обѣщаетъ быть великолѣпенъ; онъ вмѣщаетъ въ себѣ развалины древней церкви и святую купель, въ которой равноапостольный Князь принялъ крещеніе. Мелкіе архитектурные обломки и другіе предметы употребляемые Херсонесцами, какъ: домашняя утварь, женскія украшенія, кресты, медальоны, съ священными изображеніями и проч. сохраняются теперь въ временномъ помѣщеніи (каменной оранжереѣ) пока не осуществится хорошая мысль устроить при монастырѣ музей древностей Херсонеса и библіотеку всѣхъ книгъ, написанныхъ о Херсонесѣ на всѣхъ языкахъ. Кромѣ церкви, въ которой крестился Владиміръ, въ Херсонесѣ открыли еще нѣсколько другихъ церквей: нѣкоторыя болѣе обширныя построены по плану древнихъ базиликъ, т. е. передѣланы изъ древнихъ языческихъ храмовъ, другія меньшаго размѣра съ четыреугольнымъ, квадратнымъ фундаментомъ позднѣйшей византійской эпохи и наконецъ въ окрестностяхъ Херсонесса сохранились пещерные храмы высѣченные въ скалахъ, углубленіями въ боковыхъ стѣнахъ, для погребенія умершихъ. Слѣды древнихъ Херсонесскихъ развалинъ еще частію замѣтны и теперь; видны фундаменты церквей, домовъ, мѣста площадей, и улицъ; особенно если идти отъ монастыря по берегу моря, до самаго Херсонесскаго мыса (М. Фонаръ), гдѣ теперь Херсонесскій маякъ и даже далѣе этого мыса, можно смѣло утверждать, что идемъ по крышамъ за-

сыпаннаго города, того именно, котораго развалины были признаны въ 1793 г. Палласомъ за развалины древнѣйшаго Херсонесса. Немного выше строющагося собора показываютъ маленькую насыпь, остатки той насыпи, которую сдѣлалъ Владиміръ, когда по совѣту Анастасія, отводилъ воду источника, проведенную посредствомъ трубъ въ городъ, болѣе чѣмъ за 12 верстъ. Теперь отъ самаго этого источника, находящагося во владѣніи частнаго лица, ведутъ воду въ Севастополь подземными трубами, для снабженія города хорошей и обильной водой, въ которой чувствуется большой недостатокъ. Въ числѣ замѣчательныхъ остатковъ древности во временномъ музеѣ Херсонскаго монастыря хранится мраморный пьедесталъ мѣдной статуи, поставленной Херсонесцами, полководцу Митридита Евпатора, Діофанту, за пораженіе имъ Скиѳовъ въ 89 году до Р. Х., какъ сказано въ греческой надписи на самомъ пьедесталѣ. Гдѣ сама статуя неизвѣстно. Можетъ быть, она была увезена изъ Херсонесса во время набѣговъ, варварскихъ народовъ, къ коимъ принадлежалъ и походъ противъ Херсонесса русскихъ дружинъ подъ начальствомъ великаго князя Владиміра, который возвратился въ Кіевъ съ богатой добычей, состоящей изъ церковной утвари и сосудовъ, царскихъ вратъ коринѳской бронзы и четырехъ мѣдныхъ коней, еще существовавшихъ въ Кіевѣ во время Нестора. Можетъ быть ее постигла участь всѣхъ Херсонесскихъ памятниковъ и построекъ, уцѣлѣвшихъ отъ набѣговъ Печенѣговъ и Половцевъ, отъ борьбы съ Генуэзцами и Татарами, когда Херсонесская республика, какъ зависимое владѣніе Византійской имперіи, подпала подъ власть Турокъ,

которые послѣ взятія Константинополя уничтожали всѣ оставшіеся въ Херсонессѣ слѣды его прежняго величія и, выламывая мраморныя колонны и камни большаго размѣра, переправляли все въ Константинополь на постройку мечетей и украшеніе дворцовъ султана и пашей. Когда въ 1783 году Херсонессъ, вмѣстѣ съ остальнымъ Крымомъ, подпалъ подъ власть Россіи въ немъ были цѣлы нѣкоторыя зданія; стѣны, башни и ворота, окружавшіе городъ со стороны моря еще хорошо сохранились, но ихъ начали разрушать уже при Потемкинѣ, а камни и мраморъ употреблять на постройку Севастополя. Этотъ вандализмъ приказалъ остановить Императоръ Александръ I, но онъ продолжается и теперь и монахъ, показывавшій намъ фундаменты развалинъ древняго города, разсказывалъ намъ, что не смотря на всѣ принятыя монастыремъ мѣры, не проходитъ почти ни одной ночи, чтобы жители Севастополя не растаскивали куски мрамора, иногда очень цѣнные по своимъ воспоминаніямъ и по надписямъ на нихъ начертаннымъ. Говорятъ, что правительство, желая поддержать монастырь, основанный на мѣстѣ для Россіи священномъ, намѣрено перевести въ Севастополь епископскую каѳедру изъ Симферополя, и мѣстопребываніемъ епископа сдѣлать Херсонесскій монастырь. Это мысль, счастливая, но осуществится ли она? Между тѣмъ монастырское управленіе надѣется получить выгоду и принести пользу обществу, устроивъ, недалеко отъ монастыря, на берегу моря, грязелѣчебное заведеніе, въ родѣ Сакскаго. Говорятъ, что грязи около Херсонесса не уступаютъ цѣлебной силой Сакскимъ и имѣютъ то преимущество, что вблизи отъ нихъ отличное морское ку-

панье, необходимое послѣ грязныхъ ваннъ. Пожелавъ отъ души успѣха этому предпріятію я распрощусь съ Херсонесомъ и опишу теперь Инкерманскую киновію, куда мы отправились на другой день рано утромъ. Забыла сказать, что въ развалинахъ Херсонесса я встрѣтила Д. М. Стр—, археолога въ душѣ, и мы рѣшили обозрѣть вмѣстѣ все что есть замѣчательнаго въ Севастополѣ и его окрестностяхъ. Нанявъ еще наканунѣ яликъ, мы вышли на Графскую пристань ранѣе 6-ти часовъ; въ воздухѣ вѣяло утреннею свѣжестью, хотя солнце стояло уже высоко и золотило кресты севастопольскихъ церквей, которыхъ впрочемъ немного. Море было тихо и прозрачно, синимъ пологомъ оно облегало спящій Севастополь и его окрестности; на другой сторонѣ бухты въ кустахъ зелени виднѣлся гранитный крестъ надъ церковью Братскаго кладбища; правѣе, сторожевыми башнями на ясномъ горизонтѣ обрисовывались маяки, а за ними тянулись нескончаемой, бѣлой стѣной известковыя горы. Эта картина была достойна вдохновить художника и я пожалѣла, что у насъ еще такъ мало извѣстны окрестности Севастополя и его очаровательной бухты. Мы сѣли въ лодку; гребецъ ударилъ веслами, и передъ нами, какъ въ чудной панорамѣ, задвигались севастопольскіе дома, сооруженія желѣзной дороги, высокіе мосты, красивые домики съ одной стороны: Сѣверная, Панаіотовая бухты и Голландія, мѣстность на самомъ берегу Севастопольскаго рейда, съ ея зелеными садами и живописными дачками съ другой. Мы ѣхали довольно тихо; но я не жалѣла объ этомъ; медленное, нечувствительное движеніе лодки соотвѣтствовало вполнѣ моему настроенію. Какое

то чувство довольства и спокойствія охватывало мою душу; это плаваніе, въ маленькой лодкѣ, съ однимъ гребцомъ на лонѣ морскихъ волнъ, это сверкающее солнце, эти высокіе скалистые берега, покрытые мѣстами густой зеленью, эта быстрая, узкая рѣчка, въ которую мы въѣхали прямо изъ бухты и на берегахъ ея высокій камышъ, изъ коего то и дѣло выбѣгали грѣться на солнце разныя ящерицы и блестящіе ужи, въ сопровожденіи задумчивыхъ черепахъ, все это мнѣ казалось какой-то чудной идилліей, сценой изъ первобытной, доисторической жизни. Постепенно, одна за другой возставали въ умѣ моемъ картины прошлаго. Вотъ остатки Тавро-Скиѳскаго укрѣпленія, этой страшной крѣпости, со скалы которой сбрасывались Скиѳами плѣнники и зашедшіе въ бухту мореплаватели, этой крѣпости, гдѣ войска Скилура, предводителя Тавро-Скиѳовъ, собирались во время войны, и угрожали всему полуострову. Какъ безсильны кажутся теперь эти обломки стѣнъ, эти остовы круглыхъ и четыреугольныхъ башенъ. Остались только во всей скалѣ Инкерманской изсѣченные въ твердомъ камнѣ безчисленные крипты, или пещерныя жилища; ими точно звѣриными норами усыпана вся скала, особенно надъ долиной Черной рѣчки. Изчезли на вѣки ихъ строители, жившіе можетъ быть за 3,000 лѣтъ до нашего времени; но ихъ циклопическія постройки, ихъ пещерные города послужили древнимъ Грекамъ цитаделями, въ которыхъ мирное населеніе Крымскихъ долинъ укрывалось со скотомъ и имуществомъ отъ набѣговъ Тавро-Скиѳовъ и другихъ кочующихъ народовъ, наводнявшихъ Крымъ, а потомъ сдѣлались убѣжищемъ первыхъ христіанъ, превратив-

шихъ крипты троглодитовъ въ пещерные храмы. Здѣсь проповѣдывалось Евангеліе Св. Апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ и распространялось слово Божіе между сосѣдними варварами; здѣсь епископъ римскій Климентъ, сосланный Трояномъ въ Инкерманскія каменоломни, принялъ мученическій вѣнецъ; здѣсь процвѣтала Готская Епископія, слѣды которой узнаются и теперь въ раскопкахъ обширныхъ церквей, съ каменною епископскою кафедрою на горнемъ мѣстѣ; здѣсь были просвѣтители Славянъ святые Кириллъ и Меѳодій.... Но вдругъ надъ самымъ ухомъ, раздается свистъ локомотива, мимо насъ по скаламъ несется поѣздъ....

Жизнь, жизнь настоящая, реальная вступаетъ въ свои права и ей уступаютъ мѣсто фантастическія грёзы. Мы подъѣзжаемъ къ мосту, перекинутому черезъ рѣку. Лодочникъ кричитъ: „нагните головы! Мостъ такъ низокъ, что задѣваетъ наши распущенные зонтики. Еще нѣсколько ударовъ веселъ и мы у пристани. Первобытная пристань. Лодочникъ упираетъ весломъ о камень, лежащій на отлогомъ берегу рѣчки и мы выходимъ на сочную, зеленую траву, мягкую какъ коверъ. Направо виситъ надъ нами известковая гора; Д. М. указываетъ на нее; въ ней хранятся сокровища древности, пещерные храмы; онъ боится за нихъ; каменоломцы такъ близко подошли, что они имъ грозятъ уничтоженіемъ. Мы рѣшили осмотрѣть эти, древніе храмы вечеромъ, на возвратномъ пути, а теперь спѣшимъ на правую сторону рѣчки и направляемся къ киновіи, до которой будетъ съ полверсты. Дорога ровная, сперва по долинѣ, потомъ въ гору до самыхъ монастырскихъ воротъ. Я умираю отъ голода и жара; солнце печетъ невыно-

симо, несмотря на то, что только девятый часъ въ началѣ. Мы входимъ въ монастырскія ворота, надъ ними проложенъ рельсовый путь и надъ самой головой гремитъ, стучитъ и пышетъ другой поѣздъ. Этотъ шумъ возмущаетъ тишину обители и, дождавшись его изчезновенія, мы всходимъ по каменной лѣстницѣ въ самую киновію. Лѣстница эта довольно высока, ступенекъ 30-ть и необыкновенно живописна; по обѣимъ сторонамъ ростутъ деревья и кусты въ дикомъ безпорядкѣ, а на поворотѣ посрединѣ лѣстницы устроена бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ; листва густа и свѣжа, какъ вся растительность въ Инкерманѣ и зеленая тѣнь широкихъ листьевъ такъ и манитъ отдохнуть въ этомъ висячемъ туннелѣ. Но мы предпочитаемъ дойти до конца лѣстницы и отдохнуть на площадкѣ у подошвы самой горы, гдѣ разбитъ монастырскій садъ и виднѣется издалека золотой крестъ надъ святымъ колодеземъ. Преданіе говоритъ, что вода этого источника (удивительно вкусная и прозрачная) изведена изъ скалы по молитвѣ св. Климента 1800 лѣтъ тому назадъ и что это чудо обратило на себя особенное вниманіе язычниковъ, которые со всѣхъ сторонъ стали притекать къ Клименту для крещенія, такъ что въ одинъ годъ цѣлая окрестная страна сдѣлалась христіанскою. Достойно примѣчанія, что передъ этимъ источникомъ доселѣ благоговѣютъ не только христіане, но и Татары, видя въ немъ источникъ живой воды, а можетъ быть безсознательно приклоняясь передъ святыней, долго чтимой ихъ христіанскими предками. Вблизи отъ колодца подъ тѣнью старыхъ ивъ и тополей разставлены нѣсколько большихъ столовъ и скамеекъ; тутъ въ хра-

мовые праздники бѣдная киновія угощаетъ чѣмъ Богъ послалъ богомольцевъ. Мы выбрали это мѣсто для отдыха и расположились подъ ракитой. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ пришелъ хозяинъ обители, настоятель о. Меѳодій; онъ былъ знакомъ Д. М., принялъ насъ очень радушно, потомъ прислалъ намъ самоваръ, свѣжія яица, прекрасное молоко и вкусный монастырскій хлѣбъ. Давно я не пила такого великолѣпнаго чая; должно быть ароматы насъ окружающихъ травъ и деревьевъ придавали ему особенный букетъ, или вода горнаго источника сообщала ему свою живительную силу. Мы сидѣли въ густой тѣни, солнце отражалось на монастырской стѣнѣ и на скалахъ горы до того ярко, что больно было глядѣть въ эту сторону, невдалекѣ шумѣла, переливаясь по деревяннымъ трубамъ, горная вода; теплый вѣтеръ перебѣгалъ по листьямъ старыхъ деревьевъ, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ стары, что дупло ихъ скрѣплено желѣзомъ, а стволъ искривленный и поросшій мохомъ, напоминаетъ собою стараго инвалида съ деревяшкой вмѣсто ноги. Но эти инвалиды растительнаго царства, эти свидѣтели давно минувшихъ дней, несмотря на свои увѣчья, не отставали отъ молодыхъ товарищей; напротивъ, ихъ вѣтви еще могущественнѣе разстилались во всѣ стороны и ихъ огромные листья образовали надъ нами настоящій зеленый шатеръ. Пока мы завтракали промчался еще поѣздъ изъ Севастополя, онъ пролетѣлъ надъ самыми святыми воротами и мгновенно изчезъ за выступомъ скалы, но свистъ локомотива, стукъ тендера и звукъ гремящихъ колесъ долго еще раздавались въ глубокой тишинѣ монастырской обители.

Монаховъ въ киновіи немного, всего четыре человѣка, въ томъ числѣ настоятель и два послушника, и кромѣ того, пять человѣкъ рабочихъ. При этомъ маломъ числѣ рабочихъ рукъ нельзя не подивиться порядку и чистотѣ, замѣтной повсюду. Около самой горы построенъ небольшой корпусъ для помѣщенія монаховъ, послушниковъ и рабочихъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него былъ каменный домъ для настоятеля, съ трапезой и храмомъ въ честь Св. Троицы; кругомъ устроенъ огородъ и садъ очень еще молодой; онъ идетъ терассами, до самаго полотна желѣзной дороги. Другаго жилаго помѣщенія въ монастырѣ я не видала; скотъ, птица, запасы для зимы помѣщаются въ пещерныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ Инкерманской скалы, приспособленныхъ для этого догадливыми монахами. О. игуменъ намъ разсказалъ, что во время жестокихъ морозовъ прошлой зимы ихъ коровы и овцы совсѣмъ не страдали отъ холода и вьюги въ этихъ пещерахъ. Инкерманская киновія существуетъ съ 1852 года; но въ 1854-мъ году 24 октября во время битвы, когда непріятелями былъ замѣченъ укрывавшійся надъ самою обителью въ древнемъ укрѣпленіи, отрядъ нашихъ войскъ, ее стали обстрѣливать и причинили ей много вреда, такъ что она едва было не пришла въ прежнее запустѣніе. Но епископъ таврическій *Алексѣй* обратилъ вниманіе на эту историческую и живописную мѣстность и при помощи севастопольскихъ жителей въ 1867 г. устроилъ вновь храмы въ пещерномъ помѣщеніи, въ честь Св. Климента и Св. Мартина. Настоятели киновіи отправлялись нерѣдко въ Москву за сборомъ и этимъ способомъ поддерживали ея существованіе. О. игуменъ, управля-

ющій ею теперь, мнѣ показался очень дѣятельнымъ, принимающимъ большое участіе въ благосостояніи своего маленькаго монастыря. Онъ предложилъ мнѣ быть нашимъ путеводителемъ и мы сейчасъ же стали взбираться по каменной лѣстницѣ, высѣченной въ скалѣ, къ пещернымъ храмамъ; о. игуменъ самъ отперъ намъ массивную деревянную дверь; мы вошли въ корридоръ, ведущій въ храмы, около которыхъ теперь совершаются панихиды. Вступивъ въ храмъ Св. Климента, я опять невольно перенеслась мыслію въ первые вѣка христіанства; этотъ храмъ весь изсѣченъ въ скалѣ собственной рукой мученика, здѣсь тому назадъ восемнадцать вѣковъ онъ возсылалъ Богу теплыя молитвы о распространеніи христіанской вѣры на Таврическомъ полуостровѣ и молитва его услышана: христіанскій Крымъ покрылся многочисленными храмами, а въ его убогой пещерѣ приносятся всякій день Всемогущему Богу молитвы вѣрующихъ. При возобновленіи этого храма, художникъ Д. М. Стр.—сохранилъ древній стиль и при росписаніи стѣнъ употребилъ рисунокъ орнаментовъ по образцу древнихъ рисунковъ найденныхъ въ храмѣ. Потолокъ высеребренъ прямо по вырубкѣ скалы; церковная утварь и образа въ древнемъ вкусѣ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ пещерной архитектурѣ храма. Рядомъ съ храмомъ Св. Климента находится маленькое помѣщеніе, которое по очисткѣ отъ пыли г. Стр.— оказалось также храмомъ, еще древнѣйшимъ; этотъ храмъ до сихъ поръ не возобновленъ, но есть надежда, что при помощи нѣкоторыхъ любителей церковнаго благолѣпія онъ скоро будетъ освященъ въ честь Св. пророка Иліи. Около этого маленькаго храма, крошеч-

ная горенка, гдѣ, какъ предполагаютъ, жилъ Св. Климентъ; ближе къ входу, храмъ Св. Мартина и изъ него прямой внутренній ходъ по скалѣ, сперва на два балкончика, гдѣ очень живописно, словно ласточкины гнѣзда, висятъ колокола, а потомъ на самый верхъ Инкерманской горы; этотъ ходъ высѣченъ ступеньками рукою первыхъ христіанъ; онъ очень крутъ, ступеньки огромны и взобраться до верху довольно трудно; когда взбираешься снаружи скалы по неровнымъ, осыпающимся острымъ камнямъ надо цѣпляться руками, чтобы не упасть и глядѣть внизъ опасно. О. игуменъ шелъ впереди, мы лѣзли за нимъ какъ умѣли. На этой высотѣ жара была страшная и когда мы достигли вершины и сѣли отдохнуть въ тѣни развалившейся стѣны, нѣкогда могущественной крѣпости города Ѳеодора, я думала, что упаду въ обморокъ. Голова кружилась, въ виски стучало точно молотками, ноги подкашивались. Тутъ мы увидѣли небольшое кладбище и о. игуменъ разсказалъ намъ, какъ въ прошломъ году въ это время здѣсь скоропостижно умеръ генералъ Коптевъ, взобравшійся на эту скалу, совершенно здоровый за нѣсколько минутъ до своей смерти. Этотъ разсказъ, со всѣми его подробностями, произвелъ на меня тажелое впечатлѣніе и несмотря на восхитительную картину, разстилавшуюся у нашихъ ногъ, я была рада, когда, спустившись по гребню утеса, по тропинкѣ монастырскаго сада и выпивъ кружку воды изъ святаго колодца я могла отдохнуть подъ тѣнью деревьевъ, ростущихъ вокругъ него. А картина, только что видѣнная нами, была истинно поразительна. На первомъ планѣ безчисленныя пещеры, выдолбленныя во всѣхъ сосѣднихъ

горахъ, точно птичьи гнѣзда, внизу долина Черной рѣчки, пересѣкаемая полотномъ желѣзной дороги, и у самыхъ ногъ нашихъ прелестный хуторъ маіора Гаэтани, весь потонувшій въ зелени и окруженный словно серебряной лентой искуственными канавками съ свѣтлой водой. Съ одной стороны долины Севастопольская бухта, съ ея безчисленными вырѣзами, Инкерманскимъ маякомъ и безконечнымъ, синимъ моремъ; съ другой непрерывная цѣпь горъ южнаго берега и плоская вершина Чатырдага надъ которымъ висѣли и расползались, какъ клубы тяжелаго дыма, густыя, сѣрыя тучи. Эта картина никогда не изгладится изъ моей памяти; стоитъ мнѣ закрыть глаза, чтобы возсоздать ее во всемъ ея поражающемъ величіи, со всѣми мельчайшими подробностями и не уловимыми оттѣнками тѣней и свѣта, которыми такъ богата южная природа. О. игуменъ предложилъ намъ отдохнуть въ одной изъ комнатъ настоятельскаго домика. Въ ней было уютно и прохладно, въ сравненіи съ жгучей температурой воздуха; пообѣдавъ вмѣстѣ съ настоятелемъ, когда жаръ началъ уменьшаться, мы распростились съ нимъ и направились внизъ къ рѣчкѣ, гдѣ ждала насъ наша лодка. По пути мы еще осмотрѣли большой пещерный храмъ и потомъ, перейдя черезъ мостъ на лѣвую сторону Черной рѣчки, поднялись мимо водопровода и каменоломенъ на ту гору, которую Д. М. указалъ мнѣ утромъ. На скалѣ, довольно высоко, расчищенъ имъ храмъ, очень обширный, гдѣ имъ найдены надписи и слѣды весьма древней живописи. Надъ этимъ храмомъ въ 1854 г. 24-го октября была кровавая Инкерманская битва, въ которой по-

гибли наши полки; павшіе воины погребены близъ этого храма, но къ сожалѣнію онъ до сихъ поръ не приведенъ въ порядокъ, и ему грозитъ уничтоженіе отъ каменоломенъ, разрушающихъ постепенно многовѣковыя жилища народовъ глубокой древности. Прежде пороховые погреба, а теперь каменоломни уничтожили уже совершенно множество замѣчательныхъ криптовъ, лѣстницъ и галлерей и, если этотъ храмъ не возобновится въ скоромъ времени, его постигнетъ та же участь. А онъ могъ бы служить не только воспоминаніемъ древности, но и памятникомъ здѣсь погибшихъ героевъ, что и было желаніемъ умершаго унтеръ-офицера Никиты Андреева съ товарищами, сдѣлавшими подписку на этотъ предметъ; но дѣло остановилось, по смерти Никиты Андреева, изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей. Будемъ надѣяться, что найдутся въ Россіи желающіе реставрировать этотъ храмъ и что вскорѣ въ немъ будутъ совершаться панихиды надъ усопшими воинами и возноситься молитвы объ оставшихся въ живыхъ. Мы же, осмотрѣвъ его и окружающія его пещеры, занятыя теперь семьями рабочихъ, спустились къ берегу рѣчки къ тому самому мѣсту, гдѣ причалили утромъ и возвратились тѣмъ же путемъ въ Севастополь. Но картина измѣнилась. Солнце садилось и косвенные лучи его золотили верхушки Инкерманскихъ высотъ. Хотя мы и ѣхали по теченію рѣки, но вѣтеръ дулъ съ моря и затруднялъ наше плаваніе, такъ что мы пріѣхали на Графскую пристань, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Но море и въ этомъ полумракѣ было прелестно; его рябила легкая зыбь и изрѣдка добѣгали до нашей лодки какія то маленькія, свѣтлыя волны; онѣ разбивались

около нея и свѣтились миріадами фосфорическихъ блестокъ позади лодки, какъ длинный хвостъ кометы. На горизонтѣ море сливалось съ розовыми тучами, окрашенными послѣдними лучами, уже закатившагося солнца; надъ нашими головами сверкало безчисленное множество яркихъ звѣздъ, а на высокихъ скалахъ позади насъ, какъ пара блестящихъ глазъ, свѣтились два маяка, сливаясь въ одно большое, огненное око по мѣрѣ того какъ мы отъ нихъ отдалялись. Пристань еще была оживлена; рабочіе сновали взадъ и впередъ по каменнымъ ступенямъ, и если бы я не такъ устала, можно было бы съ удовольствіемъ посидѣть еще часокъ и полюбоваться на кипучую жизнь этого маленькаго человѣческаго муравейника и на величавое, невозмутимое спокойствіе безконечнаго моря. Но вслѣдствіе сильной усталости мы поспѣшили домой и во снѣ мнѣ грезились крутыя скалы, синія волны, зеленые луга Инкерманской долины, такъ сильны были впечатлѣнія, навѣянныя нашимъ маленькимъ путешествіемъ и днемъ проведеннымъ въ этой очаровательной мѣстности.

На другой день я въ первый разъ отправилась въ купальни, устроенныя не вдалекѣ отъ гостинницы Кисть и довольно близко отъ Графской пристани. Онѣ содержатся превосходно и отличаются порядкомъ и чистотой, чего нельзя сказать о купальняхъ въ другихъ городахъ Крыма, не исключая Ялты и Евпаторіи; говорятъ, что и въ Ѳеодосіи вода въ купальняхъ грязна; въ Севастополѣ же она напротивъ чиста и прозрачна, но не такъ солона, какъ въ открытомъ морѣ, вѣроятно потому, что въ бухту впадаютъ рѣчки. Вода въ Севастополѣ въ купальнѣ очень тепла особенно когда она нагрѣвается

лучами солнца, такъ какъ надъ самой водой крыши нѣтъ; нѣтъ также и набѣгающихъ волнъ, одной изъ прелестей морскаго купанья. Съ самаго утра мы намѣревались съѣздить на Сѣверную, гдѣ мнѣ хотѣлось отслужить панихиду на могилѣ дяди, но море бурлило и хотя въ бухтѣ было сравнительно тихо, мнѣ казался страшнымъ этотъ переѣздъ, на маленькой лодочкѣ, но всѣ увѣряли что нѣтъ никакой опасности и часа въ четыре мы рѣшились взять лодку и отправиться. Только что мы отчалили отъ берега, поднялся вѣтеръ и наша лодка начала прыгать по волнамъ, которыя все сильнѣе и сильнѣе ударяли о ея бортъ. Когда мы достигли середины бухты, движенія лодки стали еще ненормальнѣе, напоминая собой раскачиваемую доску на качеляхъ. Я очень струсила и старалась только удерживать равновѣсіе всякій разъ когда лодка сильнѣе прежняго опускалась и подымалась. Вдругъ мы полетѣли съ быстротою птицы; лодочникъ бросилъ весла и поднялъ парусъ, но тутъ насъ стало качать такъ ужасно, что онъ внялъ моимъ увѣщаніямъ, снялъ опять парусъ и уже на веслахъ довесъ насъ благополучно до Матросской или Солдатской бухты, гдѣ мы высадились; отсюда мы дошли до кладбища пѣшкомъ. Идти намъ нужно было въ гору, болѣе двухъ верстъ; мы шли мимо казармъ гусарскаго полка; солдаты поили лошадей, возили кормъ, группами сидѣли и лежали около каменныхъ, довольно красивыхъ солдатскихъ помѣщеній, нѣкоторые чинили сапоги, платье, нѣкоторые пѣли; они казались довольными и веселыми. Когда мы дошли до кладбища вѣтеръ усилился и я боялась за наше возвращеніе; но нечего было дѣлать; можетъ быть, надѣялась я, вѣтеръ утихнетъ къ вечеру и

мы переѣдемъ бухту благополучно. При входѣ на кладбище около воротъ ограды возвышается памятникъ генералу Хрулеву, потомъ среди множества простыхъ братскихъ могилъ изъ которыхъ нѣкоторыя довольно красивы, есть и отдѣльныя памятники. Памятникъ кн. М. Д. Горчакову замѣчательно хорошъ; въ довольно большой часовнѣ поставленъ бюстъ князя, изъ бѣлаго мрамора; онъ очень похожъ и выраженіе задумчивой грусти удачно схвачено художникомъ; подъ бюстомъ начертаны имя князя и желаніе его быть похороненнымъ среди его товарищей, славныхъ защитниковъ Севастополя. Кругомъ памятника посажено много деревьевъ и сторожъ намъ указалъ на тѣ, которыя были собственноручно посажены покойной Императрицей, Государемъ Императоромъ и другими членами царской семьи. Священника при кладбищенской церкви нѣтъ, и для служенія панихиды былъ присланъ священникъ сосѣдней церкви, живущій въ близъ лежащей слободкѣ. Прежде чѣмъ онъ явился прошло болѣе часа и, сидя на скамьѣ противъ памятника дяди, я написала слѣдующее:

Могилы героевъ, погибшихъ въ бою,
Предъ вами колѣна сгибая,
Въ печальномъ раздумьѣ, я молча стою,
О всемъ, что прошло, вспоминая.

Кругомъ васъ кровавыя волны текли,
Картечи и бомбы летали,
На вѣрную смерть вы себя обрекли,
Но Крымъ дорогой отстояли.

Какъ дѣти Израиля по морю шли,
Титановъ твердыни слагали,

Терпѣли вы много для русской земли,
Безмѣрно и долго страдали.

Хвала вамъ герои!... Какъ кладъ дорогой
Россіи вы честь сберегали,
И, помня обѣты и долгъ свой святой,
Ни пяди земли не отдали.

Священникъ пришелъ, панихида была отслужена; я положила вѣнокъ у подножія дорогаго памятника и мы пошли осматривать церковь. Она стоитъ на самомъ высокомъ мѣстѣ братскаго кладбища; видъ оттуда великолѣпенъ, море, бухта и весь Севастополь, какъ на ладони; за Севастополемъ виднѣются мѣловыя горы и опять синее, нескончаемое море. Но прелесть этой картины была для меня утрачена. Дулъ такой сильный вѣтеръ, что трудно было устоять на ногахъ; онъ безпрестанно срывалъ мою шляпу, кидалъ мнѣ въ глаза мелкій песокъ, обдавалъ меня тучами известковой пыли. Въ церкви было хорошо. Живопись мнѣ показалась замѣчательной, размѣры храма величественны, детали изящны и исполнены съ большимъ вкусомъ. Но становилось поздно; въ храмѣ начинало темнѣть и многаго нельзя было разсмотрѣть, какъ бы хотѣлось и, какъ это заслуживаетъ великолѣпіе картинъ и изящество мраморовъ и прочихъ украшеній этой прекрасной церкви. Изъ храма, до самыхъ воротъ кладбищенской ограды, устроенъ хорошій шоссированный спускъ, по которому можно подняться въ экипажѣ до церкви. Отъ нея во всѣ направленія идутъ, по всему кладбищу, хорошо утрамбованныя дорожки; онѣ усажены деревьями, еще молодыми, но дающими уже много тѣни, такъ что все это мѣсто, усѣянное дорогими

для насъ могилами, представляетъ роскошный паркъ. Если прожить въ Севастополѣ долго, можно часто посѣщать сѣверную часть его и предаваться вполнѣ преобладающему здѣсь чувству спокойствія и тишины *„еже нѣсть отъ міра сего,“* но мы спѣшили возвратиться къ нашей лоцкѣ и переплыть бухту за свѣтло. Море продолжало волноваться и насъ порядочно качало, особенно, когда мы удалились отъ берега. Однако мы доѣхали счастливо до Графской пристани и высадились въ ту самую минуту, когда началъ накрапывать дождикъ. Густыя тучи покрыли небо, было совершенно темно, но вдали ярко свѣтились маяки и какіе-то огни, разложенные въ нѣсколькихъ мѣстахъ на противоположномъ берегѣ.

Быть въ Севастополѣ и не видать Бахчисарая, мнѣ казалось невозможнымъ. Еще въ Сакахъ мнѣ много говорили объ этой древней столицѣ Крымскихъ хановъ, сохранившей и теперь свой восточный характеръ. Да и стоило проѣхать по участку Лозово-Севастопольской желѣзной дороги между Севастополемъ и Бахчисараемъ. Именно отъ Севастополя до Бахчисарая встрѣчаются замѣчательныя сооруженія, нѣсколько віадуковъ и туннелей, высокія насыпи, легкіе, прелестные мосты. Утренній поѣздъ выходитъ изъ Севастополя въ 10-мъ часу; часъ очень удобенъ, и заперевъ нашъ номеръ на цѣлыя сутки, мы наняли коляску и отправились къ Южной бухтѣ на станцію, взяли билеты, сѣли въ вагонъ и черезъ нѣсколько минутъ тронулись. Сначала мы ѣхали очень тихо. Первый туннель устроенъ у самаго выхода изъ города, такъ что я не ожидала его и была поражена совершенной темнотой, въ которую мы

вдругъ погрузились. Въ нашемъ отдѣленіи кромѣ меня и моей спутницы никого не было, свѣча зажженная кондукторомъ, погасла и я ощупью отворила дверь въ сосѣдній вагонъ, гдѣ ѣхало нѣсколько пассажировъ и попросила у нихъ спичекъ; одинъ изъ нихъ былъ такъ любезенъ, что самъ засвѣтилъ намъ нашу потухшую свѣчу и въ слѣдующій туннель мы въѣхали уже при ея слабомъ, мерцающемъ свѣтѣ. Всѣхъ туннелей шесть, третій самый большой; онъ имѣетъ почти 300 сажень длины и толщина верхняго слоя земли надъ сводомъ, говорятъ, въ 40 сажень. Можетъ быть это игра воображенія, но въ немъ дышалось тяжело и я вздохнула свободнѣе, когда увидала опять свѣтлый Божій міръ И хорошъ же былъ этотъ міръ насъ окружавшій. Надъ нами свѣтлое, безоблачное, лазоревое небо, на право обрывы скалъ, иногда покрытыя зеленью, иногда совершенно голыя, а на лѣво сверкающая на солнцѣ бухта, съ ея безчисленными лодочками, паруса которыхъ походили на крылья бѣлыхъ чаекъ. До самаго спуска въ Инкерманскую долину дорога идетъ по правому берегу Севастопольскаго рейда, вдоль бывшаго акведука, надъ самымъ моремъ на довольно высокой насыпи. Чрезъ Черную рѣчку перекинутъ красивый мостъ, а около самой Инкерманской киновіи опять насыпь и выемка въ скалѣ въ родѣ маленькаго ущелья. Тутъ дорога идетъ такъ близко къ скалѣ, что для проведенія ея былъ разрушенъ одинъ изъ древнѣйшихъ пещерныхъ храмовъ, о чемъ конечно, нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе что, кажется, ничего-бы не стоило провести дорогу немного лѣвѣе. Между Инкерманской и Бельбекской станціями проѣзжаютъ очень длинный

мостъ, или віадукъ; онъ весь желѣзный, на каменныхъ быкахъ и желѣзныхъ устояхъ, имѣетъ болѣе 100 саженъ длины и перекинутъ черезъ глубокую, прелестную балку, или оврагъ. По мосту поѣздъ ѣдетъ очень тихо, и не смотря на эту предосторожность мостъ трясется, что не совсѣмъ пріятно дѣйствуетъ на путешественниковъ. Но онъ такъ легокъ и изященъ, что съ нимъ невольно миришься и надѣешься, что его филиграновые столбики, (они право кажутся такими) также прочны какъ и красивы. Въ Бельбекской и Качинской долинахъ растительность очень богата. На далекомъ разстояніи отъ дороги зеленѣютъ обширные сады, снабжающіе Россію, а особенно Москву нѣсколькими тысячами пудовъ яблокъ, извѣстныхъ въ продажѣ подъ названіемъ крымскихъ. Тутъ же растилаются обширные виноградники и табачныя плантаціи, окруженныя вмѣсто ограды миндальными и орѣховыми деревьями. Всѣ эти сады орашаются водой Бельбека; она поднята на должный уровень и протекая по деревяннымъ трубамъ и желобамъ, приводитъ въ движеніе мельницы и окружаетъ красивые дома владѣльцевъ этихъ садовъ. Подъѣзжая къ бахчисарайской станціи дорога идетъ степью, а вдали виднѣются высокія горы; Бахчисарая же совсѣмъ не видно. Онъ лежитъ въ глубокомъ ущельѣ и станція желѣзной дороги построена не въ самомъ городѣ, а въ его предмѣстьи Ассизъ. Выйдя изъ вагона, мы наняли коляску и отправились прямо черезъ городъ въ ханскій дворецъ, гдѣ помѣщается квартира коменданта дворца, г. Ш...., къ которому у меня было рекомендательное письмо.

Внѣшній видъ Бахчисарая оригиналенъ. Весь городъ

расположенъ по скатамъ двухъ большихъ горъ, на берегахъ довольно мутнаго ручья Чурюкъ Су (т. е. гнилая вода) въ длинномъ и узкомъ ущельѣ, гдѣ совершенно теряются въ густой зелени садовъ, и низенькіе дома, и сплющенныя крыши, и сквозныя лавчонки, и воздушныя кофейни обвитыя плющемъ и виноградомъ, между которыми гордо возвышаются, какъ бѣлыя и зеленыя башни, тонкіе минареты татарскихъ мечетей и пирамидальные тополи. По общему виду онъ сохранилъ свой первобытный характеръ, характеръ чисто азіатскій, и чувствуешь, что въ немъ живется вполнѣ привольно полудикому татарину, сохранившему здѣсь во всей своей неприкосновенности религію и обычаи своихъ предковъ; только изъ прежняго хищника и наѣздника сдѣлался онъ мелкимъ, тупымъ торгашемъ. но въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно стариковъ, блеститъ иногда, какая то зловѣщая искра фанатизма и ненависти, невольно напоминающая, что передъ вами потомки тѣхъ грабителей, передъ которыми такъ долго трепетало Московское царство. Цивилизація, не тронувъ внутренняго строя бахчисарайскихъ жителей, мало коснулась и внѣшняго устройства города. Миновавъ табачныя плантаціи и фруктовые сады дорога становится все хуже и хуже и при въѣздѣ въ городъ почти непроѣздима тамъ гдѣ возвышается заброшенная татарская мечеть, съ тонкимъ минаретомъ. Тутъ же начинается главная улица Бахчисарая, она тянется версты на двѣ вдоль ущелья и состоитъ вся изъ магазиновъ и лавокъ. Она вымощена, но избави Богъ отъ подобной мостовой; коляска наша была покойна и оказалась очень крѣпкою, выдержавъ безпрестанные толчки

и перекидыванье изъ угла въ уголъ, отъ одной стороны улицы въ другую, но ея качанье было не только утомительно, но и опасно. Улица такъ узка, что я боялась нашего непрошеннаго въѣзда, то въ лавку мясника, то въ противоположную кузницу, то въ отворенныя настежь двери кофейни. И не смотря на эту страшную ѣзду, на безпрестанно заграждающія намъ путь мажары съ сѣномъ и разными продуктами сосѣднихъ деревень, меня занимала эта пестрая картина. Жизнь цѣлаго населенія на улицѣ, подъ жгучими лучами солнца, эта жизнь на распашку, имѣла для меня прелесть новизны и я съ любопытствомъ смотрѣла на неподвижныя лица нѣкоторыхъ торговцевъ, на бѣлыя чалмы, на красныя ермолки, на бараньи шапки по всюду снующихъ покупателей. Между ними были и молодые татары-франты, перетянутые поверхъ синихъ куртокъ, чеканными поясами, со множествомъ цѣпочекъ, съ трубкою въ зубахъ, съ черными какъ смоль усиками, съ красными фесками на бритой головѣ. Въ толпѣ мелькнули двѣ, три женщины. Похожи на статуи, съ головы до ногъ обернутыя въ бѣлыя простыни, обутыя въ желтыя туфли, онѣ переходили черезъ улицу медленно, какъ заведенныя куклы, но изъ подъ бѣлаго покрывала блестѣли черные, быстрые глаза, напоминающіе глаза ревнивой Заремы. Около бакалейной лавки толпились ребятишки, большей частью цыганята, полунагіе, съ кудрявыми, черными головами, съ кожей бурой и гладкой, какъ сафьянъ они побѣжали за экипажемъ, протягивая руки и крича: *дай копѣйку, копѣйку дай,* единственныя слова ими выученныя по русски. Тутъ же около пустой мажары стояли цыгане и цы-

ганки, но послѣднія были стары и не красивы и ничѣмъ не отличались отъ цыганокъ, встрѣчающихся повсюду въ Россіи. Мы подвигались такъ медленно, что я отчаялась, когда нибудь доѣхать до ханскаго дворца, Наконецъ нашъ возница татаринъ остановилъ лошадей на мосту противъ самыхъ воротъ. Мостъ тяжелый, каменный, черезъ тотъ же грязный Чурюкъ Су, который обыкновенно течетъ безобиднымъ ручьемъ посреди самой улицы въ срединѣ города, но при паденіи дождей въ горахъ превращается въ бурную рѣку. Наружный видъ дворца обѣщаетъ немного. По восточному обычаю съ наружной стороны оконъ нѣтъ, а видна только одна сплошная стѣна съ башенками и высокими, мавританскими трубами. Стѣны съ наружи пестро выкрашены яркими и темными красками; большія ворота, также раскрашены и обиты желѣзомъ. Общее впечатлѣніе довольно мрачное; но мы входимъ во дворъ и все измѣняется. Это востокъ съ своей таинственной нѣгой, съ шопотомъ фонтановъ, съ изумрудной тѣнью вѣковыхъ каштановъ, тонкимъ ароматомъ вьющихся розъ! Дворъ просторный, свѣтлый, зеленый, весь обрамленный огромными деревьями, фонтанами, башнями, полубашнями, цвѣтками, узорчатыми крыльцами, увитыми плющемъ и виноградомъ. Конечно, заграницей памятники процвѣтавшей нѣкогда восточной жизни изящнѣе и лучше Бахчисарайскаго дворца, но у насъ въ Россіи это единственный хорошо сохранившійся остатокъ той эпохи и хотя въ немъ мало изящества, мало слѣдовъ той роскоши и фантастичности, которыми отличаются мавританскіе памятники Альгамбры, или Кордовы, въ немъ все таки много оригинальности и пестрота живописи

и архитектуры этого татарскаго дворца имѣютъ свою прелесть и свою поэзію; можетъ быть нѣсколько дикую, какъ и сами Гиреи его создавшіе, но живо напоминающіе и нравы и образъ жизни того времени. Зданіе дворца очень велико: балконы, крыльца прикрѣплены въ безпорядкѣ и образуютъ безпрерывные уступы, спуски, повороты. По главнымъ дорожкамъ, въ тѣни громадныхъ орѣховыхъ и каштановыхъ деревьевъ, поставлены скамейки; на нихъ сидятъ, лежатъ и даже спятъ татары; это сторожа и служители дворца. Одинъ изъ нихъ, по моей просьбѣ, указываетъ мнѣ квартиру коменданта, завѣдывающаго дворцемъ, и прибавляетъ, что онъ теперь въ городѣ на службѣ, но что супруга его дома. Я прошу его отнести ей мою карточку, онъ колеблется. Въ эту минуту сходитъ съ крыльца, мальчикъ лѣтъ 10-ти. Это сынъ полковника Ш..... милый мальчикъ, съ которымъ мы потомъ очень подружились. Онъ беретъ у меня карточку и рекомендательное письмо къ отцу и вскорѣ возвращается съ Г-жей Ш.... Я передаю ей поклонъ евпаторійской дамы, давшей мнѣ письмо къ ея мужу (полковникъ былъ долго исправникомъ въ Евпаторіи и оставилъ по себѣ хорошую память и много друзей) разговоръ завязывается, мой покровитель, милый Вася, указываетъ намъ на графскія комнаты, какъ наше помѣщеніе, и потомъ Г-жа Ш.... уводитъ меня къ себѣ отдохнуть и напиться кофе. Вскорѣ возвращается полковникъ; онъ такой-же ласковый и гостепріимный, какъ его жена и ихъ радушный пріемъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Не зная, что они такъ любезно пригласятъ меня обѣдать, я заказала себѣ обѣдъ въ одной изъ кофеенъ, или, вѣрнѣе сказать, харчевенъ

города. По разсказамъ цыгана носильщика, проводника и страшнаго болтуна, вынувшаго наши вещи изъ коляски, это прекрасная гостинница, въ которой можно получить все, *чего душа желаетъ*. Этотъ цыганъ (я забыла его имя) извѣстенъ всѣмъ путешественникамъ; онъ очень надоѣдливъ, крайне назойливъ, но типиченъ съ своими черными бѣгающими глазами и зубами острыми и бѣлыми, какъ у молодаго волка. Ровно въ два часа онъ пришелъ за нами и повелъ насъ въ свою хваленую гостинницу, увѣряя, что это *тутъ, тутъ рядомъ, очень близко*. Но было такъ жарко, что разстояніе мнѣ показалось порядочнымъ, тѣмъ болѣе, что мы шли по среди пыльной улицы, избѣгая близости домовъ, подпертые столбиками, съ балконами висящими на палочкахъ, съ галлерейками и постройками, прилѣпленными кое-какъ къ нагнувшимся стѣнкамъ. Наконецъ нашъ чичероне прикладываетъ руку ко лбу, потомъ къ сердцу это — знакъ почтенія) и останавливается противъ бѣлой мазанки въ два этажа. На верхній этажъ ведетъ наружная лѣстница, съ изломанными перильцами и съ двумя, тремя дощечками, положенными кое-гдѣ вмѣсто ступенекъ; внизу у самаго входа очагъ, въ немъ кто-то, жаритъ что-то; но лучше не вглядываться въ тайны татарской кухмистерской, а то пропадетъ навсегда вашъ аппетитъ. Дрожа за цѣлость нашихъ ногъ, мы взбираемся по животрепещущей лѣстницѣ, стараясь ступать, какъ можно легче, чтобы не обрушиться вмѣстѣ съ ней, и входимъ въ низкую, довольно большую комнату. Посрединѣ накрытъ былъ столъ, съ неимовѣрно грязною скатертью, съ тарелками и стаканами еще грязнѣе. Я не могу рѣшиться сѣсть у боль-

шаго стола; сажусь у маленькаго, около окна, онъ кажется не такъ грязенъ. Хозяинъ встаетъ съ дивана въ углу комнаты, гдѣ онъ игралъ въ домино, или въ кости съ другимъ, такимъ-же оборваннымъ молодымъ человѣкомъ, какъ онъ самъ. Они оба евреи и содержатъ харчевню и музыку, и тутъ-же на старыхъ фортопіано лежатъ двѣ скрыпки, что-то въ родѣ флейты и старыя ноты. Воздухъ въ этой комнатѣ ужасенъ. Молодая женщина довольно красивая, но грязная, какъ и все ее окружающее, вноситъ тарелку куринаго супа, съ плавающимъ сверху жиромъ, перцемъ и лавровымъ листомъ. Я прошу чистую салфетку, но она сыра и пахнетъ лукомъ, или чеснокомъ, не знаю; насильно проглатываю двѣ, три ложки супа и прошу слѣдующаго блюда; является чахотечный цыпленокъ, изжаренный въ салѣ и опять тотъ же отвратительный запахъ. Я плачу за это удовольствіе 90 коп., благодарю за прекрасное угощеніе грязную хозяйку и спѣшу покинуть на всегда этотъ бахчисарайскій эрмитажъ. Лѣстница мнѣ кажется еще опаснѣе при спускѣ, чѣмъ при подъемѣ, но наконецъ мы благополучно спрыгиваемъ на землю и возвращаемся домой съ пустымъ желудкомъ и пустымъ кошелькомъ, потому что на дорогѣ нашъ неотвязчивый цыганъ увлекаетъ насъ въ татарскую лавку, гдѣ продаются серебряныя вещи, сафьянныя туфли, кожаныя издѣлія, татарскія покрывала и полотенца. Товаръ хорошъ и оригиналенъ, но лавка помѣщается въ верхнемъ этажѣ такого жалкаго домика, что того и гляди рухнется вмѣстѣ съ нами вся эта пристройка на курьихъ ножкахъ. Когда мы вернулись во дворецъ, одинъ изъ дворцовыхъ служителей, грекъ Петро совершенно обру-

сѣвшій, повелъ насъ осматривать дворецъ. Такъ какъ онъ это дѣлаетъ нѣсколько разъ въ теченіи дня, то совершенно твердо знаетъ свою роль, останавливается всякій разъ въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, расказываетъ одни и тѣже анекдоты, обращаетъ вниманіе на одни и тѣже предметы. У него громадная связка ключей, которыми онъ отмыкаетъ разныя отдѣленія дворца, рѣшотчатыя комнаты, тайные переходы, внутренніе садики, дворики съ бассейнами и фонтанами. Въ дворцѣ 70 комнатъ и 18 фонтановъ. Я удивлялась, какъ онъ не путается въ этомъ лабиринтѣ комнатъ, слѣдующихъ одна за другой безъ всякой мысли и плана. Видно, что зодчій заботился лишь объ одномъ спасти обитателей дворца отъ жгучаго солнца и цѣль его была достигнута; тѣнь и прохлада царствуютъ всюду, особенно въ рѣшотчатыхъ комнатахъ, устроенныхъ въ поворотахъ зданія въ видѣ большихъ крытыхъ балконовъ, обнесенныхъ вмѣсто стѣнъ красивыми золоченными, или раскрашенными рѣшотками. Работа этихъ рѣшотокъ очень мелка и снаружи онѣ кажутся сплошной сѣтью, между тѣмъ какъ черезъ нихъ все видно. Эти крытые балконы устроены надъ двориками и садиками гарема и служили ханамъ любимымъ пріютомъ и мѣстомъ наблюденія за невольницами и женами. Комнатъ такое множество, что я могу вспомнить только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, а остальныя слились въ какую-то безпорядочную массу полутемныхъ, большею частію очень тѣсныхъ покоевъ, съ небольшими узкими окнами, изъ цвѣтныхъ стеколъ, затѣйливой формы и яркихъ цвѣтовъ. Комнаты низки, потолки расписаны, стѣны также, или обиты древними, тяжелыми тканями затканными, или вышитыми золотомъ

и серебромъ, но очень ужъ полинявшими. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ потолки изъ краснаго, или чернаго дорева, выложеннаго клѣтками, которыя обрамлены золоченными рѣзными каемками. Двери и окна всюду расписаны яркими красками, серебромъ и золотомъ, арабесками, полумѣсяцами, фантастическими птицами, причудливыми, небывалыми растеніями и цвѣтами. Полы, зеркала, столики, табуреты, диваны также расписаны; есть столики и табуретки турецкіе выложеные перламутромъ; есть зеркала въ стеклянныхъ рамочкахъ очень оригинальныхъ, точно онѣ сдѣланы изъ фольги. Вообще мебели мало и она разставлена чинно, по стѣнкамъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ, въ стѣнныхъ шкапчикахъ еще хранится стеклянная и мѣдная посуда того времени. Самыя любопытныя комнаты: ханская спальня, гдѣ показываютъ кровать, на которой отдыхала Екатерина II; вся мебель этой комнаты состоитъ изъ тахтъ т. е. низенькихъ дивановъ съ подушками изъ розоваго атласа съ шитьемъ, гладью и золотомъ; все полиняло и приходитъ въ ветхость; около кровати стоитъ пара туфель, изъ чернаго дерева съ перламутровой инкрустаціей, напоминающихъ своей формой французскія sabots. Столовая, пріемная, посольская и комната для бритья также интересны; въ послѣдней до сихъ поръ, хранится парчевое покрывало, которымъ завѣшивалъ своего властителя ханскій цирюльникъ. Кабинетъ хана отличается особенно тщательнымъ убранствомъ; стѣны покрыты лѣпными изображеніями лимоновъ, гранатовъ, винограда и другихъ плодовъ; на верху за стеклами, подъ самымъ потолкомъ красуются восковыя цвѣты, съ листьями изъ разноцвѣтныхъ перьевъ; тахты и подушки на нихъ изъ

голубой шелковой ткани, вышитыя гладью серебромъ и золотомъ; эту работу приписываютъ ханскимъ женамъ; видно, что въ этой комнатѣ собрано все, что въ это время считалось рѣдкимъ и драгоцѣннымъ. Окна кабинета выходятъ въ садикъ, съ вѣчно зелеными кипарисами, съ абрикосовыми и миндальными деревьями, сверстниками послѣднихъ обитательницъ гарема. Въ немъ и теперь много цвѣтовъ, розы въ большомъ изобиліи; надъ большимъ бассейномъ, изъ котораго проведена вода во всѣ фонтаны дворца, тѣнистая, виноградная бесѣдка, кругомъ бассейна нарцисы, и большіе розовые цвѣты, похожіе на наши тюльпаны; высокія стѣны этого садика заросли густымъ плющемъ, онъ обвиваетъ и деревья и фонтанъ изъ бѣлаго мрамора, съ мраморными ступеньками и скамейками. Дорожки въ саду очень узки, такъ что ходить двумъ рядомъ не возможно. За садикомъ дворикъ гарема, окруженный высокими стѣнами, за которыми комнаты довольно просторныя, съ зеркаломъ и шкафикомъ для платья въ каждой;—это и есть комнаты гарема. Тутъ же возвышается высокая деревянная башня называемая *Соколиною*. Нашъ чичероне разсказалъ намъ, что прежде она была еще гораздо выше и сквозь ея густыя рѣшотки, жены хановъ любовались на соколиную охоту. Въ нижнемъ этажѣ дворца помѣщается большая зала; эта зала ханскаго судилища, съ стѣнами подъ мраморъ, съ сидѣньями вокругъ стѣнъ, съ расписаннымъ потолкомъ, съ хрустальной люстрой и съ рѣшотчатой, тайной комнатой для хана въ видѣ хоръ. Въ эту комнату ведетъ изъ ханскаго кабинета потаенный, темный корридоръ, такъ что ханъ могъ присутствовать во время суда, никѣмъ

не видимый. Рядомъ съ этой залой комната, гдѣ сидѣли секретари и записывали рѣшенія судей; въ этой комнатѣ, вѣроятно, изготовлялись ханскія грамоты русскимъ князьямъ о сборѣ дани въ Россіи и призывы хановъ татарамъ къ набѣгамъ на Польшу, Русь и Литву. Также внизу, но съ противоположной стороны дворца, большая, круглая комната, или ротонда; это темница Маріи Потоцкой, въ которой она томилась почти годъ, пока ее тайно не извела зеліемъ ея соперница Феря, любимая жена хана. Вотъ легенда, сохранившаяся до сихъ поръ въ татарскомъ народѣ, какъ преданіе и такъ поэтично переданная намъ Пушкинымъ, въ его „Бахчисарайскомъ фонтанѣ.“ Вблизи комнаты, или, какъ ее называютъ теперь, молельни Маріи, у главнаго входа находится фонтанъ, поставленный тутъ Гиреемъ, чтобы при каждомъ выходѣ и входѣ во дворецъ, напоминать ему о смерти Маріи. Онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, четырехъугольнымъ выступомъ изъ стѣны; на мраморной доскѣ вырѣзана надпись, надъ ней зубчатыя украшенія, луна и какъ будто крестъ; внизу бассейнъ, куда падаетъ медленно, по каплѣ, переходя поочередно по всѣмъ маленькимъ, мраморнымъ чашечкамъ, устроеннымъ выше бассейна, тонкая струя воды. Въ Крыму много фонтановъ такого же устройства и мѣрное, тихое паденіе воды по каплѣ напоминаетъ паденіе слезъ. Этотъ фонтанъ называется: фонтанъ Маріи, или фонтанъ слезъ. Когда мы вышли изъ дворца, Петро повелъ насъ черезъ дворъ къ памятнику на могилѣ Маріи Потоцкой; онъ своею формой напоминаетъ наши часовни, надъ его дверями надпись по татарски, гласящая: прохожій, прочти первую главу Корана за душу здѣсь погребенной *Дилявы*

Пикечь *) (имя данное ханомъ своей плѣнницѣ). Отсюда очень хорошъ видъ на весь Бахчисарай и на возвышающіяся за нимъ горы и скалы. На лѣвой сторонѣ близъ входа въ ханскій дворъ стоитъ главная мечеть, построенная во внутренней части двора, но оба ея минарета и паперть выходятъ на грязную улицу, вдоль рѣчки Чурюкъ-Су, такъ что можно въ нее войти, миновавъ ханскій дворъ, что и дѣлаютъ жители Бахчисарая, посѣщающіе во время службы два раза въ недѣлю нѣкогда богатую и славную ханскую мечеть. Теперь она напоминаетъ лютеранскую церковь. Эта огромная, очень высокая, довольно темная зала съ хорами, вся устлана татарскими и персидскими ковриками. На потолкѣ вмѣсто паникадилъ висятъ широкіе деревянные трехъ-угольники съ стаканчиками и подсвѣчниками разныхъ формъ и размѣровъ. Вдоль передней стѣны, увѣшанной огромными пожелтѣвшими листами съ изрѣченіями изъ Корана, стоятъ низенькіе табуретки, съ раскрытыми книгами и рядъ высокихъ простыхъ, мѣдныхъ подсвѣчниковъ, окружающихъ углубленіе въ самой серединѣ стѣны, гдѣ хранятся мѣдные шары за занавѣской; на правой сторонѣ возвышаются три высокія каѳедры изъ орѣховаго, рѣзнаго дерева, какъ обыкновенныя лютеранскія, или католическія каѳедры. На хоры внутренній входъ изъ дворца и довольно большая комната, въ которой ханъ молился во время службы въ мечети. Изъ одной комнаты большое окно выходитъ въ самую мечеть, такъ что все происходящее въ мечети хорошо видно и слышно. Рядомъ съ ханской мечетью, ханское кладбище. Въ него входишь черезъ узкую калитку,

*) Княжна украшающая сердце.

заросшую со всѣхъ сторонъ высокой, густой травой. Подъ миндалевыми и абрикосовыми деревьями бѣлѣютъ нѣсколько каменныхъ гробницъ, разныхъ формъ и величинъ, но почти всѣ съ каменными чалмами; одна изъ гробницъ меня поразила красотой мраморной плиты ее покрывающей и тонкостію украшеній изъ мрамора, окаймлявшихъ весь мавзолей. Сколько мнѣ помнится это могила Крымъ-Гирей хана, сына Дивлетъ Гирея. Изъ этого садика прямой ходъ въ ханскую усыпальницу, т. е. въ сырую и пустую, круглую башню, наполненную каменными гробницами, поставленными довольно симетрично рядами. Тутъ похоронены не одни ханы, но и любимыя ихъ жены, надъ гробницами которыхъ, вмѣсто чалмы, высѣчены каменныя женскія шапочки. На памятникѣ Менгли-Гирея лежитъ огромный мечь, на другихъ щиты и кривыя сабли. Въ этомъ помѣщеніи темно и пахнетъ гнилью и оно скорѣе походитъ на небрежно содержимую кладовую, чѣмъ на усыпальницу нѣкогда грозныхъ властителей Крыма. Смотря на это запустѣніе, на постепенное разрушеніе этихъ остатковъ другаго намъ чуждаго міра, невольно пришло мнѣ на мысль, что можетъ быть когда нибудь напомнитъ о себѣ такими же печальными, никому не нужными остатками, и нашъ цивилизованный міръ. Но я стараюсь прогнать эти не веселыя мысли, и направляюсь къ большему столу подъ вѣковымъ каштаномъ. Вокругъ него собралось веселое общество—вся семья полковника и знакомые, пріѣхавшіе изъ Севастополя. Идетъ оживленная бесѣда; самоваръ шумитъ; я помѣщаюсь около привѣтливой хозяйки, забываю о печальной участи ханскихъ женъ и, не размышляя болѣе о превратностяхъ судьбы, предаюсь всецѣло составленію плановъ на слѣдующій день. Вася,

сынъ полковника, предлагаетъ мнѣ встать рано утромъ и отправиться съ нимъ пѣшкомъ въ Успенскій монастырь, отстоящій въ полверстѣ отъ города, увѣряя, что если я и найму коляску, то все-таки буду идти пѣшкомъ, опасаясь за свою жизнь, такъ ужасна дорога отъ города до монастыря. Я соглашаюсь и мы разстаемся, давъ другъ другу слово быть готовыми непремѣнно въ семь часовъ утра. Между тѣмъ стало темно. Сквозь густую листву каштановаго дерева блестятъ крупныя, серебряныя звѣзды и тонкій серпъ молодаго мѣсяца чуть виднѣется надъ минаретомъ одной изъ далекихъ мечетей города; вечерній воздухъ довольно свѣжъ и пріятно дѣйствуетъ на нервы послѣ утомительно-знойнаго дня: фонтаны журчатъ такъ громко, что не смотря на безоблачное небо, думаешь нейдетъ ли гдѣ проливной дождь. Въ сопровожденіи полковника и Васи я вхожу на увитое плющемъ крыльцо моего помѣщенія на терассѣ горитъ довольно ярко, въ висячемъ фонарѣ, керосиновая лампа; это освѣщеніе не въ восточномъ вкусѣ, но тѣмъ не менѣе тѣни каштановъ ложатся красиво на желтый песокъ дорожекъ и свѣтъ лампы разсыпается тысячами искръ въ падающей водѣ фонтана. Вдругъ раздается пронзительный крикъ, откуда-то съ высоты, словно, злой джинъ *) прокричалъ зловѣщее слово. Что такое?... Но другой, такой же крикъ ему вторитъ и все дальше и дальше повторяются странные звуки. Вася смѣется. Это кричатъ муэззины на 35 минаретахъ города. Они призываютъ на молитву татаръ; завтра у нихъ начинается постъ рамазанъ и продолжается ровно мѣсяцъ, до нарожденія новой луны.

*) Злой духъ.

Послѣ этого объясненія, я иду въ свою комнату; нѣсколько времени еще раздаются въ тишинѣ крики муэззиновъ, а изъ мечети въ открытое окно несется, то заунывное напѣванье муллы, то громкіе возгласы правовѣрныхъ, то наконецъ неистовые крики ликующихъ татаръ. Постясь весь день, они ждутъ наступленія вечера, какъ праздника и вскорѣ послѣ захожденія солнца бѣгутъ толпой по узкой улицѣ въ близъ лежащія кофейни, гдѣ пируютъ всю ночь. Что-то дикое слышалось въ радостныхъ крикахъ этой толпы и мнѣ вспоминалось о тѣхъ крикахъ, которые вѣроятно должны были раздаваться въ татарскихъ ордахъ при ихъ страшныхъ набѣгахъ на беззащитные села и деревни нашей бѣдной Руси. Долго я не могла заснуть, но наконецъ усталость взяла свое, я заснула крѣпко и проснулась, только утромъ, когда солнце было уже высоко. Къ 7 ч. мы были готовы, и когда мы вышли на терассу, Вася и Д. М. уже ожидали насъ и мы сейчасъ же отправились въ Успенскій монастырь. Изъ воротъ дворца мы пошли направо, сначала по главной улицѣ, а потомъ мимо такъ называемой Зеленой мечети; она теперь въ запустѣніи и ея минаретъ разрушенъ со времени въѣзда въ Бахчисарай императрицы Екатерины II. Разсказываютъ, что когда ея экипажъ поровнялся съ Зеленою мечетью, пробило 12 часовъ дня. Въ эту самую минуту муэззинъ возгласилъ на минаретѣ обычную, призывную молитву къ правовѣрнымъ и крикъ его былъ такъ пронзителенъ, что лошади императрицы испугались и чуть не понесли коляску, въ которой она ѣхала. Солдатъ греческаго батальона стоялъ тутъ на караулѣ и видѣвъ опасность императрицы и ея испугъ выстрѣлилъ мгновенно въ злополучнаго муэззина, котораго убилъ

на поваль. Съ тѣхъ поръ мечеть осталась въ запустѣніи и постепенно разрушается. Тутъ-же не далеко довольно большое зданіе; это высшее татарское училище или *Медресе*; когда мы шли мимо, до насъ долетали визгливые голоса учениковъ, но мы не остановились, желая поспѣть въ монастырь къ обѣднѣ. Становилось все жарче, а дорога дѣлалась труднѣе; особенно, когда мы стали подходить къ цыганскому предмѣстью города, Салачику. Сады Бахчисарая, окаймлявшіе улицу съ правой стороны, остались за нами и мы попали въ лабиринтъ какихъ-то узенькихъ улицъ, съ горными тропинками вмѣсто тротуаровъ; подъ нами, надъ нами какъ змѣиныя норы вились щели; это боковые переулочки, закоулочки, въ которыхъ громоздятся одна надъ другой бѣлыя мазанки, съ однимъ, много двумя оконцами большей частію рѣшетчатыми; крошечные дворики, заваленные камнями, между которыми вы вдругъ видите чалму высѣченную надъ однимъ изъ нихъ; это памятникъ какого нибудь уважаемаго предка, около котораго гнѣздятся его живые потомки. Крыши словно выростаютъ одна изъ другой и во всемъ этомъ хаосѣ неимовѣрной грязи и слякоти вдругъ васъ поражаетъ смѣющееся личико молодой татарки, съ распущенными, мелко заплетенными косами, съ красной феской на головѣ; она стоитъ на самомъ краю одной изъ крышъ и вы не понимаете какъ она сюда попала, точно также, какъ вы не можете себѣ представить какими судьбами могло вырости на этой грудѣ камней молодое, зеленое, абрикосовое дерево.

Салачикъ, или какъ его называютъ въ Бахчисараѣ, цыганскій городъ, остается въ лѣвой сторонѣ. Хижины

цыганъ пріютились къ утесамъ оставляя, какъ слѣды людскаго жилья, на стѣнахъ дикихъ скалъ черную копоть. Цыганамъ привольно жить въ этой разщелинѣ, гдѣ ростутъ и цвѣтутъ деревья, защищенныя отъ вѣтра, гдѣ имъ самимъ, почти безъ работы, готовъ теплый, надежный пріютъ, на лонѣ природы. Но издали кажется, что эти натуральныя каменныя башни, эти огромные острые камни, эти скалы, уже наполовину скатившіяся и Богъ знаетъ почему остановившіяся на пути своего паденія, вотъ, вотъ обрушатся на смѣлыхъ пигмеевъ, такъ дерзновенно пріютившихся у подножія страшныхъ твердынь, и раздавятъ ихъ. Но цыгане не думаютъ объ опасности и дѣти ихъ, какъ настоящія серны, или дикія кошки, бѣгаютъ по выдающимся уступамъ, перепрыгиваютъ черезъ глубокія разсѣлины, также беззаботно какъ дѣти нашихъ поселянъ бѣгаютъ и рѣзвятся на своихъ зеленыхъ лугахъ. Немного правѣй отъ Салачика, но въ томъ же ущельѣ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, тамъ гдѣ справа и слѣва, какъ будто, сдвигаются скалы, находится Успенскій монастырь. Въ глубинѣ ущелья ростетъ монастырскій садъ, виднѣются церковь, двѣ гостинницы, постройки для монастырскаго хозяйства и кладбище, на которомъ погребены многіе изъ убитыхъ во время севастопольской осады. Кругомъ монастыря, тамъ гдѣ его не защищаетъ природная стѣна скалъ, каменная ограда, въ которую входятъ черезъ красивыя ворота. Отъ самыхъ воротъ широкая дорога подымается прямо подъ навѣсомъ скалъ на крутую гору; этотъ подъемъ довольно труденъ, но очень живописенъ. Вы идете по уступу громадной горы, похожей на гранитную стѣну

съ одной стороны; съ другой лежитъ глубокій обрывъ, въ которомъ въ тѣни монастырскаго сада, бѣлѣютъ гостинницы, церковь и другія строенія; и это на протяженіи почти цѣлой версты, до деревянной лѣстницы, ведущей во внутренность монастыря. Онъ весь выстроенъ въ дикой и неприступной скалѣ; на значительной высотѣ виднѣются окна и балкончики пещерной церкви. Когда мы дошли до лѣстницы, я почти упала на одну изъ деревянныхъ скамеекъ. Мы всѣ очень устали и выпили съ наслажденіемъ воды изъ колодца, или вѣрнѣе фонтана, бьющаго изъ самой горы. Такихъ фонтановъ въ Успенскомъ скиту очень много и вода ихъ прозрачна и вкусна. Пока мы отдыхали, зазвонили къ обѣднѣ на колокольнѣ, также устроенной въ скалѣ. Поднявшись еще немного по деревянной лѣстницѣ, мы прошли черезъ деревянную галлерею, придѣланную къ скалѣ, миновали небольшой пещерный храмъ св. Марка и вошли въ церковь Успенія. Она довольно велика и выдолбленная въ скалѣ, сохраняетъ до сихъ поръ характеръ присущій церквамъ первыхъ вѣковъ христіанства. Потолокъ выдолбленъ также, очень низокъ и постепенно соединяется съ правой стѣной такъ, что мѣстами его можно достать рукой; алтарь очень тѣсенъ; иконы старинныя въ позолоченыхъ ризахъ. Служилъ самъ архимандритъ, монахи пѣли довольно стройно и всѣ присутствующіе молились очень усердно, не замѣчая сырости, царствующей въ храмѣ. Но меня эта сырость всю такъ и охватила и я бы не выстояла службы, еслибъ не спасительный балконъ, придѣланный къ скалѣ. Надъ нимъ устроена крыша, прикрывающая копію чудотворной

иконы Божіей Матери, явившейся, по преданію на этомъ самомъ мѣстѣ, въ 15-мъ вѣкѣ, когда татарскіе ханы, оставивъ старый Крымъ, извѣстный тогда подъ именемъ Солката и котораго развалины видны и теперь вблизи Ѳеодосіи, перенесли свою столицу въ Бахчисарай и греки — христіане, населяющіе всю эту часть Крыма, подверглись ихъ гоненіямъ и фанатизму. Явленная икона пользовалась великимъ уваженіемъ не только у христіанъ, но и у татаръ и даже у самихъ бахчисарайскихъ хановъ. Это уваженіе иновѣрцевъ къ Успенскому монастырю утвердило его вліяніе на его христіанскую паству, вслѣдствіе чего почти все греческое населеніе возлѣ Бахчисарая по эту сторону горъ осталось христіанскимъ, тогда какъ такое же греческое населеніе, на южномъ берегу Крыма, было обращено къ магометанство. Успенскій монастырь продолжалъ существовать до самаго присоединенія Тавриды къ Россіи и утратилъ свое значеніе только тогда, когда крымскіе греки почти всѣ были выселены изъ Крыма къ Азовскому морю. Они унесли съ собой изъ монастыря чтимую ими икону Божіей Матери, которая теперь находится въ Маріуполѣ, а на мѣстѣ, гдѣ она явилась на Успенской скалѣ мы видимъ теперь лишь вѣрное ея изображеніе. Послѣ выселенія грековъ — христіанъ изъ Бахчисарая и его окрестностей, монастырь утратилъ свое значеніе, былъ превращенъ въ кладбищенскую церковь и только въ 1850 году возстановленъ подъ именемъ Успенскаго скита архіепископомъ Таврическимъ Инокентіемъ, ревностнымъ обновителемъ всѣхъ прежнихъ церквей и святынь древняго христіанскаго Крыма. Самое устройство ски-

та очень замѣчательно. Огромная скала вмѣщающая въ себя весь монастырь, съ его храмами и жилыми помѣщеніями, составляетъ одну изъ многочисленныхъ возвышенностей, или отроговъ главнаго Таврическаго хребта и тянется, какъ всѣ прочія, на сѣверо-западъ къ морю. Она раздѣлена уступами на три части: въ верхней — пещерныя церкви и пещерныя келіи; въ средней, откуда начинается лѣстница на верхъ, — настоятельскій домъ, съ фонтаномъ и садомъ; въ нижней — трапеза съ службами, кладбищенская церковь, гостинницы и св. ворота. По разнымъ мѣстамъ скита устроены фонтаны съ бассейнами, проведены дороги—одна для проѣзда, а другія для пѣшеходовъ, засаженныя каштанами, кизиловыми и другими деревьями. Весь оврагъ скита покрытъ роскошной зеленью, среди которой виднѣются виноградники и табачныя плантаціи. На самой же вершинѣ скалъ ростутъ разныя породы можжевельника, грабъ и другія низкорослыя деревья, которыя издали кажутся мелкимъ кустарникомъ. Напротивъ монастыря, на отвѣсной скалѣ виднѣется крѣпость Чуфутъ Кале (т. е. жидовская крѣпость). Ее отдѣляетъ отъ Успенской скалы глубокій оврагъ, и съ балкона Успенской церкви видны только нагроможденные другъ на друга камни и скалы. Говорятъ, что когда въѣзжаешь въ этотъ городъ онъ поражаетъ своей оригинальностью, своими домиками и укрѣпленіями, висящими надъ пропастью, своими сильными, грозными стѣнами и массивными, желѣзными воротами, къ которымъ ведетъ одна только дорога, изсѣченная въ скалѣ. За Чуфутъ Кале, немного правѣе видна Іосафатова долина; это Караимское кладбище;

въ немъ есть, говорятъ очень древніе и интересные памятники въ археологическомъ отношеніи. Но съ балкона, на которомъ я стояла все сливалось въ одну чудную, безконечную цѣпь горъ неопредѣленнаго цвѣта и неясныхъ очертаній, изчезавшихъ въ дали, то покрытыхъ темно-сизой тѣнью, то облитыхъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Надо мной синѣло безоблачное небо, щебетали ласточки, летая около крыши балкона, а изъ алтаря вился тонкой струйкой ѳиміамъ кадильницы. Мнѣ ясно слышалось каждое слово священника, каждый возгласъ клира, но мысли мои были далеко. Около меня на колѣнахъ стояла женщина; опершись головой на перильца балкона она судорожно рыдала; бѣдно одѣтая, она однако не походила на обыкновенныхъ нищихъ; темный платокъ спустился на самый затылокъ и обнажилъ ея сѣдые волосы и правильный строгій профиль. Не знаю какое горе переживала она, но подъ впечатлѣніемъ окружающей меня природы и воспоминаній всего, что претерпѣлъ многострадальный, христіанскій Крымъ, мнѣ показалось, что здѣсь передо мной рыдаетъ, не гречанка нашихъ временъ, но одна изъ тѣхъ христіанскихъ женъ, пришедшая въ послѣдній разъ проститься съ своей святыней, съ этой священной скалой, гдѣ явилась ихъ Покровительница, гдѣ онѣ оставляли свои храмы, свои дома, прахъ дѣдовъ и родное небо, синее небо юга, для страны другой, имъ чуждой, въ которой ихъ ожидала жизнь спокойная, безъ горькихъ треволненій, но вдали отъ завѣтныхъ и дорогихъ береговъ Крыма. Обѣдня кончилась; женщина встала, перекрестилась и тихимъ, но твердымъ шагомъ подошла къ кресту; я шла за нею, мнѣ

хотѣлось вглядѣться хорошенько въ ея лицо и заговорить съ ней, но она вдругъ изчезла въ толпѣ. Архимандритъ пригласилъ насъ къ себѣ и когда мы вышли изъ церкви я ее уже нигдѣ не видала. Чай былъ приготовленъ въ натуральномъ гротѣ, въ самой скалѣ и несмотря на сильный жаръ въ немъ было не только прохладно, но даже сыро. Архимандритъ намъ разсказалъ, какъ происходило въ 1850 году возстановленіе Успенскаго скита и сообщилъ нѣсколько подробностей о его настоящемъ устройствѣ. Въ немъ теперь, кромѣ настоятеля, 7 монашествующихъ и 12 послушниковъ. Они содержатъ скитъ своими трудами и приношеніями богомольцевъ, которыхъ бываетъ довольно много лѣтомъ, въ праздничные дни. Особенное же стеченіе народа бываетъ 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы и наканунѣ этого дня. Не только всѣ христіане окружныхъ городовъ и селеній, но многіе изъ татаръ почитаютъ этотъ день и празднуютъ его наравнѣ съ христіанами. 14-ое число, съ 5-ти часовъ начинается всенощное бдѣніе; оно совершается близъ фонтана, на большомъ каменномъ столѣ передъ скалой, чтобы народъ могъ видѣть священнодѣйствіе и слышать пѣніе, такъ какъ церковь не можетъ вмѣстить и сотой доли молящихся. Богомольцы, густыми толпами, стоятъ на уступахъ и склонахъ горы; у всѣхъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, а на противоположныхъ скалахъ, со стороны Салачика, цыгане и татары зажигаютъ костры. Кругомъ ихъ живописными группами стоятъ татарскія жены въ своихъ бѣлыхъ чадрахъ, татарскія дѣвушки въ разукрашенныхъ, блистающихъ золотыми монетами, яркихъ шапочкахъ. Все пестро, все горитъ, въ этотъ

праздничный вечеръ, и огни на землѣ, и звѣзды на небѣ, и любовь въ сердцахъ людей. Говорятъ, что тотъ кто видѣлъ разъ эту картину, не забудетъ ее никогда и я очень жалѣю, что мнѣ не пришлось быть въ этотъ день въ Успенскомъ скиту. Простившись съ архимандритомъ, мы возвратились пѣшкомъ въ Бахчисарай, отдыхая нѣсколько разъ въ тѣни густыхъ деревъ около св. воротъ, въ самомъ городѣ, на большомъ камнѣ, лежащемъ очень кстати посреди самой дороги, невдалекѣ отъ русской церкви единственной во всемъ городѣ. Она мнѣ показалась снаружи довольно бѣдна, да и внутренность ея, по словамъ Васи, нашего вѣрнаго спутника, вполнѣ соотвѣтствуетъ ея наружности. Жаль, что въ городѣ, гдѣ считается 35 мечетей, только двѣ христіанскія церкви, одна греческая, а другая армянская. Караимы имѣютъ одну синагогу. Когда мы вернулись домой, обѣдъ былъ уже готовъ, а послѣ обѣда мы поспѣшили на вокзалъ и пріѣхали цѣлымъ часомъ ранѣе назначеннаго времени, такъ что намъ пришлось ждать довольно долго поѣзда, который не знаю почему запоздалъ. Наконецъ мы очутились въ вагонѣ, но не безъ труда. Хотя мы и получили билеты I кл., но насъ не пустили въ вагонъ; онъ исключительно былъ занятъ веселой компаніей желѣзно-дорожныхъ тузовъ, къ которымъ присоединились тузы жандармскаго міра. Все это общество, отобѣдавъ въ Симферополѣ, ѣхало веселиться и ужинать въ Севастополь и заняло всѣ мѣста I класса. Нечего было дѣлать. Съ большимъ трудомъ кондукторъ впихнулъ насъ въ отдѣленіе II класса, гдѣ было еще два мѣста свободныхъ. Я сѣла у окна, противъ бѣлокурой нѣмоч-

ки, потревоживъ ея многочисленныя мѣшечки и баульчики и большой картонъ, въ которомъ вѣроятно хранилась очень красивая шляпа, потому что о немъ она особенно безпокоилась и заботилась. Когда поѣздъ тронулся, какой то старый господинъ вошелъ въ вагонъ. До этого времени онъ стоялъ на тормазѣ и не видѣлъ нашего вторженія; его мѣсто вѣроятно было занято мной: онъ немного поморщился, что то пробормоталъ нѣмочкѣ оказавшейся его супругой и все время простоялъ за ея кресломъ. Она же добродушно улыбаясь кушала зеленыя груши, которыя онъ ей высыпалъ на колѣни въ большомъ количествѣ и предложила мнѣ одну изъ нихъ. Отъ груши я отказалась, но спросила откуда она ѣдетъ. Оказалось, что ея мужъ торгуетъ въ Симферополѣ, часто ѣздитъ въ Севастополь, и что она всегда ѣздитъ съ нимъ. Значитъ дорога была ей знакома, но она на все смотрѣла съ удивленіемъ и когда Д. М. показалъ мнѣ развалины Мангупа, которыя очень хорошо видны съ дороги, она внимательно слушала все что онъ говорилъ и потомъ при каждой скалѣ или темномъ утесѣ, съ чувствомъ говорила: Wieder eine Ruine! Mein Gott, wie schön!... Или Wie grossartig! Köstlich! И разныя восклицанія въ томъ же родѣ. Когда мы проѣзжали тунели, она всякій разъ пугалась и что то шептала; но какъ только выѣзжали изъ нихъ, сейчасъ же успокоивалась и принималась усердно за свои зеленыя груши. Развалины нѣкогда знаменитаго города Мангупа стоятъ на отдѣльномъ, довольно высокомъ утесѣ, въ 5-ти верстахъ отъ желѣзной дороги; но не смотря на это разстояніе на югѣ воздухъ такъ прозраченъ, что сохранившіеся остатки двухъэтажнаго дворца, или

замка очень хорошо видны съ дороги и издали можно ихъ принять за маленькую крѣпость, хотя вблизи видны одни фундаменты бывшаго города, съ его подземными ходами, пещерными жилищами, лѣстницами, еще довольно хорошо сохранившимися, крѣпостными стѣнами и башнями. Д. М. разсказывалъ намъ, что это было одно изъ самыхъ грозныхъ укрѣпленій Крыма, господствовавшее надъ всей окрестностію до самой Инкерманской крѣпости, отъ которой оно находилось въ 20 верстахъ. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что Мангупъ былъ столицей Готѳіи, другіе утверждаютъ, что онъ принадлежатъ греческимъ Князьямъ, родственникамъ Константинопольскихъ императоровъ. Извѣстно только, что владѣтелемъ этого города и приморской страны въ 15-мъ вѣкѣ былъ князь Мангупской Алексѣй и что другой князь Исайко предлагалъ свою дочь въ невѣсты сыну великаго Князя Іоанна Васильевича III, который поручилъ своему московскому послу разведать сколько тысячъ золотыхъ владѣтель Мангупа Исайко готовитъ въ приданое за своей дочерью. Въ послѣдствіи, когда татары завладѣли Мангупомъ, отъ богатаго города уцѣлѣлъ только одинъ княжескій дворецъ, въ которомъ Крымскіе ханы держали московскихъ пословъ, подвергая ихъ долгому и тягостному плѣну. Послѣдніе обитатели Мангупа были, какъ и въ Чуфутъ Кале караимы, занимавшіеся здѣсь выдѣлкою кожъ и оставившіе послѣ себя однѣ гробницы, которыя еще видны и теперь. Одинъ изъ Мангупскихъ князей Константинъ сопровождалъ Софію Палеологъ, когда она выходила замужъ за Іоанна III и потомъ оставшись въ Россіи принялъ монашество, подъ име-

немъ Кассіана, основалъ монастырь, при впаденіи рѣки Учьмы въ Волгу въ нынѣшней Ярославской губерніи и по смерти былъ причисленъ къ лику святыхъ. Слушая эти разсказы давнопрошедшей старины, мы незамѣтно доѣхали до послѣдняго туннеля. Бѣлокурая нѣмочка стала собираться; тщательно осмотрѣвъ внутренность своего дорогаго картона и приготовивъ всѣ свои мѣшочки, она простилась со мной, еще разъ сказавъ: wie schön diese Ruinen и вышла изъ вагона вслѣдъ за мужемъ, какъ только поѣздъ остановился. Мы послѣдовали ея примѣру и черезъ полчаса сидѣли въ своемъ номерѣ за самоваромъ, вполнѣ довольныя проведеннымъ нами днемъ и вспоминая съ удовольствіемъ о всемъ нами видѣнномъ въ эти немногіе часы.

На другой день я встала поздно; мнѣ нездоровилось и погода была не особенно пріятна; дулъ сильный восточный вѣтеръ, подымая облака известковой пыли, такой ѣдкой и тонкой, что только закрывшись густой вуалью, можно было защитить глаза и лицо. Платье на всѣхъ проходящихъ казалось сѣрое, деревья стояли покрытыя бѣловатой пылью, точно весь городъ былъ посыпанъ густымъ слоемъ пудры. Я рѣшилась не выходить весь день; но къ вечеру вѣтеръ стихъ и Д. М. предложилъ мнѣ съѣздить въ Георгіевскій монастырь. Мнѣ хотѣлось его осмотрѣть, а такъ какъ до моего отъѣзда изъ Севастополя уже оставалось немного времени, я охотно согласилась на его предложеніе. Мы взяли коляску и скоро покатили по главной улицѣ города въ направленіи къ Херсонессу. Пыль немного улеглась и можно было дышать не глотая ее вмѣстѣ съ воздухомъ. Но какъ только мы въѣхали въ поле, вѣ-

теръ сталъ дуть такъ сильно, что пронизывалъ меня насквозь, не смотря на ватеръпрувъ и пледъ, въ которые я плотно закуталась. Георгіевскій монастырь находится въ 12 верстахъ отъ Севастополя; дорога идетъ степью, направо сначала видна бухта, потомъ открытое море; на лѣвой сторонѣ въ туманѣ виднѣется конецъ горнаго хребта Яйлы. Въ этотъ день горы были покрыты тучами и вѣтеръ гналъ ихъ къ намъ на встрѣчу съ такой быстротой, что голубое небо юга вдругъ стало темносвинцоваго цвѣта и напомнило мнѣ наше московское небо, въ пасмурные дни холодной, неприглядной осени. Мы проѣхали мимо двухъ красивыхъ хуторковъ, вдали виднѣлись домики, разбросанные по степи далеко одинъ отъ другаго; налѣво зеленѣло англійское кладбище, немного подальше французское; вообще картина всей этой мѣстности имѣла отпечатокъ грусти и раззоренія, который довершали сѣрыя, густыя облака, нависшія надъ нашими головами. Ямщикъ нашъ, отставной солдатъ, былъ въ военной службѣ во время Севастопольской осады и довольно угрюмо указывалъ намъ кнутомъ на замѣчательныя мѣста: вотъ тутъ стояли французы, тутъ англичане; тутъ былъ ихъ городъ Камышъ, тутъ ихъ бульваръ, тутъ лавки, магазины, театръ; у нихъ можно было все себѣ добыть, особенно было много вина и рома и когда они уѣхали, все побросали; можно и теперь еще достать у винныхъ торговцевъ вино и хорошій ромъ, оставленные французами. Турокъ у нихъ ничего не воевалъ, продолжалъ разсказывать ямщикъ, воевали французы и англичане, а Турокъ перевозилъ тяжести, строилъ желѣзную дорогу до самой Балаклавы, ставилъ ба-

раки, лавки.... А прежде, до войны, какіе тутъ были сады, виноградники, вздохнувъ, прибавилъ онъ; все вырубили и пожгли; вѣстимо нужно же имъ было топить. А теперь, что тутъ? пустыня!... И справедливы были его слова. Настоящей пустыней показались мнѣ всѣ эти 12 верстъ, пустыней орошенной русской кровью и русскими слезами, усѣянной не только русскими могилами, но и могилами нашихъ враговъ, оставившихъ здѣсь своихъ лучшихъ сыновъ въ борьбѣ недостойной представителей христіанской, цивилизованной Европы. Но вотъ мы у воротъ монастыря. Снаружи видъ его очень обыкновененъ; каменная невысокая ограда, за ней церковь подновленная, не сохранившая древняго стиля, келіи монаховъ, монастырская гостинница. Я уже внутренно спрашивала себя, что же тутъ замѣчательнаго? Но вдругъ Д. М. отворяетъ калитку въ концѣ той дорожки, по которой мы шли, переступивъ за монастырскую ограду. Эта калитка устроена въ стѣнѣ и отъ нея идетъ внизъ крутая, каменная лѣстница. Вся увитая плющемъ, виноградомъ, пахучими цвѣтами ежевики, огромными бѣлыми колокольчиками вьюна и павилики, она высѣчена въ скалѣ и нѣсколькими уступами и террасами спускается до самаго моря. Съ верхней площадки видъ восхитителенъ, передъ глазами нескончаемой пеленой разстилается Черное море; направо отвѣсными стѣнами, самыхъ причудливыхъ формъ, возвышаются черныя, базальтовыя скалы, о которыя съ шумомъ и плескомъ постоянно разбиваются сердитыя волны. Въ этотъ вечеръ море отражало пасмурное небо и казалось мрачнымъ, но когда оно блеститъ подъ лучами солнца картина должна быть

очаровательна. Дойдя до самаго моря, я долго не могла оторваться отъ этого поражающаго зрѣлища. Подо мной бурлило и волновалось море; надо мной, словно висѣлъ на воздухѣ, надъ громадной пропастью, весь монастырь, съ его зелеными садами, многочисленными постройками, бѣлой оградой и церковью. Все это казалось не дѣломъ рукъ человѣческихъ, а затѣйливой игрушкой какого нибудь великана, брошенной имъ небрежно на эти темныя базальтовыя скалы, на эти утесы-гиганты, взгроможденные другъ на друга на третій день сотворенія міра и неизмѣнившіеся съ тѣхъ поръ. За этими скалами направо, ближе къ Херсонессу вдается въ море мысъ Фіолентъ, съ которымъ соединено воспоминаніе о храмѣ Діаны Таврической. Впрочемъ нѣкоторые ученые утверждаютъ, что онъ находился на Аю Дагѣ, другіе ищутъ его на мысѣ Ай Бурунъ и на мысѣ Херсонесскомъ. Но здѣсь у подножія монастыря, тамъ гдѣ берегъ образуетъ естественную пристань, были найдены пьедесталы нѣсколькихъ колоннъ, что даетъ право предполагать, что здѣсь именно находился прославленный въ древности храмъ „Ифигеніи въ Тавридѣ“ и что мысъ Фіолентъ назывался Парѳеніонъ т. е. мысъ Дѣвы.

Георгіевскій монастырь былъ устроенъ Греками, жителями Херсонесса, въ первые вѣка христіанства; онъ долго служилъ оплотомъ христіанству, но въ 16-мъ вѣкѣ вліяніе его на христіанъ стало уменьшаться; грабежи татаръ часто его раззоряли до основанія и къ концу 17-го столѣтія онъ пришелъ въ совершенный упадокъ, и центромъ всего христіанства къ Крыму сталъ Успенскій Бахчисарайскій скитъ. Въ своемъ настоя-

щемъ видѣ Георгіевскій монастырь былъ возобновленъ позднѣе вмѣстѣ съ другими древними монастырями Крыма, и во время осады Севастополя, французы въ одну прекрасную ночь высадились на берегъ, вошли въ монастырь со стороны моря и когда монахи встали, чтобъ идти къ утрени, ихъ удивленіе было велико, при видѣ этихъ незванныхъ гостей, тѣмъ болѣе, что они были вполнѣ увѣрены, что высадиться на ихъ неприступный берегъ было немыслимо. Французы доказали имъ противное. Здѣсь жилъ ихъ главнокомандующій Пелисье и былъ устроенъ лазаретъ для больныхъ. Многіе изъ монаховъ оставили обитель, но тѣмъ, которые остались, французы не препятствовали совершать богослуженіе и относились къ нимъ сочувственно. Монастырь мнѣ показался хорошо содержимъ и довольно богатъ. Осмотрѣвъ церковь, гдѣ похоронено нѣсколько извѣстныхъ лицъ, мы поспѣшили вернуться къ нашей коляскѣ и отправиться въ обратный путь, боясь дождя, который намъ угрожалъ со всѣхъ сторонъ.

Изъ Севастополя до Артека.

Мы прожили въ Севастополѣ болѣе недѣли, пора было съ нимъ разстаться. 31 іюля въ 4-мъ часу дня, отправивъ предварительно на пароходѣ мой тяжелый чемоданъ, мы собрались на легкѣ ночевать въ Байдары, желая проѣхать черезъ Байдарскія ворота, во время солнечнаго восхода, Коляску я наняла отъ Севастополя до Ялты за 30 руб., съ условіемъ ночевать въ Байдарахъ и по пути заѣхать въ Алупку, Оріанду и Ливадію. Д. М. поѣхалъ съ нами до Ялты. Выѣхавъ

изъ Севастополя по дорогѣ, которая ведетъ въ Георгіевскій монастырь, мы на пути осмотрѣли кладбище французовъ, падшихъ подъ Севастополемъ. Оно довольно обширно, обнесено высокой каменной оградой и засажено множествомъ разнородныхъ деревьевъ; дорожки содержатся довольно чисто и окаймлены цвѣтами. Весной, когда все это цвѣтетъ и благоухаетъ тутъ должно быть хорошо, но во время моей поѣздки нѣкоторые цвѣты не только отцвѣтали, но даже засохли, а большая часть фруктовыхъ деревьевъ замерзла прошедшей зимой. Инвалидъ сторожъ, французъ жаловался намъ, что республика мало отпускаетъ денегъ на содержаніе кладбища, не такъ какъ во время имперіи и что ему одному трудно поливать цвѣты, чистить дорожки, обрубать сушь. Онъ насъ подводилъ къ бѣлымъ, каменнымъ часовнямъ, вмѣщающимъ въ себѣ кости убитыхъ. Эти часовенки были всѣ выстроены на одинъ манеръ, четырехъ угольныя, съ надписью на каждой: corps des Sapeurs; 2-ième brigade de l'artillerie; 5-ème régiment d'infanterie и пр. На самой большой въ серединѣ кладбища значилось, что тутъ похоронены генералы, на другой поменьше, доктора. Сторожъ отперъ намъ одну изъ этихъ часовенъ и мнѣ показалось, что мы вошли въ колодезь, или въ погребъ; въ стѣнахъ, увѣрялъ онъ, находятся кости офицеровъ; внизу подъ землей кости солдатъ каждаго полка, или дивизіи, особо. Меня это распредѣленіе очень удивило; трудно предположить, чтобъ можно было такъ вѣрно разузнать по тѣламъ павшихъ къ какому полку они принадлежали. Да и хорошо ли это? неужели и послѣ смерти нужно разлучать тѣхъ, которыхъ она навсегда

соединила, только потому, что одинъ изъ нихъ солдатъ, а другой генералъ. Устройство братскихъ могилъ на русскомъ кладбищѣ мнѣ гораздо больше нравится. Но сторожъ французъ восхищался устройствомъ своихъ, не то бесѣдокъ, не то колодцевъ, надъ которыми впрочемъ были поставлены кресты и сожалѣлъ объ одномъ, что французы теперь рѣже стали навѣщать это кладбище. Первые же года, говорилъ онъ, не было почти дня безъ посѣтителей и со всѣхъ концовъ Франціи посылались родственниками убитыхъ большія суммы для поддержанія на чужбинѣ дорогихъ имъ могилъ. Простившись съ словоохотливымъ французомъ, мы сѣли въ коляску и продолжали нашъ путь въ Байдары. Балаклава осталась у насъ вправо; съ дороги издали видны красноватые утесы, на которыхъ возвышаются древнія, крѣпостныя башни и бѣлые домики города, расположенные у подножія отвѣсныхъ скалъ, около самой бухты, болѣе похожей на глубокое, синее озеро, нежели на морской рукавъ. Теперь осматривать въ Балаклавѣ нечего, кромѣ остатковъ древней крѣпости на ея утесахъ. Но въ древности, этотъ маленькій городокъ, въ которомъ теперь только 800 жителей, былъ извѣстенъ подъ именемъ порта Символонъ, и даже Гомеръ въ Одиссеѣ описываетъ его очень подробно, посылая Улисса къ берегамъ Понта-Эвскинскаго, въ страну Тавровъ, которыхъ онъ называетъ Лестригонами т. е. морскими разбойниками. По позднѣйшимъ, историческимъ свѣдѣніямъ Балаклава была населена греками и принадлежала греческимъ, Мангупскимъ Князьямъ, которые за нее воевали съ Генуэзцами; послѣдніе отняли Балаклаву у Грековъ и изъ Симво-

лона сдѣлали грозную военную крѣпость Чембало, учредили въ ней отдѣльное управленіе и католическую епископію. Въ 15-мъ вѣкѣ Чембало подвергалось участи всѣхъ генуэзскихъ владѣній въ Крыму, оно перешло во власть турокъ и татаръ, которые владѣли имъ до тѣхъ поръ, пока Крымъ былъ взятъ нами и Балаклава населена архипелажскими Греками, составляющими при Екатеринѣ II такъ называемый балаклавскій греческій батальонъ. Потомки этихъ балаклавцевъ населяютъ городъ и теперь. Они же въ 1854 году защищали его отъ цѣлой арміи англичанъ, подступившихъ къ Балаклавѣ, чтобы занять ее; но конечно горсть героевъ не могла остановить цѣлую армію; городъ былъ взятъ и англичане помѣстили въ его удобномъ портѣ весь свой флотъ, а Балаклаву превратили въ англійскій городъ, съ фабриками, мастерскими, желѣзной дорогой, телеграфомъ, лавками, трактирами и магазинами. Мы ѣхали по шоссированной дорогѣ, называемой „Воронцовской". Направо разстилались зеленыя долины, въ которыхъ изрѣдка виднѣлись греческія деревни: Кадыкой, Камары, Чаргунъ и другія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были христіанскія церкви, въ другихъ церковь и мечеть, что конечно означало населеніе смѣшанное изъ грековъ и татаръ.—Налѣво отъ дороги возвышались: Сапунъ гора, Федюхины высоты, Чоргунскія и Мекензіева гора. Всѣ эти мѣстности прославлены со временъ Крымской войны. Около самой дороги, въ Балаклавской долинѣ, стоитъ памятникъ, имѣющій видъ усѣченной пирамиды, поставленный здѣсь англичанами, съ слѣдующей надписью на русскомъ и англійскомъ языкахъ: На память тѣмъ,

которые пали въ Балаклавскомъ сраженіи 13 (25) Октября 1854 года. Нашъ ямщикъ, тотъ самый отставной солдатъ, который насъ возилъ въ Георгіевскій монастырь, утверждалъ что этотъ памятникъ, поставленъ генералу Реаду, убитому невдалекѣ отъ знаменитаго Трактирнаго Моста, на Черной рѣчкѣ, у Екатерининской мили *), около которой онъ стоялъ когда скомандовалъ атаку. Ямщикъ увѣрялъ еще, что памятникъ былъ ему поставленъ союзниками и что они пировали три дня и три ночи, когда узнали, что ихъ храбрый и неподкупный противникъ убитъ.

Первая почтовая станція отъ Севастополя до Байдаръ, *Четалъ Кая*; она лежитъ уже въ болѣе лѣсистой мѣстности, характеръ степи изчезаетъ, изчезаютъ также миріады маленькихъ, раковидныхъ улитокъ, которыми усѣяны всѣ сухія былинки на поляхъ около Севастополя, Инкермана, Бахчисарая и Балаклавы. Сначала я ихъ приняла за сѣмена полевыхъ, засохшихъ цвѣтовъ, но когда я взяла ихъ въ руки, то увидала, что въ нихъ живутъ улитки. Онѣ очень красивы, имѣютъ видъ спирали и цвѣтъ бѣлаго фарфора; въ Севастополѣ я положила нѣсколько изъ нихъ на столъ и въ ту же ночь онѣ разбѣжались по окнамъ и прильнули къ кисейнымъ занавѣскамъ и къ склянкѣ одеколона, стоявшей на другомъ столикѣ. Особенныхъ красотъ въ Байдарской долинѣ я не нашла; большихъ горъ еще невидать, а дорога идетъ по пригоркамъ, покрытымъ кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. Конечно встрѣчались мѣста, достойныя кисти художника, но я ждала чего-

*) Такъ называются каменные столбы въ Крыму, поставленные въ память путешествія Екатерины II.

то необычнаго отъ этой Байдарской долины, прославленной путешественниками и можетъ быть именно поэтому она и не оправдала моихъ ожиданій, хотя мы проѣзжали ее въ благопріятный моментъ захожденія солнца, когда и самый обыкновенный пейзажъ кажется прелестнымъ. Помню однако одну мѣстность сходную съ картинами Каламо. Дорога шла косогоромъ, около темной скалы, на которую падали послѣдніе лучи солнца, внизу съ другой стороны шумѣлъ, пѣнясь горный ручей, а надъ нимъ террасами возвышались какіе-то, то лиловые, то темнокрасные утесы, раздѣленные полосами свѣжей зелени молодыхъ кустовъ. Почти вся Байдарская долина принадлежитъ графу Мордвинову. Въ пяти верстахъ отъ Байдарскихъ воротъ и отъ станціи того же имени, стоитъ большая, татарская деревня Байдары. Въ ней три маленькія гостинницы, и когда мы въѣхали въ деревню мы не знали, которой отдать предпочтеніе, такъ онѣ всѣ казались привлекательны, съ ихъ воздушными балкончиками и галлереями, обвитыми плющемъ, и другими цвѣтущими, вьющимися растеніями. Мы выбрали послѣднюю на правой сторонѣ отъ дороги и взяли себѣ два номера т. е. двѣ маленькія, низенькія комнатки, не представлявшія никакихъ удобствъ, но въ нихъ можно было дождаться слѣдующаго утра. На улицу выходилъ длинный балконъ; намъ принесли самоваръ, засвѣтили въ висячемъ фонарѣ керасиновую лампу и нужно было немного усилій воображенія, чтобы перенестись въ тотъ волшебный міръ, который меня ожидалъ на завтра. Наконецъ, думала я, увижу южный берегъ съ его величественнымъ моремъ, съ его утесами и неприступными скалами, съ его вели-

колѣпными садами, роскошными дворцами и цвѣтниками, съ его теплымъ, синимъ небомъ. Найду ли я все то, что мнѣ сулитъ теперь воображеніе, или дѣйствительность окажется ниже того, что мнѣ говорили, что я читала объ этой части Крыма. Мои размышленія были прерваны знакомымъ крикомъ. Опять муэззинъ призывалъ татаръ на молитву: въ сосѣдней мечети зажглись огоньки и татары всѣхъ возрастовъ поспѣшили на зовъ своего муэззина. Мимо нашего балкона ихъ прошло очень много. Д. М. предложилъ мнѣ послѣдовать за ними; но ночь была очень темна, несмотря на безчисленныя звѣзды, и хотя до мечети было недалеко я предпочла остаться на балконѣ и наслаждаться чаемъ. Вечеръ былъ очень свѣжъ и нельзя было подумать, что мы въ Крыму и что завтра только 1-ое Августа. Ночь я провела почти безъ сна; въ комнатѣ было очень душно, а открыть окошко было опасно; воздухъ былъ не только холоденъ, но и сыръ, что я приписывала близкому сосѣдству горъ. Только что стало разсвѣтать, мы велѣли закладывать лошадей и до восхожденія солнца, закутанныя во всевозможныя шали и пледы, уже подымались маленькой рысью на горы постепенно становившіяся все выше и выше, все грознѣе и грознѣе. Моря уже не видать было съ самой Балаклавы, но близость его чувствовалась въ воздухѣ, въ какихъ то безпричинныхъ порывахъ вѣтра внезапно насъ пронизывавшихъ. Около насъ лѣсъ становился гуще и таинственнѣе. Уже виденъ домикъ Байдарской станціи; онъ весь потонулъ въ зелени; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоятъ каменныя ворота, похожія на тріумфальную арку; онѣ высѣчены въ горѣ и обложены камнемъ; въ стѣнахъ

ихъ устроено помѣщеніе для сторожей. Мы проѣхали черезъ нихъ и очутились на площадкѣ, надъ самымъ моремъ. Ямщикъ осадилъ лошадей и предложилъ намъ выйдти изъ коляски, чтобы взобравшись на сосѣднія скалы, осмотрѣть окрестность. Картина представившаяся такъ неожиданно нашимъ взорамъ была такъ прекрасна и величественна, что оторваться отъ этого зрѣлища мы не могли. У ногъ нашихъ разстилась глубокая, совершенно отвѣсная пропасть, поросшая лѣсами и на днѣ этой пропасти, неподвижной и безконечной пеленой, лежало Черное Море. Оно казалось свинцовымъ; ни малѣйшей зыби въ немъ не было замѣтно съ той высоты, гдѣ мы стояли и трудно было въ этой застывшей водяной массѣ узнать то голубое, изумрудное, перламутровое, вѣчно движущееся и вѣчно мѣняющееся море, на которое я привыкла глядѣть въ Евпаторіи и въ Севастополѣ. До самаго моря шоссе, обнесенное мѣстами стѣнками и каменными перилами, извивалось по всей пропасти безчисленными полукружіями, вилось бѣлой лентой въ густотѣ лѣсовъ и изчезало въ туманной дали, посреди яркой зелени виноградниковъ, теряясь въ далекомъ, сѣдомъ морѣ. Стоя около Байдарскихъ воротъ, мнѣ казалось невозможнымъ спуститься съ этой высоты безъ замиранія сердца и тайнаго страха, но когда мы тронулись, страхъ изчезъ мгновенно; шоссе такъ прекрасно устроено, что покатость едва замѣтна. Этотъ спускъ напоминалъ мнѣ спускъ къ Млетамъ на Кавказѣ по Военно-Грузинской дорогѣ. Шоссе и тамъ, на протяженіи 15 верстъ идетъ по Гудъ-горѣ безконечными извилинами и мѣсто откуда вы выѣхали на вершинѣ горы виситъ прямо надъ вашей головой, когда

вы достигаете ея подошвы. Тамъ горы выше и покрыты снѣгомъ, но за то здѣсь онѣ живописнѣе и съ одной стороны ихъ окаймляетъ море. Отъѣхавъ версты три отъ Байдарскихъ воротъ, тамъ гдѣ горный хребетъ Яйлы, по своей непреступной громадности, было невозможно обогнуть, пробитъ въ скалѣ подземный проходъ. Этотъ тунель имѣетъ сажень 20-ть въ длину, довольно широкъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ окружающей мѣстности и грознымъ скаламъ нагроможденнымъ въ хаотическомъ безпорядкѣ отъ самой вершины Яйлы до ея подножія. Скалы здѣсь изображаютъ собой дикія, фантастическія фигуры, а груды камней, висящія надъ пропастью, вдаются въ море и образуютъ углубленія, съ небольшими заливами. Между ними зеленѣютъ сады и виноградники, принадлежащіе дачамъ, построеннымъ по склонамъ горъ и у самаго морскаго берега; онѣ кажутся оазами посреди разбросанныхъ и скатившихся съ горнаго хребта громадныхъ камней и скалъ. Одна изъ этихъ скалъ произвела на меня непріятное впечатлѣніе; въ видѣ гигантскаго столба она стоитъ у самой дороги и проѣзжая у ея подножія съ невольнымъ ужасомъ смотришь на огромные обломки, лежащіе въ двухъ шагахъ отъ шоссе. За этимъ гигантомъ высятся еще нѣсколько базальтовыхъ столбовъ, съ плоскими вершинами; около нихъ почва кажется безплодною и вообще вся эта мѣстность имѣетъ характеръ разрушенія и переноситъ мысль въ эпоху геологическаго переворота, оставившаго и до сихъ поръ слѣды страшнаго безпорядка въ этомъ углубленіи, окруженномъ съ двухъ сторонъ огромными скалами, совершенно голыми, и утесами изумительной величины, изъ которыхъ нѣко-

торые на половину погрузились въ волны. Одинъ изъ этихъ утесовъ, самый большой, вдается въ море большимъ мысомъ; на немъ видны развалины древней крѣпости, и стѣны циклопической постройки. Тутъ же возвышается мысъ Айя-Бурунъ самый замѣчательный во всемъ Крыму, по своей громадности; онъ подымается надъ волнами почти на 2000 футовъ и видѣнъ съ моря на очень далекомъ разстояніи; въ древности на немъ былъ, какъ предполагаютъ, маякъ и языческій храмъ, смѣненный церковью во времена христіанства. Море съ каждымъ годомъ все больше размываетъ мысъ Айя-Бурунъ (святой мысъ) и остатки древнихъ построекъ все болѣе и болѣе разрушаются и скоро совершенно исчезнутъ, поглощенныя волнами, здѣсь сердитаго и вѣчно бушующаго моря. Около самаго Айя-Буруна заливъ Ласпи, изобилующій рыбою; онъ хорошо защищенъ горами и можетъ вмѣщать большое количество судовъ, такъ какъ море здѣсь глубоко и подводныхъ камней почти нѣтъ нигдѣ. Въ Ласпи разводятся лучшіе сорты винограда и фруктовые сады; это здоровая и живописная мѣстность, теперь пустынная, но густо населенная въ глубокой древности. Здѣсь во всемъ прибрежномъ склонѣ еще находятъ и теперь слѣды циклопическихъ построекъ, пещеръ и развалинъ греческаго города, съ древнимъ кладбищемъ и монастыремъ Св. Иліи, именемъ котораго называется и вся гора. Въ настоящее время Ласпи недоступенъ большей части путешественниковъ; какъ Форосъ, Мшатка, Мухалатка и прочія прибрежныя мѣста его окружающія, жители его не имѣютъ средствъ провести дорогу на верхъ къ почтовому тракту и Ласпи имѣетъ съ Севастополемъ, отъ котораго онъ такъ близко,

одно только пароходное сообщеніе. Всѣ эти мѣстности видны довольно ясно съ шоссейной дороги, но спуститься къ нимъ невозможно; надо довольствоваться тѣмъ, что видитъ глазъ, на такомъ далекомъ разстояніи и тѣмъ, что разсказываетъ намъ нашъ словоохотливый ямщикъ. Не обращая вниманія на безпрестанныя спуски и подъемы дороги, онъ ѣдетъ ровной рысью на своей хорошо съѣзженной тройкѣ и указываетъ намъ кнутомъ то на право, то на лѣво. Вотъ дорожка на Чертову лѣстницу, показываетъ онъ на исчезающую въ лѣсу, чуть замѣтную тропинку, съ лѣвой стороны почтоваго тракта. Она ведетъ на знаменитую Шайтанъ-Мердевенъ (т. е. Чертова лѣстница) сохранившую у мѣстныхъ Грековъ свое средневѣковое, итальянское названіе Scala. Эта каменная лѣстница пробита въ скалѣ, и идетъ широкими, каменными ступенями къ низу, между двумя отвѣсными скалами, похожими на громадныя стѣны. Отъ времени и стока воды нѣкоторыя ступени попортились и во многихъ мѣстахъ, ихъ, или совсѣмъ не существуетъ, или онѣ замѣнены отрубками деревъ; лѣстница имѣетъ 40 поворотовъ, очень крутыхъ, стоящихъ этажами другъ надъ другомъ и около 1000 шаговъ въ длину. Спускаться по ней, говорятъ, легче чѣмъ подыматься; не смотря на отвѣсное положеніе скалы, подымаются на нее всегда верхомъ, а спускаются пѣшкомъ. До устройства шоссе и байдарскаго перевала, Мердевенъ служилъ главнымъ путемъ для переѣзда черезъ горы и имъ вѣроятно пользовались всѣ народы, жившіе въ горной части Крыма, такъ какъ эта гигантская работа очевидно принадлежитъ самымъ древнимъ обитателямъ Тавриды. Въ виду Мердевена, съ правой

стороны, въ одномъ изъ углубленій, обрамленномъ грозными утесами около самаго моря, расположено красивое, но заброшенное имѣніе г. Демидова *Кастропуло*. Въ древности здѣсь были греческія богатыя селенія и до настоящаго времени въ горахъ находятся древнія пещеры и остатки гробницъ, кирпичей и черепковъ старой глиняной посуды. Тутъ же стояло тому назадъ сто лѣтъ богатое селеніе *Кикинеизъ*, бывшій греческій городъ, извѣстный въ XV вѣкѣ подъ именемъ *Кинсанусъ*. Это селеніе пострадало въ 1786 году отъ страшнаго обвала; почти всѣ строенія, греческая церковь, мельницы, виноградники и сады, устроенные на шиферной, глинистой почвѣ, постоянно размываемой подземной водой, стекающей изъ бассейновъ Яйлы, вдругъ скатились въ море; жители спаслись всѣ, но отъ богатаго селенія осталось только незначительная часть, гдѣ теперь деревня Кикинеизъ и нѣсколько домовъ въ деревушкѣ Кучукъ-Кой, вблизи отъ Кикинеиза, на берегу моря.

Кикинеизъ, первое южно-бережское татарское селеніе, расположенное на шоссе. Въ немъ поражаютъ плоскія кровли на домахъ, похожія на террасы; татарки сушатъ на нихъ табакъ, орѣхи, лукъ, чеснокъ и прочія произведенія своихъ садовъ и огородовъ, а во время праздниковъ танцуютъ на нихъ, для утаптыванія земли и для сбереженія чистоты во внутренности жилищъ, куда онѣ всегда входятъ босыя, оставивъ въ сѣняхъ свои чарыки (обувь изъ воловьей кожи). Въ Кикинеизѣ почтовая станція. Мы тутъ остановились, чтобы напиться чаю. Намъ подали самоваръ на длинномъ, открытомъ балконѣ, съ видомъ на море. Станція построена на до-

вольно крутомъ обрывѣ; она окружена со всѣхъ сторонъ татарскими саклями, разбросанными по склону горы въ живописномъ безпорядкѣ; кругомъ ихъ видны ямы, пропасти, клочки черной, размокшей земли, отъ избытка водъ съ Яйлы, идущихъ подъ землей внизъ къ морю. Весь берегъ не ровенъ, мѣстами покрытый кустарниками и низкорослыми деревьями; травы и луговъ совсѣмъ не видно, но въ углубленіи деревни ростутъ лавры, кипарисы, фруктовыя деревья. Они защищены горами отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, которые здѣсь очень чувствительны, вслѣдствіе высокаго положенія всей мѣстности. При взглядѣ на Кикинеизъ и его окрестности нельзя себѣ представить чѣмъ живетъ здѣсь цѣлое населеніе, чѣмъ кормитъ скотъ и лошадей, которыхъ у здѣшнихъ татаръ большое изобиліе. Между тѣмъ, говорятъ, что поселяне не терпятъ нужды. Скотъ ихъ кормится во всю зиму кустарниками и листьями, которые они отыскиваютъ въ горахъ, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ селеній, а жители сѣютъ пшеницу и другой зерновой хлѣбъ и отправляются на поденныя работы по садамъ и дачамъ южнаго берега. Виноградниками они не занимаются, принимая буквально законъ Магомета, запрещающій своимъ послѣдователямъ употребленіе винограднаго сока, хотя южно-бережскіе татары не вездѣ держаться этого правила и не только воздѣлываютъ виноградъ, въ большомъ количествѣ, но даже сами дѣлаютъ изъ него вино. За Кикинеизомъ, въ виду Лимены, прекращаются обнаженныя скалы, террасы, выступы, конусообразные утесы; каменная масса Яйлы удаляется отъ дороги и все болѣе и болѣе покрывается растительностью; горы.

опушенныя соснами и другими зелеными, большими деревьями спускаются къ морю и представляютъ прелестную картину своей богатой растительностью, изобиліемъ водъ и роскошнымъ устройствомъ дачъ. Лимена расположена внѣ почтоваго тракта; поэтому трудно себѣ составить о ней вѣрное понятіе. Но тѣ, которые знакомы съ этой мѣстностью говорятъ, что своей живописностью она можетъ поспорить съ лучшими мѣстами южнаго берега и что растительность ея чрезвычайно разнообразна и богата. Табакъ, грецкіе орѣхи, гранаты, кипарисы, масличныя деревья, всевозможные сорты яблокъ, и грушъ, а особенно виноградъ ростутъ здѣсь великолѣпно, и разбросаны оазами посреди дикихъ скалъ, хранящихъ до сихъ поръ слѣды древнихъ укрѣпленій; въ томъ числѣ на большомъ утесѣ, выдающемся далеко въ море, замѣтны остатки крѣпости, принадлежащей къ самымъ отдаленнымъ временамъ исторіи и представляющей много любопытнаго въ археологическомъ отношеніи, а въ саду одной изъ дачъ Нижней Лимены видны остатки греческой церкви и открыто очень древнее и любопытное кладбище. Интересно было бы здѣсь произвести раскопки; онѣ могли бы разъяснить какой народъ жилъ, въ древности, въ этой мѣстности и чьи потомки нынѣшніе Лименскіе и большая часть южно-бережскихъ татаръ;-грековъ ли, или древнѣйшихъ обитателей Тавриды—Тавровъ. Извѣстно, что татары при вторженіи своемъ въ Крымскій полуостровъ, застали на южномъ берегу особенный народъ, который назвали Татами; да и теперь внутри Крыма степные и городскіе татары называютъ южнобережскихъ мусульманъ этимъ именемъ. Не можетъ

быть, чтобы татары давали это названіе грекамъ, которыхъ было много во внутренности ихъ новыхъ владѣній, напримѣръ въ Херсонессѣ и другихъ городахъ и которые имъ были слишкомъ хорошо извѣстны подъ именемъ грековъ. Названіе же Татовъ вѣроятно было ими дано другому народу полуострова,—именно предкамъ нынѣшнихъ обитателей южнаго берега, которые отличаются отъ прочихъ татаръ, не только типомъ лица, имѣющимъ болѣе сходства съ черкесами, чѣмъ съ греками, но и протяжной, пѣвучей рѣчью, въ которой до сихъ поръ встрѣчаются слова, происходящія отъ ассирійскаго языка, напримѣръ слово *тау* (гора). На кавказѣ есть названіе горы Бешъ-тау и въ Крыму Палатъ-гору называютъ обитатели подошвы ея Чатыръ-тау.

Теперь въ Лименахъ нѣсколько очень красивыхъ дачъ. Одна изъ нихъ „Нижняя Лимена“ принадлежитъ г. Филиберту; а между этимъ превосходно устроеннымъ имѣніемъ и моремъ, въ котловинѣ хорошо защищенной горами и богатой растительностью и водою, на дачахъ Гг. Смѣловыхъ (мужа и жены) устроенъ пансіонъ для путешествующихъ, по образцу швейцарскихъ пансіоновъ, въ которомъ можно найти за довольно умѣренныя цѣны, удобное помѣщеніе, хорошее морское купанье, лѣченіе виноградомъ и самыя благопріятныя климатическія условія. Въ этомъ мѣстѣ шоссе подымается такъ высоко, что можно разсмотрѣть, со всѣми подробностями имѣніе г. Мальцова *Симеизъ*, съ его прекраснымъ паркомъ, нѣсколькими красивыми домиками и однимъ большимъ домомъ, называемымъ туземцами „Стекляннымъ дворцомъ.“ Яйла снова появляется, но уже довольно далеко отъ морскаго берега, версты на четыре

и отвѣсные пласты ея не такъ высоки и всѣ покрыты густой зеленью. Между тѣмъ на дорогѣ, у самаго шоссе, все чаще и чаще попадаются источники и фонтаны. Становится жарко, нашъ ямщикъ подъѣзжаетъ къ нимъ и поитъ свою неутомимую тройку; около дороги растутъ: орѣшники, арбутусы, эти странныя деревья юга, лѣтомъ со стволомъ гладкимъ и бѣлымъ какъ изъ полированной кости, зимой покрытыя красной, тонкой корой; ихъ зелень довольно густа и издаетъ какой-то особенный. пріятный запахъ. По склонамъ близъ дороги разстилаются плющи, лозы дикаго винограда, ежевика съ кистями бѣлыхъ, пахучихъ цвѣтовъ, кусты дикихъ розъ и многое множество ползучихъ, ароматическихъ травъ. Все это блеститъ и рдѣетъ подъ лучами горячаго солнца, жадно поглощающаго съ каждаго листочка слѣды утренней росы; все это живетъ невидимой жизнью миріадъ насѣкомыхъ, населяющихъ эти воздушные, зеленые замки. Въ это время года, на южномъ берегу Крыма птицъ мало; въ августѣ онѣ еще не возвращаются съ сѣвера на югъ, но ихъ замѣняютъ кузнечики; они распѣваютъ такъ громко и на всѣ лады, что сначала трескотня ихъ крыльевъ, положительно оглушаетъ непривычное ухо, но потомъ оно свыкается съ этими мѣрными, быстрыми, отрывистыми звуками и послѣ дождливыхъ дней, когда кузнечики и стрекозы умолкаютъ, чего-то недостаетъ въ общемъ впечатлѣніи жаркаго, крымскаго утра. Въ этотъ день незримые пѣвцы особенно отличались; они выдѣлывали всевозможныя трели и въ шумѣ ихъ крыльевъ слышались такія трепетанья радости, такіе веселые, счастливые звуки, природа кругомъ такъ ликовала и улыбалась, что становилось легко и весело и

человѣческому сердцу; оно переполнялось избыткомъ счастья и жизни; все казалось такъ празднично, такъ мирно, такъ безконечно счастливо въ это незабвенное, очаровательное утро. Мы подъѣзжали къ Алупкѣ, имѣніе кн. Воронцова; меня радовала мысль, что наконецъ мы спустимся въ эти волшебныя долины у берега моря, которыми, до сихъ поръ, я только любовалась изъ далека. Спускъ въ Алупку съ шоссе очень живописенъ; онъ идетъ мимо татарской деревни, расположенной амфитеатромъ, по склону горы; дорога вьется между красивыми саклями очень зажиточныхъ жителей Алупки и ихъ роскошными садами. Изъ-подъ утесовъ, почти на каждомъ шагу вытекаютъ горные ручьи, омывающіе сады и виноградники и стекающіе въ море подъ разными названіями, въ которыхъ слышатся чисто греческія слова: Кротирій, Ставосъ, Каропундо. Лавры, гранаты, кипарисы возвышаются среди разметанныхъ осколковъ скалъ и порфировыхъ утесовъ и указываютъ на древнюю населенность и обработанность этихъ мѣстъ, нѣкогда обитаемыхъ греками, а въ послѣдствіи генуэзцами, отъ которыхъ Алупка и получила названіе Lupico, встрѣчающееся довольно часто въ генуэзскихъ документахъ. Надъ самой Алупкой господствуетъ громадная скала Ай Петри (Св. Петра); она на 42 фута выше Палатъ горы и сохранила слѣды обширной древней крѣпости, которую татары называютъ Алупка-Исаръ. На вершинѣ Ай Петри находился въ древности монастырь, или церковь, построенные византійскими греками во имя Св. Петра; теперь тутъ водруженъ большой, деревянный крестъ. Спустившись въ деревню, гдѣ много лавокъ и палатокъ, изобилующихъ овощами и фруктами, мы от-

правились пѣшкомъ въ одну изъ гостинницъ, заказали себѣ завтракъ, оставили пледы, мантильи и только съ зонтиками въ рукахъ, перепрыгивая черезъ грязныя канавки, какимъ-то заднимъ дворикомъ, очутились возлѣ самаго Алупскаго парка. Описывать Алупку невозможно; нужно ее видѣть, чтобы понять то поражающее впечатлѣніе, которое производятъ ея монументальный замокъ, одѣтый снаружи въ зеленый крымскій гранитъ, мраморныя бѣлыя террасы и дивные сады. Пройдя тѣнистымъ паркомъ, мы взошли въ огромный дворъ; тутъ были конюшни, каретные сараи, кухни и прочія хозяйственныя помѣщенія; всѣ постройки изъ гранита и до самыхъ кровель ихъ высокія стѣны покрыты густымъ темнозеленымъ плющемъ и шпалерами разноцвѣтныхъ розъ. Въ наше посѣщеніе розы уже отцвѣли, но готовились бутоны для новаго цвѣтенія въ концѣ августа. Изъ за стѣнъ, надъ крышами всюду висятъ разноцвѣтныя кисти глициній, выглядываютъ темныя вѣтки магнолій, стрѣльчатыя верхушки кипарисовъ, зеленые куполы лавровыхъ и гранатовыхъ деревьевъ. Рядомъ съ этимъ дворомъ, дворъ самаго дворца, который выходитъ лицевой стороной къ морю. Дворецъ построенъ въ готическо-мавританскомъ вкусѣ и могъ бы казаться нѣсколько мрачнымъ, еслибъ не чарующая прелесть его окружающихъ садовъ. Растительность, экзотическая растительность юга, подчинила себѣ твердые порфиры и дикія, каменныя громады; она превратила эту хаотическую мѣстность, носившую еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія слѣды страшныхъ геологическихъ переворотовъ и подземныхъ огней, въ сады Армиды, въ висячія террасы Вавилона. Она украсила ихъ тайн-

ственными померанцовыми и кипарисовыми рощами, безконечными аллеями громадныхъ деревъ, прохладными гротами, шумящими фонтанами, тихо журчашими каскадами, прозрачными резервуарами водъ и до самаго берега моря раскинулась зеленью своихъ садовъ и роскошной пестротой своихъ дивныхъ цвѣтниковъ. Не съумѣю описать всего, что я видѣла въ садахъ Алупки, чтобы обозрѣть всѣ эти диковины растительнаго міра нужны недѣли, а не два часа времени; скажу только, что не смотря на палящій жаръ (было 40 градусовъ на солнцѣ) я ощущала пріятную прохладу въ тѣни громадныхъ фиговыхъ, оливковыхъ, гранатовыхъ и другихъ деревьевъ и любовалась, забывъ жаръ и усталость, невиданными мной еще тюльпановыми деревьями и амарантусами. Магноліи уже отцвѣтали, но запоздалые цвѣты еще держались на зеленыхъ верхушкахъ и распространяли въ воздухѣ острый запахъ лимона и ванили. Климатъ Алупки способствуетъ къ произростанію самыхъ нѣжныхъ растеній. Защищенный горами отъ холодныхъ вѣтровъ, стѣсненный громаднымъ Ай Петри, этотъ прелестный уголокъ тѣснѣе и сжатѣе всего южнаго берега, но за то въ немъ растительная сила могуча, какъ въ естественной теплицѣ и деревья, виноградныя лозы, даже экзотическія растенія, достигаютъ здѣсь замѣчательныхъ размѣровъ; въ числѣ другихъ намъ показывали два кипариса, посаженные, какъ говорятъ, княземъ Потемкинымъ, во время путешествія Екатерины II по Крыму. Внутренность дворца великолѣпна и изящна. Особенно хороша столовая съ огромнымъ мраморнымъ каминомъ, двумя большими фонтанами и цѣлымъ садомъ пальмъ и другихъ экзо-

тическихъ растенiй; на верху хоры для музыки очень оригинальны по своему устройству, а на каминѣ и столахъ красуются замѣчательныя китайскiя вазы и фигуры. Гостиная княгини, изъ которой ходъ въ комнату—террасу называемую *Альгамброй* отличается лѣпной работой на стѣнахъ, въ восточномъ вкусѣ. Передъ Альгамброй находится маленькая комната обитая персидскими тканями; у входныхъ дверей на террасу съ обѣихъ сторонъ въ человѣческiй ростъ вытканы два портрета въ высокихъ персидскихъ шапкахъ; это подарокъ персидскаго шаха покойному князю. Терраса очень обширна, вся устлана бѣлымъ мраморомъ, украшена прелестными статуями и группами изъ карарскаго мрамора; въ числѣ ихъ я замѣтила оригинальные бюсты негритянокъ изъ чернаго мрамора совершенно въ мавританскомъ вкусѣ; на самой террасѣ бьютъ фонтаны, вьются растенiя, благоухаютъ самыя рѣдкiя цвѣты; разставлены всевозможные диваны, кушетки, кресла, столики, табуретки, одни изящнѣе и прелестнѣе другихъ. Видно, что здѣсь любимое пребыванiе хозяйки, которой не было въ Алупкѣ въ этотъ день. Терраса широкими, бѣлыми ступенями и уступами, на которыхъ стоятъ мраморныя скамейки, бьютъ и плещутъ фонтаны, окаймленные цвѣтами, кущами розъ, азалiй и камелiй, спускается до самаго моря. Дворецъ же стоитъ на высотѣ 150 футовъ надъ уровнемъ моря и если смотрѣть на него снизу поражаетъ величавостью своихъ очертанiй, рельефно, выступающихъ на темной зелени окружающихъ его садовъ. Говорятъ, что по желанiю кн. Воронцова придать своему жилищу монументальный характеръ скалы Ай-Петри, архитекторъ руководимый

поэтической мыслью князя, соединилъ въ этомъ замѣчательномъ зданіи легкость украшеній мавританскихъ построекъ съ массивностью и вѣковой прочностью готическихъ сооруженій и что неправильный четвероугольникъ Алупскаго дворца, при лунномъ свѣтѣ, напоминаетъ гигантскія формы своего колоссальнаго первообраза. Но въ это утро на вершинѣ Ай-Петри лежало густое облако, скрывающее совершенно его зубчатыя, остроконечныя скалы и сравненіе горы-великана съ дворцомъ-красавцемъ было невозможно.

Когда князь Воронцовъ, очарованный мѣстоположеніемъ Алупки, скупилъ земли, казавшіяся всѣмъ ни къ чему непригодными, на мѣстѣ нынѣшняго за́мка зіяли страшныя пропасти и громоздились огромныя массы гранита, сброшенныя съ вершинъ Яйлы вѣроятно дѣйствіемъ подземнаго огня. Эти массы были взорваны порохомъ, обтесаны, отполированы и послужили для внѣшней отдѣлки дворца. Находясь почти тутъ же, на мѣстѣ, камни клались громадной величины, что придало строенію видъ необычайной прочности, а между тѣмъ всѣ наружныя украшенія: колонки, башенки, мелкіе куполы, арабески, въ видѣ фестоновъ и кружевъ, сдѣланы изъ того же гранита и отличаются самой тонкой, изящной работой, напоминающія украшенія знаменитой Альгамбры и другихъ мавританскихъ построекъ.

Крыша дворца устроена террасой и на нее всходятъ по прекрасной лѣстницѣ. Отсюда открывается прелестнѣйшій видъ: съ юга—море съ его скалистыми берегами, съ сѣвера—хребетъ Яйлы и гигантскій Ай-Петри; ближе къ дворцу, среди густой зелени, Алупская церковь, въ сторонѣ подальше домики татарской деревни

и золотой куполъ прекрасной мечети, построенной княземъ Воронцовымъ, вмѣсто бѣдной и ветхой, существовавшей прежде и вдали сосѣднія дачи съ бесѣдками, башнями, садами и нескончаемыми виноградниками. Дворецъ окруженъ двумя садами—верхнимъ и нижнимъ и великолѣпнымъ паркомъ.

Верхній садъ расположенъ у подножія Ай-Петри; здѣсь въ тѣни вѣковыхъ лавровъ, темныхъ рощей кипарисовъ и оливковыхъ деревъ, столѣтнихъ смоковницъ и громадныхъ платановъ, среди гранитныхъ скалъ, обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ, устроены прозрачные пруды, въ которыхъ плаваютъ форели и другія рыбы, разбросаны клумбы рѣдкихъ растеній, сбѣгаютъ ручьи съ огромныхъ утесовъ, въ глубинѣ которыхъ устроены прохладные гроты, а около оранжерей, наполненныхъ тропическими растеніями, возвышаются стройныя, высокія пальмы.

Нижній садъ въ англійскомъ вкусѣ; онъ спускается, по отлогой горѣ, къ самому морю. Тутъ преобладаютъ магноліи, павлоніи, мимозы, акаціи всѣхъ возможныхъ видовъ и сортовъ; олеандры и огромныя померанцовыя деревья окружаютъ красивыя дорожки и клумбы самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ цвѣтовъ. Темныя кипарисовыя рощи, какъ священныя рощи древнихъ, кажутся еще таинственнѣе, среди безчисленныхъ мраморныхъ вазъ и балюстрадъ, роскошныхъ павильоновъ, изящныхъ мостиковъ, гранитныхъ лѣстницъ, чугунныхъ рѣшетокъ, шумящихъ фонтановъ, зеленыхъ лужаекъ, пестрыхъ, блестящихъ на яркомъ солнцѣ, далеко разстилающихся цвѣтниковъ. На берегу моря, въ концѣ этого прелестнаго сада, устроена красивая купальня и тутъ же при-

стань, у которой качаются двѣ, три изящныя лодки. Но какъ ни очаровательны волшебные сады Алупки, мы должны были разстаться съ ними и возвратиться въ гостинницу; насъ давно ожидалъ довольно сносный завтракъ и нашъ нетерпѣливый ямщикъ. Проходя мимо татарскихъ лавокъ, гдѣ толпилось много татаръ, мнѣ бросился въ глаза совершенно греческій типъ ихъ красивыхъ лицъ и живописный костюмъ молодыхъ татарокъ, которыя сидѣли и стояли веселыми группами на своихъ плоскокрышихъ домикахъ, обвитыхъ виноградомъ, точно картинки въ зеленыхъ рамкахъ. Не знаю, почему мы не выбрали нижняго пути изъ Алупки въ Оріанду, но опять выѣхали на шоссе; я думаю, что нижняя дорога еще гораздо живописнѣе; она пролегаетъ мимо имѣнія графа Шувалова Мисхора, которое едва видно съ шоссе также, какъ и окружающія его красивыя дачи, принадлежащія гр. Бобринскому, Заводовскому и Воронцову-Дашкову. Изъ дали видны обширные виноградники, но оливковыя и лавровыя рощи, единственныя на южномъ берегу, по объему и красотѣ своихъ вѣковыхъ деревьевъ, изчезаютъ за возвышенностью, около которой построена почтовая станція, съ великолѣпнымъ фонтаномъ, засаженнымъ кустами мѣсячныхъ розъ, вслѣдствіе чего онъ и названъ фонтаномъ розъ. Въ пяти минутахъ ѣзды отъ Мисхорской станціи, почти у самой почтовой дороги, видна небольшая, но красивой архитектуры церковь, а за ней татарская деревня, сады, дачи, виноградники. Это *Хореизъ*, имѣніе княгини А. С. Голицыной, гдѣ она жила постоянно до своей смерти. Извѣстная своимъ мистическимъ направленіемъ и своей дружбой къ баро-

нессѣ Крюднеръ, она принадлежитъ къ замѣчательнымъ личностямъ царствованія Императора Александра I и своимъ вліяніемъ образовала въ Хореизѣ мистическій кружокъ, слѣды котораго долго оставались въ Крыму, хотя и безуспѣшно для обращенія крымскихъ татаръ въ христіанство, главной его цѣли. Вблизи Хореиза находится татарская деревня *Гаспра*, окруженная великолѣпными виллами. Одна изъ нихъ, принадлежавшая прежде княгинѣ Мещерской—теперь собственность В. Кн. Михаила Николаевича; другая, съ зубчатыми башнями, находится въ запустѣніи, въ ней жилъ и умеръ кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ, мистикъ, покровитель библейскихъ обществъ въ Россіи и министръ народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра I. Онъ похороненъ въ Георгіевскомъ монастырѣ близъ Севастополя.

Вся эта мѣстность, начиная отъ Мисхора до самаго Ай Тодорскаго мыса, который хорошо видѣнъ съ шоссе и составляетъ одну изъ длиннѣйшихъ отраслей Яйлы, далеко вдающуюся въ море, богата остатками укрѣпленій, построекъ и древнѣйшихъ могилъ особеннаго типа, напоминающихъ своею формой кельтическіе жертвенники, или дольмены, что и послужило поводомъ, для нѣкоторыхъ ученыхъ, принять ихъ за сооруженія той эпохи, между тѣмъ какъ большая часть изслѣдователей пришла къ убѣжденію, что эти древнія могилы, имѣющія форму гигантскихъ, каменныхъ ящиковъ принадлежатъ къ временамъ древнѣйшимъ и лишены передней боковой плиты, (что и составляетъ ихъ сходство съ дольменами), грабителями для свободнаго прохода во внутренности могилъ, которыя всѣ ограблены. Кромѣ

могилъ и слѣдовъ древнихъ стѣнъ и укрѣпленій, здѣсь до настоящаго времени находятся остатки мраморныхъ колоннъ, принадлежащихъ греческой церкви, въ развалинахъ которой еще замѣтны мѣста для алтаря и для престола и часто попадаются фигурные кирпичи, съ каймами. Преданіе говоритъ, что Мисхоръ славился богатствомъ и что въ его окрестностяхъ добывалось серебро. Это конечно не вѣрно, но предполагаютъ, что богатство жителей Мисхора зависѣло отъ добыванія ими красной глины, изъ которой они выдѣлывали огромные и чрезвычайно крѣпкіе сосуды, извѣстные подъ именемъ амфоръ и снабжали ими всѣ города и села приморской полосы Крыма. Эти амфоры или кувшины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южнаго берега найдены въ землѣ цѣлыми и большіе изъ нихъ могутъ вмѣстить до 20 нашихъ ведеръ. Въ нихъ отправлялись изъ юго-восточныхъ портовъ Тавриды въ Римъ въ соленомъ видѣ осетрина, бѣлуга, кефаль, султанка и другаго рода рыба,—въ нихъ же мѣстные жители, не употреблявшіе бочекъ, сохраняли не только свои вина, но и всѣ произведенія какъ жидкія, такъ и тѣ, которыя боялись сырости, напр.: хлѣбное зерно, сушеные плоды и пр. и проч. Мысъ Ай-Тодоръ (Святаго Θеодора) и его окрестности, былъ покрытъ въ древности густымъ населеніемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣды многихъ древнихъ построекъ, принадлежащихъ къ различнымъ историческимъ эпохамъ. Здѣсь видны повсюду слѣды циклопическихъ построекъ и обширныя развалины большаго населеннаго мѣста; здѣсь не далеко отъ маяка найдена цистерна съ цементнымъ дномъ, съ водопроводными трубами и стѣны съ штукатуркой; здѣсь же открыты голова античной, мра-

морной статуи, мелкія вещи и серебряныя монеты, съ надписями и изображеніями римскихъ императоровъ. Теперь мысъ Ай-Тодоръ, кромѣ маяка, въ видѣ довольно высокой башни, съ которой огонь видѣнъ далеко въ морѣ и казармы, ничего не представляетъ интереснаго; онъ весь покрытъ большими можжевеловыми деревьями и къ нему ведетъ, между кустарниками по камнямъ, неудобная тропинка. Дорожа временемъ мы не спустились къ берегу моря, но еслибъ было возможно, я бы непремѣнно сошла поглядѣть поближе на древній мысъ *Кріуметопонъ*, т. е. *бараній лобъ*. Это тотъ самый мысъ, куда миѳъ глубокой древности привелъ Фрикса, брата Геллы, когда они спасались въ Колхиду, на золоторунномъ баранѣ, присланномъ имъ матерью ихъ облачной богиней Нефелою, отъ преслѣдованій злой мачихи Ино. Это тотъ самый мысъ, который далъ названіе всему Крыму, хотя нѣкоторые писатели и утверждаютъ, что Таврическій полуостровъ получилъ свое имя отъ торговаго города *Кримми*, на берегу Азовскаго моря, извѣстнаго еще Геродоту. Отъ мыса Ай Тодора до самой Оріанды почтовая дорога вьется вдоль хребта Яйлы и громадныя скалы, спускаясь къ самому морю утесами исполинскихъ размѣровъ и разнообразныхъ формъ, угрюмо глядятъ на проѣзжающихъ. На седьмой верстѣ, не доѣзжая Ялты, ямщикъ указываетъ вправо. „Императорская Оріанда". говоритъ онъ. Передъ нами лежитъ, словно въ глубокой впадинѣ, великолѣпный дворецъ, *) окруженный грандіозными скалами, но онъ кажется съ высоты шоссе, бѣлымъ домикомъ, поставленнымъ надъ самымъ моремъ, которому угрожаютъ бушующія волны. Съ одной стороны дворца возвышается об-

*) Дворецъ этотъ сгорѣлъ въ 1881 году.

рывистая, неприступная скала, на вершинѣ которой водруженъ большой, позолоченный крестъ, а съ другой стороны, на скалѣ пониже, красивая бесѣдка, въ видѣ древняго греческаго храма. Вокругъ самаго дворца живописно сгруппированы дворцовыя строенія, погруженныя въ море зелени, всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ Оріандѣ, обширность и рѣдкая красота этой дикой мѣстности насъ поражаетъ и восхищаетъ; здѣсь опять истинктивно чувствуются слѣды подземнаго огня. Вотъ пропасть, заросшая экзотическими растеніями, вотъ громадный утесъ, у подножія котораго разстилаются зеленыя поляны; вотъ грозный ручей, превращенный въ красивый каскадъ, переливающій съ уступа на уступъ свои сверкающія волны; вотъ груда скалъ, повергнутая съ высоты Яйлы и лежащая у подножія гигантскаго утеса въ страшномъ безпорядкѣ. Караульный домикъ, съ башнею, стоитъ у воротъ Оріанды, немного подалѣе домъ для управляющаго и тутъ же крытая аллея, увитая виноградомъ. Огромныя кисти висѣли надъ нами и напоминали мнѣ басню Крылова, такъ какъ виноградъ былъ еще зеленъ, не смотря на то, что принималъ на солнцѣ всевозможные, соблазнительные переливы янтаря и яхонта. По этой аллеѣ мы доѣхали незамѣтно до террасы, на которой построенъ дворецъ. Онъ очень обширенъ, имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника и построенъ по плану профессора Штакеншнейдера, при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Въ немъ особенно хороши внутренній дворикъ и павильонъ въ помпейскомъ вкусѣ, каріатиды, поддерживающія балконъ, обращенный къ морю, внутреняя мраморная лѣстница, ведущая на второй

этажъ и другія изящныя украшенія дворца: террасы съ клумбами самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, баллюстрады и балконы, увитые гирляндами розъ и другихъ ползучихъ растеній. Но безспорно вся прелесть Оріанды состоитъ въ суровой красотѣ ея природы и въ томъ искусствѣ, которое съумѣло, на каждомъ шагу, соединить самые суровые и дикіе виды съ самыми веселыми и восхитительными. Александръ I во время своего путешествія по Крыму былъ очарованъ дикой мѣстностью Урсанды, какъ ее называли татары. Она принадлежала графу Кушелеву-Безбородко и находилась въ запустѣніи; единственной постройкой на ней была небольшая татарская хижина, въ которой и было устроено временное помѣщеніе для Императора въ его новомъ владѣніи, уступленномъ ему графомъ.

Вскорѣ неприступныя скалы, страшныя пропасти, утесы съ пространными площадками, съ которыхъ виденъ почти весь южный берегъ до Аю Дага, густые лѣса, растущіе на отвѣсныхъ высотахъ, источники, стремящіеся къ морю по острымъ скаламъ, все это превратилось въ роскошный англійскій садъ, въ обширный паркъ, въ богатые виноградники, украсилось лучшими экземплярами южной флоры, великолѣпными деревьями и растеніями, слилось съ вѣковыми оливковыми и фиговыми рощами и стало очаровательнымъ помѣстьемъ В. Кн. Константина Николаевича, нынѣшней Оріандой, которую описать трудно, но забыть нельзя.

Въ древности Оріанда была населена первобытными народами; скалы ея были покрыты остатками циклопическихъ строеній, и до сихъ поръ еще указываютъ

мѣстность, называемую Фулли, гдѣ какъ предполагаютъ существовало древнее греческое, обширное поселеніе Фулла. Въ послѣдствіи при татарахъ, на лугахъ Оріанды бродили пастухи, со своими стадами, а въ пещерахъ Крестовой горы находили себѣ пріютъ рыболовы греки, живущіе въ береговыхъ селеніяхъ и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ловившіе здѣсь рыбу, устрицы и ракушки. За Оріандой Великаго Князя слѣдуетъ, такъ называемая, Верхняя Оріанда. Она не менѣе живописна, но не обработана искусствомъ и до сихъ поръ остается въ своемъ первобытномъ, дикомъ величіи; она принадлежала В. Кн. Еленѣ Павловнѣ и домъ, оригинальной архитектуры, никѣмъ не обитаемый теперь, приходитъ въ ветхость. Въ 3-хъ верстахъ отъ Оріанды, тамъ гдѣ шоссе сворачиваетъ въ лѣво, поставлены ворота съ Императорскимъ вензелемъ. Отсюда начинаются земли и луга Ливадіи, имѣніе покойной Императрицы Маріи Александровны, здѣсь удаляясь немного къ сѣверу, хребетъ Яйлы принимаетъ другой видъ; нѣтъ болѣе, ни громадныхъ утесовъ, ни фантастическихъ скалъ, ни мрачныхъ гротовъ, ни глубокихъ пещеръ, ни слѣдовъ грозныхъ укрѣпленій. Прозванная, съ незапамятныхъ временъ, греками Ливадіею, по изобилію луговъ и долинъ, орошаемыхъ многочисленными ключами, стекающими съ высотъ Яйлы, Ливадія имѣетъ то преимущество, надъ всѣми дачами южнаго берега, что передъ ней рисуется Ялта, съ живописными окрестностями до Никитинскаго мыса, лучшая часть Яйлынскаго хребта, заросшаго вѣчно зелеными крымскими соснами и вся Ялтинская бухта. Изобиліе водъ придаетъ этой улыбающейся мѣстности необычайную свѣжесть и въ самыя

ужасныя жары здѣсь дышется свободно, среди густой растительности, на берегу прелестнаго, южнаго моря. Съ шоссе, Ливадія кажется маленькимъ городкомъ, съ довольно большой церковью, казармами и множествомъ красивыхъ строеній; дворецъ Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника хорошо видны и окружены богатой зеленью. Они построены въ восточномъ вкусѣ съ множествомъ террасъ, балконовъ, пристроекъ, галлерей. Говорятъ, что внутренность дворцовъ отличается простотой, изяществомъ и удобствомъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ южному климату и своему назначенію: наслажденію роскошной природой и отдыху отъ шума сѣверной столицы и царственныхъ заботъ. Намъ очень хотѣлось осмотрѣть ихъ, полюбоваться, на разбросанныя около дворцовъ, клумбы южныхъ растеній, на великолѣпные цвѣтники и насладиться прелестными видами, съ одной стороны на Ялтинскую бухту и на окрестныя горы, съ другой на Оріанду, Гаспру, Хореизъ, Алупку, но на поворотѣ съ шоссе, немного повыше спуска въ Ливадійскую долину, насъ остановила роковая надпись, на высокомъ столбѣ: *въѣздъ и входъ воспрещаются*, и волей-неволей мы должны были довольствоваться тѣмъ, что было видно изъ далека и вообразить остальное: оранжереи, наполненныя самыми рѣдкими растеніями, тунель ведущій къ морю, воздушныя галлереи, увитыя бѣлыми и блѣдно палевыми розами, резервуары водъ, мраморные фонтаны, изящныя произведенія живописи и ваянія, запахъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, тихій плескъ моря, видъ глубокаго, синяго неба, все то наконецъ, что дѣлаетъ изъ Ливадіи прелестнѣйшій уголокъ Крыма, напоминающій итальянскія виллы, у

береговъ Сициліи. Становилось невыносимо жарко, и наша тройка видимо устала. Ямщикъ пріударилъ пристяжныхъ и мы стали спускаться по направленію къ Ялтѣ. Съ невольнымъ трепетомъ глядѣла я на громадную Яйлу, которая здѣсь возвышается прямой стѣной на 5000 футовъ надъ уровнемъ моря и образуетъ у своего подножія двѣ живописныя долины: Аутинскую и Ялтинскую. Онѣ не имѣютъ себѣ подобныхъ на южномъ берегу, ни по богатству садовъ, ни по громадности, окружающихъ ихъ горъ, заросшихъ прекрасными лѣсами, ни по изобилію серебристыхъ горныхъ рѣчекъ, по сторонамъ которыхъ расположены два греческихъ и два татарскихъ селенія. Эти богатыя долины примыкаютъ къ самому морю, около котораго красуется миніатюрная Ялта, съ своей церковью на уступѣ довольно высокой горы. Она чрезвычайно красивой архитектуры, съ высокой башней посрединѣ и четырьмя поменьше по угламъ, окружена кипарисами и другими хвойными деревьями и господствуетъ надъ Ялтой и всей окрестностью. Въ Ялтѣ пять гостинницъ, изъ коихъ „Россія“ замѣчательна своей обширностью и прекраснымъ устройствомъ; она помѣщается въ большомъ, хорошо построенномъ зданіи, съ открытымъ видомъ на море и своимъ полисадникомъ граничитъ съ большимъ, прекраснымъ садомъ графа Мордвинова, доступнымъ для публики. Въ гостинницѣ Россія 100 номеровъ и особыя залы: концертная, бильярдная, читальня и ресторанъ. Она имѣетъ свое газовое освѣщеніе, свой водопроводъ, свои ванны и прочія удобства лучшихъ европейскихъ гостинницъ. Цѣны на номера разныя и мѣняются, смотря по сезону и приливу пріѣзжающихъ, отъ 1 р. 50 к.

до 18 руб. въ сутки. Городъ расположенъ амфитеатромъ, надъ самымъ заливомъ и тянется въ верхъ къ отлогостямъ горнаго хребта; внизу ближе къ морю пристань, бульваръ обнесенный рѣшеткой и лучшія строенія города; повыше, во внутренности города, помѣщаются: базаръ, кофейни, лавки, второстепенныя гостинницы и домики обывателей; за ними, ближе къ горамъ, тонутъ въ зелени кипарисныхъ и лавровыхъ рощей красивыя и многочисленныя дачи, съ пестрыми цвѣтниками и гирляндами вьющихся розъ и плющей. Среди нихъ, разбросаны тамъ и сямъ, скатившіеся когда то съ Яйлы, гранитные утесы, увитые виноградомъ, плющемъ, страстоцвѣтомъ и другими ползучими растеніями. У пристани небольшой павильонъ и домъ агентства русскаго общества пароходства и торговли. Это мѣсто самое оживленное въ Ялтѣ и набережная, засаженная деревьями, бываетъ всегда полна гуляющими. Магазины и лавки хороши и въ нихъ можно достать все необходимое. Биржевые экипажи, фаэтоны, коляски, большіе дрожки съ соломенной крышей въ видѣ зонтика, прекрасны и не особенно дороги; для нихъ, какъ и для верховыхъ лошадей, ялтинской городской управой установлена довольно умѣренная такса. Въ обыкновенное время, пароходы приходятъ въ Ялту и выходятъ изъ нея два раза въ недѣлю лѣтомъ и одинъ разъ зимой; но во время пребыванія въ Ливадіи императорской фамиліи, они приходятъ каждые четыре дня, а иногда и чаще. Когда бываетъ сильное морское волненіе, пароходы не заходятъ въ Ялту. На берегу моря устроены общественныя купальни, но купаться въ нихъ непріятно, морское дно каменисто и вода въ морѣ бываетъ часто нечиста.

Климатъ въ Ялтѣ и ея окрестностяхъ равномѣрнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Крыма. Защищенная отъ сѣвера высокимъ хребтомъ Яйлы, ялтинская долина отличается короткими зимами и ранними веснами, лѣтомъ же ее освѣжаютъ восточные вѣтры и умѣряютъ дѣйствіе солнечныхъ лучей. Въ послѣдніе годы, Ялта стала быстро рости и украшаться, но она все таки довольно неопрятна, особенно въ той части города, гдѣ находятся бойни и трактиры и гдѣ продаются: мясо, рыба, зелень, фрукты и проч. Всѣ эти продукты, при сильной жарѣ, распространяютъ зловоніе и заражаютъ воздухъ, тѣмъ болѣе, что всѣ нечистоты изъ города спускаются въ море, гдѣ при сильномъ прибоѣ, онѣ долго задерживаются въ водѣ у берега и еще болѣе заражаютъ уже испорченную атмосферу. За то, если подняться въ греческую деревню Аутку, расположенную всего въ одной верстѣ отъ Ялты, можно вполнѣ насладиться чистымъ, морскимъ воздухомъ, соединеннымъ съ живительнымъ воздухомъ горъ, которыя всѣ покрыты разными породами хвойныхъ деревъ; изъ нихъ крымская сосна Pinus Taurica самая обыкновенная. У подножія горъ ростутъ: фиговыя деревья, крымская рябина, дающая чрезвычайно пріятные плоды, въ видѣ маленькихъ яблокъ, курма, или дикіе финики, гранаты, мушмола, маслины, скипидарное дерево и самыя лучшія виноградныя лозы. Далѣе, стелятся по покатостямъ Могаби и другихъ склоновъ, множество восхитительныхъ зеленыхъ чаиръ, (мѣста, подготовленныя для сѣнокосовъ), изрѣдка покрытыхъ дико-растущими фруктовыми деревьями и усѣянныхъ, особенно весной, всевозможными душистыми травами и разнообразными полевыми цвѣ-

тами. Дорога, ведущая изъ Ялты въ Аутку, съ шоссе, подымается въ гору; она такъ густо унизана садами, садиками, цвѣтниками, дачами и домиками, что черезъ нее Аутка совершенно слилась съ городомъ. Въ послѣдніе годы деревня такъ разрослась, что ей стало тѣсно у береговъ своей рѣчки и она, съ одной стороны раскинулась далеко, по горной отлогости, а съ другой спустилась къ долинѣ и украсилась многими прекрасными дачами, которыя отдаются въ наемъ, на лѣтній сезонъ, пріѣзжимъ посѣтителямъ южнаго берега. Цѣны, за квартиры, здѣсь гораздо умѣреннѣе ялтинскихъ, виноградъ и фрукты дешевле, воздухъ напитанъ запахомъ сосны, вода въ изобиліи и замѣчательна своей свѣжестью и прекраснымъ вкусомъ. Всѣ эти преимущества, соединенныя съ близостью города и моря, множествомъ садовъ и церквей, въ которыхъ идетъ богослуженіе на греческомъ и русскомъ языкахъ, въ ближайшемъ времени, сдѣлаютъ Аутку мѣстопребываніемъ тѣхъ, которымъ слѣдуетъ избѣгать сильныхъ морскихъ вѣтровъ и которымъ не прописываются ежедневныя, морскія купанья. Другая греческая деревня Форфора поставлена въ тѣ же счастливыя климатическія условія и имѣетъ нѣсколько большихъ домовъ, для людей зажиточныхъ, желающихъ имѣть большія помѣщенія. Мимо Форфоры идетъ дорога на водопадъ Учанъ-Су по татарски „*летучая вода*“, а по гречески *Кремастоперо*, что значитъ „*висячая вода*“. Мнѣ не пришлось съѣздить на этотъ водопадъ; я спѣшила въ Артекъ, гдѣ меня уже давно ждала, приготовленная мнѣ комната и я надѣялась, на возвратномъ пути, пожить въ Ялтѣ и осмотрѣть всѣ ея окрестности. Но, по непредвидѣннымъ обстоя-

тельствамъ, я возвратилась въ Москву другимъ путемъ и не была болѣе въ Ялтѣ. Говорятъ что водопадъ Учанъ-Су вполнѣ заслуживаетъ свое поэтическое названіе; онъ образуется изъ рѣчки, того же имени, и падаетъ совершенно отвѣсно на высотѣ 300 футовъ, нѣсколькими каскадами, въ глубокій оврагъ, раздѣляющій зрителя отъ Яйлы. Воды въ немъ всегда бываетъ довольно много, но лѣтомъ, послѣ большаго дождя, онъ бываетъ особенно хорошъ. На отдѣльной и очень высокой скалѣ, или утесѣ, стоитъ крѣпость Учанъ-Су-Исаръ; по остаткамъ, уцѣлѣвшихъ мѣстами стѣнъ, она имѣла форму длиннаго четырехъ-угольника, съ округленными углами и узкими длинными просвѣтами. Стѣны были кладены на извести, съ хорошо отесанными камнями. Этотъ способъ кладки явно показываетъ, что постройка укрѣпленія Учанъ-Су-Исаръ относится къ греко-византійской эпохѣ, къ которой принадлежатъ укрѣпленные замки въ Инкерманѣ, Черкесъ-Керменѣ, Сюренѣ и проч. Укрѣпленіе было поставлено въ этой неприступной, дикой мѣстности, по всей вѣроятности, съ цѣлью защищать проходы съ сѣвера на южную сторону горъ, такъ какъ здѣсь пролегаетъ одна изъ главныхъ дорогъ, черезъ Яйлу, въ Бахчисарай; а съ другой стороны грозный и хорошо построенный замокъ, позади Ялтинской долины, долженъ былъ защищать отъ нападенія съ сѣвера нынѣшнюю Ялту, извѣстную въ древности, какъ греческій городъ и портъ, подъ именемъ Галлиты, или Джалиты. Позднѣе Генуэзцы присоединили ее къ своимъ владѣніямъ и имѣли здѣсь своего консула и администрацію. Въ Аутинской долинѣ, до сихъ поръ, находятся могилы и въ нихъ

глиняные сосуды, указывающіе на времена основанія въ Тавридѣ Херсонесса и Пантикапеи; въ Форфорѣ же отрываются гробницы, подобныя Гаспринскимъ, что даетъ поводъ предполагать, что эта мѣстность называющаяся Пола-Клесія, т. е. *многоцерквіе*, была заселена ранѣе другихъ, греками христіанами и, что нынѣшніе обитатели Форфоры и Аутки ихъ потомки, сохранившіе христіанскую религію своихъ предковъ. Когда всѣ южнобережскіе Греки въ 1778 году, предводимые Готѳійскимъ и Каѳскимъ митрополитомъ Игнатіемъ, выступили въ русскія владѣнія и поселились на берегу Азовскаго моря, гдѣ основали городъ Маріуполь и многія селенія — и Аутинскіе греки въ числѣ ихъ тронулись съ мѣста; но пять лѣтъ спустя, когда Крымъ былъ окончательно присоединенъ къ Россіи, они, въ количествѣ 18-ти семействъ, поспѣшили возвратиться на родину и получили въ собственность, по указу императрицы Екатерины II, земли и лѣса, отъ верхней Оріанды до самой Ялты и до водопада Учанъ-Су, которыми они владѣютъ и теперь и очень гордятся тѣмъ, что они единственные греки, на южномъ берегу, не слившіеся съ татарами и не принявшіе ислама. Всѣ эти подробности мнѣ разсказывалъ Аутинскій грекъ Антонъ Ѳедоровъ Христофоръ, рекомендованный мнѣ Д. М., какъ хорошій проводникъ и человѣкъ, знающій каждый уголокъ Крыма. Самъ же Д. М., на другой день нашего пріѣзда въ Ялту, рано утромъ, отправился на пароходѣ въ Севастополь и оттуда въ Москву. Антонъ Ѳедоровъ очень типиченъ; это еще бодрый старикъ, съ крестомъ на груди, которымъ онъ очень гордится. Когда онъ разсказываетъ о Крымской войнѣ,

о тѣхъ засадахъ, гдѣ съ двадцатью пятью избранными охотниками, изъ греческаго Балаклавскаго батальона, къ которому онъ принадлежалъ, онъ караулилъ и завлекалъ въ погреба, разныхъ южно-бережскихъ экономій, цѣлые отряды французскихъ солдатъ, падкихъ на крымское вино, его глаза блестятъ молодымъ огнемъ, голосъ звучитъ сильнѣе, слова сопровождаются выразительными жестами; видно, что онъ переживаетъ снова все то, что было тому назадъ четверть вѣка, и что каждая подробность этихъ страшныхъ ночей никогда не изгладится изъ его памяти. Я провела въ Ялтѣ ровно сутки и осталась очень довольна моимъ номеромъ, въ гостинницѣ Россіи, за который я заплатила 3 р. Обѣдъ же очень хорошій мнѣ стоилъ 1 р. 50 к. Къ вечеру Антонъ Ѳедоровъ досталъ мнѣ прекрасную коляску, просилъ написать изъ Артека, если мнѣ будетъ нуженъ экипажъ, или верховая лошадь, и пожелавъ хорошаго пути, долго смотрѣлъ намъ вслѣдъ, пока мы ѣхали по Ялтинской набережной. Проѣхавъ черезъ высокія массивныя вороты, во внутреннюю часть города, мы миновали базаръ, лавки и стали подыматься по шоссе мимо Эдинбургской гостинницы, которая мнѣ показалась очень красивой и живописно поставленной. Было еще очень жарко, хотя солнце уже клонилось къ западу, но только что мы стали взбираться на гору насъ охватила пріятная свѣжесть. Мы закрыли зонтики. Со всѣхъ сторонъ насъ осѣняли громадныя орѣховыя и каштановыя деревья, а шоссе извилинами подымалось все выше и выше между нависшими вѣтвями столѣтнихъ деревьевъ, растущихъ почти безъ почвы, на каменныхъ плитахъ. Дорога имѣла видъ настоящаго англій-

скаго парка, въ глубинѣ котораго возвышался гигантскій хребетъ Яйлы, испещренный милліонами разсѣлинъ и горныхъ потоковъ, покрытый лѣсами, съ ползучими по немъ какъ дымъ облаками, а внизу, въ зеленой долинѣ, тонули, въ прелестныхъ садахъ, татарскія деревни Дерекой и Ай-Василь; онѣ составляли прежде одно греческое селеніе Св. Василія, отъ котораго только сохранились развалины небольшой, греческой церкви и въ ней, при раскопахъ, была найдена надпись, указывающая, что она была построена въ XV вѣкѣ.

Теперь обѣ деревни заняты татарами, потомками грековъ, хотя нѣкоторые и полагаютъ, что нынѣшніе жители Ай-Василя потомки турокъ, не пожелавшихъ возвратиться на родину, когда Турція лишилась своего господства на Крымскомъ полуостровѣ. Это предположеніе можетъ быть не справедливо, но жители Ялты утверждаютъ, что Ай-Васильцы отличаются отъ прочихъ южно-бережскихъ татаръ своей затаенной ненавистью къ христіанамъ, своимъ религіознымъ фанатизмомъ, гордостью и многими обычаями въ семейной жизни, между тѣмъ, какъ ихъ ближайшіе сосѣди, жители Дерекоя, особенно заискиваютъ расположеніе христіанъ. Ай-Василь считается самою большой и чуть-ли не самою богатой деревней на южномъ берегу; Дерекой напротивъ, расположенный на краю оврага имѣетъ очень мало земли и его жители довольствуются доходами нѣсколькихъ десятковъ фруктовыхъ деревъ и занимаются торговлей, или поденными работами, въ помѣщичьихъ садахъ. Обѣ эти деревни даютъ лучшіе фрукты Ялтѣ и ихъ превосходные сады изобилуютъ каштанами, грецкими орѣхами, фундуками, арабскими

персиками, инжиремъ, разными сортами грушъ и проч. Въ этой долинѣ много хорошенькихъ дачь и въ татарскихъ домахъ, двухъ упомянутыхъ деревень, можно нанять, на лѣто, комнаты отъ 25 до 50 руб. въ мѣсяцъ. Между многочисленными дачами и безпрестанно мелькающими домиками помѣщиковъ, скрытыми мѣстами зеленью лавровъ и кипарисовъ, привлекаетъ особенное вниманіе, прекрасное имѣніе кн. Воронцова, Масандра; но туда пускаютъ только по билетамъ; достать же ихъ довольно трудно, особенно для тѣхъ, которые, какъ мы, не могли терять много времени, для добыванія ихъ у тѣхъ, кому поручена ихъ выдача. А было бы очень любопытно осмотрѣть остатки древняго храма, съ вытекающимъ изъ подъ алтаря широкой и прекрасной струей воды, слѣды древняго монастыря во имя Св. Георгія и другаго во имя Пророка Иліи и погулять въ обширномъ паркѣ и лугахъ, гдѣ, говорятъ, водатся туры и газели. Рядомъ съ Масандрой, около самаго шоссе, расположены строенія дачи баронессы Фридрихсъ, съ богатыми виноградниками, идущими къ морю довольно большими, зелеными полянами, на которыхъ изрѣдка ростутъ огромныя орѣховыя и каштановыя деревья. Сами же строенія окружены густой зеленью и, по своему устройству и цѣли, представляютъ отрадное явленіе, весьма рѣдкое въ Крыму; невдалекѣ отъ дома, владѣлицей устроена больница, кажется на 15 кроватей, и школа для дѣтей. Въ больницу принимаются всѣ больные, безъ различія національнасти, пока есть свободныя мѣста; школа устроена преимущественно для дѣвочекъ-христіанокъ, но въ ней учатся и мальчики. Сотрудница баронессы Фридрихсъ, г-жа Сабинина и

другіе члены этой маленькой общины, сами ухаживаютъ за больными, даютъ уроки дѣтямъ, занимаются хозяйствомъ и часто предлагаютъ даровое помѣщеніе и содержаніе личностямъ бѣднымъ, присланнымъ докторами въ Крымъ для лѣченія воздухомъ, виноградомъ, или морскими купаньями.

Милосердіе этихъ женщинъ имѣетъ большое значеніе въ краю, гдѣ кромѣ городскихъ больницъ и школъ, даже и въ самыхъ богатыхъ экономіяхъ не существуетъ ничего подобнаго. Не только русскіе, но и татары относятся къ нимъ съ уваженіемъ, а нашъ ямщикъ, курскій уроженецъ, напоминающій своимъ дородствомъ купеческихъ кучеровъ бѣлокаменной, указалъ мнѣ, когда мы проѣзжали мимо хорошенькаго домика г-жи Фридрихсъ, на проходившую по двору даму, одѣтую въ черномъ, „вотъ и сама она идетъ, сердечная, въ больницу вѣрно. Спаси ее Богъ, хоть и при дворѣ Государыни жила (г-жа Фридрихсъ — фрейлина), а нами бѣдными не брезгаетъ.“ За дачей г-жи Фридрихсъ, по направленію шоссе, и ближе къ морю виднѣются прелестныя домики частныхъ владѣльцевъ и тянутся, непрерывнымъ рядомъ, сады и виноградники, между которыми славятся казенные виноградники. Здѣсь же возвышаются большія строенія и погреба казеннаго винодѣлія, извѣстные подъ именемъ Магарача, единственный пунктъ откуда можно имѣть натуральныя вина всевозможныхъ сортовъ. Вся эта обширная мѣстность, въ которой находится Никитскій казенный ботаническій садъ, учрежденный въ 1812 году учеными Палласомъ и Стевеномъ, для разведенія въ Крыму растеній, свойственныхъ его почвѣ, и снабженія ими садовладѣльцевъ, называется

также Магарачъ. До присоединенія Крыма къ Россіи, эта мѣстность была довольно густо населена греками, оставившими слѣды своего пребыванія въ развалинахъ небольшой крѣпости, древнихъ жилищъ и многочисленныхъ фонтановъ. Одинъ изъ нихъ, недоѣзжая нѣсколько десятковъ сажень до татарскаго селенія Никиты, съ лѣвой стороны дороги, очень живописенъ. Изъ фундамента, какой то постройки, бѣжитъ ключъ необыкновенно холодной воды; старожилы говорятъ, что здѣсь былъ храмъ съ цѣлебнымъ источникомъ, къ которому больные стекались изъ дальныхъ мѣстъ. Не знаю, вѣрятъ ли и теперь въ его чудодѣйственную силу, но кругомъ его зелень такъ свѣжа, свѣсившіяся надъ нимъ вѣтви большихъ деревьевъ шумятъ такъ привѣтливо, что ни одинъ путникъ не пройдетъ мимо, не наполнивъ своей кружки нѣсколько разъ благодѣтельной влагой, а проѣзжій непремѣнно напоитъ свѣтлой водой своихъ усталыхъ лошадей. Хотя наши лошади еще не устали, но кучеръ не только напоилъ ихъ всѣхъ, но, поочередно, окатилъ каждую изъ нихъ холодной водой, потомъ напившись самъ, взлѣзъ на козлы и погналъ свою мокрую тройку, въ галопъ, до самой Никиты и по всей деревнѣ, такъ что испуганные татарчата, игравшіе на улицѣ, отбѣгали въ сторону, взвизгивая отъ страха. Никита, послѣдняя татарская деревня на шоссе, окружена густыми деревьями; за нею природа становится бѣднѣе и по дорогѣ встрѣчаются, на разстояніи почти двухъ верстъ, преимущественно, одни можжевеловыя деревья. Деревня Никита, судя по остаткамъ бывшаго укрѣпленія на Никитскомъ мысу и церкви, обращенной нынѣ въ мечеть, была обитаема въ глубокой древности. Здѣсь, предпола-

гаютъ, существовалъ, еще въ XV вѣкѣ, греко-византійскій городъ *Сикита*, который потомъ былъ названъ Никитою; но нѣкоторые утверждаютъ, что древнее названіе ошибка писца и что городъ и поселеніе всегда носили названіе Никиты. Отъ почтовой станціи Ай-Даниль, до самаго Гурзуфа, идетъ опять густая растительность дикихъ кустарниковъ и деревъ, а ближе къ берегу виднѣются помѣщичьи домики и виноградники. Гурзуфъ расположенъ на покатости горы, вдающейся въ море скалистыми оконечностями; съ шоссе замѣтны только отдѣльный утесъ, на которомъ неясно рисуются остатки древней крѣпости, домики обширной татарской деревни, расположенной длиннымъ полукругомъ, испещреннымъ садами, виноградниками, разбросанными утесами и большими камнями, скатившимися съ хребта горъ. Нѣсколько утесовъ скатилось въ море и два изъ нихъ стоятъ отдѣльными островками и высоко подымаются надъ волнами. Вокругъ нихъ разливается синее, спокойное море, замыкаемое съ одной стороны горой Аю-Дагомъ, которую, въ эту минуту, освѣщало золотымъ блескомъ заходящее солнце. Налѣво отъ шоссе, съ сѣверо-востока, долина защищена хребтомъ Яйлы, покрытымъ, на высотахъ густымъ, сосновымъ лѣсомъ. Мѣстами, вблизи самой дороги, выдаются темныя, шиферныя скалы; онѣ совершенно голы и гладки, какъ исполинскія аспидныя доски. Шоссе безпрестанно, то спускается въ оврагъ, то опять подымается на гору. Черезъ быстрые, горные ручьи, черезъ шумящіе рѣчки, перекинуты, такъ называемые римскіе мосты, заимствованные римлянами у грековъ и построенные здѣсь ихъ потомками, во всей своей первобытной изящной про-

стотѣ. За Гурзуфомъ всюду по долинѣ и у подошвы горнаго хребта, разбросаны каменныя массы, цѣлыя груды скалъ, отдѣльные утесы, какъ напримѣръ: *Кизилъ ташъ* (красный камень), давшій свое названіе татарскому селенію, расположенному у его подножія. Проѣзжая по Гурзуфской долинѣ, любуясь грандіозностью этой горной картины, вглядываясь, до утомленія, въ странныя и прихотливыя очертанія окружающихъ меня утесовъ и скалъ, я невольно повторила слова ученаго геолога *), бывшаго когда то на Крымскомъ полуостровѣ: Une montagne fracassée a semé le sol de ses débris et jusqu'au delà d'Oursouf l'on marche au milieu d'un chaos. Отъ Гурзуфа до Артека, ѣзды немного болѣе часа, такъ что мы свернувъ съ шоссе направо, подъѣхали къ воротамъ Артека, у подошвы Аю-Дага, когда еще было свѣтло. Проѣхавъ мимо виноградника и дома г. Кирьакова, мы стали спускаться, по весьма крутой, натуральной дорогѣ, къ строеніямъ Артека, расположеннымъ на полугорѣ, между большой дорогой и моремъ. Они были замѣтны отъ самаго Гурзуфа, какъ бѣлыя точки, въ растилающемся кругомъ ихъ морѣ густой зелени; но по мѣрѣ того, какъ мы къ нему приближались, Артекъ все болѣе и болѣе скрывался въ своемъ непроницаемомъ, изумрудномъ оазѣ и наконецъ совершенно изчезъ изъ нашихъ глазъ. Дорога, хотя недавно исправленная, была мѣстами изрыта и кучеръ опасаясь за цѣлость своей коляски, а можетъ быть, боясь, что не сдержитъ своей тройки, на крутыхъ поворотахъ и спускахъ, предложилъ намъ пройтиться пѣш-

---

*) Дюбуа де Монпере.

комъ, привязалъ третью лошадь сзади экипажа и сталъ спускаться на парѣ, проклиная живописныя мѣстности, въ видѣ косогоровъ, прорытыхъ канавокъ и проч. Но я была въ восхищеніи. Мы шли густымъ лѣсомъ, наполненнымъ всевозможными деревьями; около дороги росли кустарники дикихъ розъ, терновника, кизиля; за ними виднѣлись огромные сѣрые, красноватые камни, заросшіе плющемъ; плющъ обвивалъ стволы деревьевъ и падалъ безконечными гирляндами, то на зеленую траву, то на темную землю, перекидывался причудливыми фестонами, съ одной стороны дороги на другую, устраивая намъ воздушныя бесѣдки и зеленыя арки. Мнѣ казалось, что это первобытный лѣсъ Америки, что эти дубы, буки и ясени огромныя деревья новаго свѣта, что эти темные плющи гибкія ліаны, пестрыя орхидеи. И подъ этимъ впечатлѣніемъ, я быстро шла впередъ, пока, на одномъ поворотѣ, не открылась предо мной новая, еще прелестнѣйшая картина. Я стояла на довольно широкой площадкѣ, окаймленной буксами, низкорослыми лаврами, кустами розъ; за ними террасами спускались виноградники, виднѣлись разбросанные по лугу кипарисы и другія деревья, возвышалась на высокомъ холмѣ изящная бесѣдка, а за ней, далеко, далеко, разстилалось безбрежное, розовое море. Я прожила въ Артекѣ цѣлый мѣсяцъ, но ни разу не видала моря съ такимъ краснымъ отблескомъ заходившаго солнца. Оно уже давно скрылось за Яйлой, но какой нибудь запоздалый лучъ окрасилъ этимъ прелестнымъ розовымъ отливомъ море и бѣлое облачко, висѣвшее надъ нимъ. Я все еще стояла неподвижно на томъ же мѣстѣ. Розовое освѣщеніе, мало по малу,

стало изчезать, начали набѣгать вечернія тѣни; надъ Аю Дагомъ свѣтлой полосой забѣлѣло небо; это былъ предвѣстникъ восходящей луны. За спиной послышался стукъ колесъ, я обернулась. Передо мной былъ домъ Гг. Первушиныхъ, нынѣшнихъ владѣтелей Артека. Домъ не великъ, но весь обвитъ зеленью. Плющи, глициніи, колокольчики, розы, всѣхъ возможныхъ сортовъ, обвиваютъ его, лѣзутъ на крышу спускаются, разноцвѣтными гирляндами, на близь стоящую мимозу и перемѣшиваются съ огромными кистями винограда. Около дома, рядъ темныхъ кипарисовъ, нѣсколько магнолій, павлоніи, мимозы; за ними гора, вся покрытая лѣсомъ; у подножія горы, въ десяти шагахъ отъ дома, прелестная маленькая, деревянная церковь, покрытая изумрудной сѣткой плюща и вьющихся розъ разныхъ сортовъ и колеровъ. Передъ церковью, клумбы штамбовыхъ розъ и другихъ растеній и большая магнолія; подъ ней стоитъ скамейка и вблизи, въ тѣни арбутуса и платана, окруженный померанцовыми и апельсинными деревьями, въ кадкахъ, съ зеленымъ балкономъ, обвитый плющами и розами, домикъ, гдѣ мнѣ была приготовлена комната. Управляющій имѣніемъ г. В., очень предупредительно, приглашаетъ меня взойти въ мое новое жилище и я воцаряюсь, на цѣлый мѣсяцъ, въ этомъ эдемѣ, въ этомъ земномъ раю, недаромъ названномъ греками *Артекъ* или *Кардіогриколъ*, что значитъ утѣшеніе сердца.

Артекъ.

На другой день по пріѣздѣ, я проснулась довольно рано и вышла, на выдающуюся надъ виноградникомъ

террасу противъ моего дома. Солнце уже золотило верхушки Яйлы и Аю Дага и начинало обогрѣвать нижнюю долину, еще покрытую росой; виноградники уже были облиты его лучами и широкіе, мокрые листъя, подъ которыми прятались незрѣлыя, темно синія и желтыя кисти винограда, быстро высыхали и распространяли кругомъ очень сильный запахъ. Его доносилъ до меня утренній вѣтерокъ, пробѣгающій легкой зыбью по тихому морю и нагоняющій на отроги горъ, спускающихся обнаженными скалами, къ самому берегу, прозрачныя, бѣлыя тучки. По прямой линіи, море разстилалось и изчезало въ безконечной дали. Болѣе четырехъ сотъ верстъ отдѣляло меня отъ азіатскаго берега, но сѣрыя тучи подымались изъ водъ сизымъ туманомъ и, принимая фантастическія формы, казались мнѣ то далекимъ берегомъ, покрытымъ лѣсомъ, то цѣпью горъ, съ бѣлыми, снѣжными вершинами. А между тѣмъ съ настоящими горами, стоявшими за мной гигантскими уступами, совершалась странная метаморфоза. Вершины Яйлы, Ай-Даниля и другихъ высокихъ горъ, только что освѣщенныя сверкающими лучами солнца, окутывались постепенно бѣлыми облаками; съ моря подымались, длинными полосами, туманныя, водянистыя массы, то сѣроватыхъ оттѣнковъ, то отражающія солнце, какъ блѣдныя радуги и вся эта вереница облачковъ, тучекъ, прозрачныхъ тумановъ лѣзла на горы, стелилась по зеленымъ покатостямъ, по обнаженнымъ утесамъ, до самыхъ вершинъ хребта, пока, наконецъ, она не скрыла ихъ совершенно въ густой, непроницаемой мглѣ. Я знала, что это предвѣщаетъ дурную погоду. Когда мы выѣзжали изъ Севастополя, нашъ ямщикъ,

указывая на хребетъ Яйлы, увѣнчанный тучами, говорилъ намъ, что на южномъ берегу будетъ дождикъ непремѣнно. До сихъ поръ его предсказаніе не сбылось. а дождя желали всѣ, особенно для виноградниковъ, которыхъ въ Крыму не поливаютъ; поливка же табачныхъ плантацій и прочихъ растеній производится посредствомъ орошенія; то есть вода проводится изъ горъ по прорытымъ канавкамъ. Въ Артекѣ, по крайней мѣрѣ, это производится слѣдующимъ образомъ: три дня въ недѣлю, вода принадлежитъ Артекской экономіи, то есть течетъ съ шумомъ, очень пріятнымъ, точно журчанье ручья, по всѣмъ направленіямъ дачи, черезъ довольно глубокія канавки; три остальные дня, она принадлежитъ сосѣдней экономіи, а воскресенье и всѣ ночи, вода принадлежитъ Татарамъ, окружающихъ селеній. Но они недовольствуются этимъ распредѣленіемъ; занимаясь, почти исключительно, табачными плантаціями, для которыхъ нужно много воды, они часто отнимаютъ и днемъ воду у своихъ сосѣдей, изъ чего конечно возникаютъ ссоры, подлежащія судебному разбирательству. Но пока владѣльцы садовъ и имѣній жалуются на нихъ судебнымъ порядкомъ, эти дѣти природы мало заботятся о наложеніи на нихъ штрафа, въ 2-ва или 3-ри рубля; они спасаютъ, отъ засухи, дорогой свой табакъ и вполнѣ увѣрены, что если русскіе отняли у нихъ лучшія земли, они не имѣютъ, ни малѣйшаго права, на ихъ воду, вытекающую изъ ихъ родной Яйлы.

Вообще отношенія татаръ къ русскимъ, хотя и не враждебны, но не вполнѣ дружелюбны. Мнѣ кажется, что они часто вспоминаютъ, съ грустью, свою прежнюю жизнь и то приволье, которымъ они пользовались до

присоединенія Крыма къ Россіи. Если судить безпристрастно, надо признаться, что русская колонизація Таврическаго полуострова не принесла ему большихъ выгодъ и не сдѣлала его обитателей ни счастливѣе, ни богаче. Этотъ благодатный край, обладающій прекраснымъ климатомъ, плодородной почвой, всѣми удобствами морскаго сообщенія, съ незапамятныхъ временъ привлекалъ къ себѣ массы переселенцевъ изъ Греціи, Рима, Венеціи и Генуи и скоро сталъ житницею древняго міра. На берегахъ Чернаго моря стали возникать поселенія, росли города, устраивались гавани, вмѣщавшія въ себѣ корабли всѣхъ тогда извѣстныхъ народовъ. Херсонесъ, Чембало, Кафа, Пантикапея, Судакъ, или тогдашняя Солдайя, блистали роскошью и богатствомъ. Эти великія торжища азіатскаго востока и европейскаго запада, куда привозились, изъ лѣсовъ Сибири пушной товаръ, изъ Персіи и Индіи пряности и драгоцѣнныя, шелковыя ткани, были украшены великолѣпными зданіями и храмами, водопроводами, банями и изящными фонтанами. Вскорѣ эти приморскіе города сдѣлались приманкой для хищниковъ, предметомъ ихъ зависти и безпрестанныхъ распрей; но переходя отъ однихъ властителей къ другимъ, Таврида продолжала быть все также цвѣтущей и благодатной. Земля, все также щедро, вознаграждала труды земледѣльца, торговля процвѣтала и даже, подъ владычествомъ Турокъ, Крымъ продолжалъ быть богатымъ и многолюднымъ. Только, со времени присоединенія его къ Россіи, онъ сталъ видимо пустѣть; выселеніе Грековъ къ Азовскому морю, Ногайцевъ въ Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды, южнобережныхъ татаръ въ горы и наконецъ въ

1865 году послѣднее переселеніе ихъ въ Турцію, въ количествѣ почти 100,000 душъ, нанесло окончательный ударъ промышленности и благосостоянію края, гдѣ не смотря на призванныхъ потомъ колонистовъ нѣмцевъ и чеховъ, очень много пустопорожнихъ и запущенныхъ земель. Цвѣтущія колоніи и богатые города древности, замѣнились теперь жалкими развалинами, или ничтожными уѣздными городами, отличающимися отъ прочихъ уѣздныхъ городовъ Россіи только прелестью горной природы, чарующимъ видомъ моря и разстилающимся надъ ними синимъ, южномъ небомъ. Что же касается населенія, то и на него сближеніе съ русскими не повліяло благодѣтельно. Русская культура. если коснулась татарина, то испортила его, какъ напримѣръ въ Ялтѣ. Бахчисараѣ и прочихъ городахъ Крыма, гдѣ на каждомъ шагу, прелесть и поэзія востока уступаютъ мѣсто пошлости и нравственной порчѣ нашихъ торговыхъ центровъ и гдѣ татаринъ утрачиваетъ съ каждымъ днемъ свои патріархальные обычаи, образъ жизни, гостепріимство, вѣжливость, благородную гордость и сознаніе личнаго достоинства. Этотъ типъ встрѣчается теперь только въ горахъ, въ мало доступныхъ селеніяхъ, гдѣ его ревниво берегутъ татарскіе муллы, усердные блюстители закона Магомета, питающіе фанатическую ненависть къ христіанамъ, опасаясь особенно сближенія татарскихъ женъ съ христіанками. Въ этомъ отношеніи ихъ опасенія напрасны; русскіе не заражены духомъ пропаганды. Крымское же духовенство особенно относится весьма равнодушно, не только къ обращенію татаръ въ христіанскую вѣру. но даже и къ своей православной

паствѣ, такъ что бѣднымъ русскимъ рабочимъ, заброшеннымъ, какими бы то ни было обстоятельствами въ Крымъ, а особенно ихъ несчастнымъ дѣтямъ, рѣдко приходится слышать слово Божіе. Въ Крыму, русскіе пришельцы живутъ изо дня въ день, не зная ни праздниковъ, ни постовъ и помня воскресенье и праздничные дни только потому, что работы въ экономіяхъ въ эти дни прекращаются и они могутъ прогулять тяжко добытыя ими деньги въ теченіи недѣли, въ трактирахъ и тому подобныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Что же сдѣлано до сихъ поръ Россіей для Крыма, въ продолженіи ея столѣтняго владычества? Вскорѣ послѣ его присоединенія къ русскимъ владѣніямъ, богачи и вельможи стали пріобрѣтать земли на южномъ берегу, скупали ихъ у татаръ за баснословно дешевыя цѣны и устроивали на нихъ роскошнѣйшія виллы и дачи. Во время управленія Новороссійскаго края герцогомъ де-Ришелье и потомъ княземъ Воронцовымъ, много было потрачено денегъ и трудовъ, для устройства садовства въ большихъ размѣрахъ, правильной культуры винограда и развитія винодѣлія, но собственно для обогащенія края, для поощренія всякаго рода торговли и промышленности, для разумной обработки плодородной почвы, ничего не предпринято, до сихъ поръ, и не смотря на прелесть и величіе природы, на обаяніе южнаго климата и красоты горныхъ видовъ и морскаго берега, Крымъ, на каждомъ шагу, непріятно поражаетъ рѣзкими противуположностями; съ одной стороны роскошь и увеселительные парки, съ другой бѣдность, доходящая до нищеты безземельнаго русскаго населенія, постепенное обѣднѣніе татаръ

и цѣлые участки земель, истощенные, или даже совсѣмъ необработанные.

Вотъ мысли, которыя не рѣдко приходили мнѣ въ голову во время моей четырехъ-недѣльной жизни въ Артекѣ. Въ первые дни послѣ моего пріѣзда, я вполнѣ поддалась обаянію южной природы. По цѣлымъ часамъ, сидя на скамьѣ подъ магноліей, или полулежала у открытаго окна моей комнаты, я глядѣла на разноцвѣтныя горы, на темныя верхушки кипарисовъ, на зелень лавровъ, на свѣтлое, безконечное море, на голубое, почти синее небо; дышала полной грудью живительнымъ, горнымъ воздухомъ; прислушивалась къ мѣрному раскату морскихъ валовъ, когда море было бурно и къ тихому плеску волны о берегъ, когда оно было спокойно. Я скоро привыкла къ полуденной лѣни, наслаждалась полнымъ far niente и только всякій день утромъ ходила купаться. Отъ нашего домика до морскаго берега было около версты; дорога шла зигзагами, по тѣнистымъ дорожкамъ парка; но въ одномъ мѣстѣ надо было пройти по большому открытому лугу и тутъ солнце жгло такъ немилосердно, что я съ трудомъ достигла бесѣдки, о которой упоминала выше. Она стоитъ высоко надъ моремъ, на холмѣ, покрытомъ заброшенными виноградниками, къ ней пролегаетъ торная дорожка, а кругомъ ростутъ кипарисы, дающіе густую, непроницаемую тѣнь. Въ самой бесѣдкѣ всегда прохладно, она вся сквозная, на легкихъ колоннахъ, осьмиугольная, съ высокимъ круглымъ куполомъ, съ скамейками вдоль рѣшетчатыхъ стѣнъ, по которымъ должны были разстилаться вьющіяся растенія; но растеній не было и сквозь рѣшетки дулъ постоянно свѣжій, морской вѣтеръ. Видъ

изъ этой бесѣдки поражаетъ своимъ величіемъ и обширностью. Когда бываетъ ясно, вдали синѣетъ зубчатая вершина Ай-Петри, до котораго считаютъ около 40 верстъ и кончикъ Ай-Тодорскаго мыса. Ближе видна Гурзуфская скала, съ ея древнимъ укрѣпленіемъ, рядъ тополей Гурзуфскаго парка, окаймляющій берегъ моря, изрѣзанный извилинами и глубокими, маленькими заливами. Выше пестрѣютъ крыши домиковъ дачъ г. Гашера, кн. Голицыной и гр. Строгоновой; ихъ окружаютъ виноградники, фруктовые сады, среди которыхъ, стрѣльчатыми башенками, возвышаются темные кипарисы и высокіе, пирамидальные тополи; за ними, сплошными массами, тянутся виноградники до подножія Яйлы и ея отроговъ, завершая картину рядомъ высокихъ, сѣрыхъ скалъ. На первомъ планѣ, тонутъ въ густой зелени парка домики Артека; правѣе, бѣлѣетъ дачка г. Кирьякова и прямо надъ ней возвышается гигантскій Аю Дагъ. Въ этомъ близкомъ разстояніи, онъ совершенно теряетъ форму лежащаго медвѣдя, которую имѣетъ издали, и не оправдываетъ перевода татарскаго названія Аю-Дагъ—Медвѣдь-Гора. Впрочемъ многіе утверждаютъ, что этотъ переводъ не правиленъ и что Аю-Дагъ значитъ — Святая-Гора. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что на Аю-Дагѣ находятся развалины и фундаменты старыхъ храмовъ и что это названіе придавалось многимъ мѣстностямъ въ Крыму, какъ напримѣръ Ай-Бурунъ—святой мысъ и другіе. Съ этой стороны Аю-Дагъ представляетъ обрывистыя скалы, взгроможденныя въ безпорядкѣ надъ прямой, широкой осыпью, какъ надъ парапетомъ, и спускается постепенно голыми, острыми уступами до самаго моря. На

вершинѣ горы ростетъ большой лѣсъ, но снизу онъ кажется бурьяномъ, или самымъ мелкимъ кустарникомъ. По самой горѣ виднѣются зеленыя мѣста; это также дубовыя и ясеневыя деревья, растущія въ изобиліи по всему склону. Между ними лежатъ громадныя, сѣрыя скалы; одна изъ нихъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, скатилась съ вершины Аю-Дага и, достигнувъ половины горы, попала въ лощину, гдѣ и остановилась, надо надѣяться, на вѣки, такъ какъ своимъ паденіемъ она разрушила бы, до основанія, прекрасный винный подвалъ Артекской экономіи, построенный у самаго подножія Аю Дага и подвергшійся тогда страшной опасности. Подошву исполинской горы омываетъ вѣчно шумящее море; тутъ оно почти никогда не бываетъ спокойно, и мнѣ только одинъ разъ, и то съ высокой скалы близъ Гурзуфа, пришлось видѣть прелестную картину: Аю-Дагъ, со всѣми его разноцвѣтными скалами и утесами, и весь берегъ Артека, отражаемые въ морѣ, какъ въ громадномъ зеркалѣ. Обыкновенно, морская волна здѣсь постоянно бьетъ объ гранитъ утесовъ, разбиваясь около нихъ бѣлой, шумящей пѣной, и лодки далеко объѣзжаютъ этотъ опасный мысъ.

Вотъ величественная картина, которой я любовалась всякій день, идя купаться и возвращаясь домой. Удивительно ли, что я засиживалась, по цѣлымъ часамъ, на ступенькахъ бесѣдки, или ниже, близъ самого моря, въ тѣни кипарисовой рощи, уносясь мыслію вдаль, по морю, за дымкомъ парохода, или за бѣлымъ парусомъ рыбачьей лодки, чуть-чуть замѣтной на горизонтѣ. А когда море было слишкомъ бурно, чтобы купаться, не было-ли наслажденіемъ, опершись на перильца балкона ниж-

няго домика, также принадлежащаго Артекской экономіи и стоявшаго у самого берега, вслушиваться въ оглушающее рокотанье волнъ, вглядываться въ набѣгающіе, зеленоватые гребешки, по всей поверхности расходившагося моря, слѣдить за ихъ соединеніемъ съ пѣнистыми, бѣлыми волнами, считать валы, разбивающіеся съ шумомъ о каменистый берегъ и дожидаться девятаго, всегда, самаго грознаго и сердитаго. Иногда море казалось неподвижно; оно было темно-синяго цвѣта и только у берега и около двухъ каменныхъ утесовъ, возвышающихся посреди водъ отдѣльными, скалистыми островками, волны пѣнились узкой, серебристой полосой, шурша голышами каменистаго берега.

Были дни дождливые. Тогда Яйла и Аю-Дагъ закутывались въ непроницаемый туманъ; море принимало свинцовый цвѣтъ, по небу быстро неслись густыя, темныя тучи; казалось дождь пошелъ на цѣлый день. Но вдругъ съ моря потянетъ вѣтерокъ, или между горъ проглянетъ лучъ жгучаго солнца, среди тучъ засинѣетъ кусочекъ неба,—и таютъ туманы на высокихъ горахъ, скользятъ сѣрыя тучи, длинной вереницей, по скалистымъ уступамъ, по зеленымъ склонамъ и спускаются въ глубокія ущелья, въ темныя разщелины горъ, а солнце катится огненнымъ шаромъ по южному небу, сверкаетъ въ каждой волнѣ свѣтлаго моря, блеститъ на мокрыхъ листьяхъ деревъ и виноградниковъ, отражается въ каждой дождевой каплѣ. И опять въ природѣ все весело, все празднично, все прекрасно; лѣсъ оживаетъ, розы и лавры благоухаютъ, кузнечики выводятъ свои оглушительныя трели, свѣтлокрылыя стрекозы и пестрыя бабочки порхаютъ другъ за другомъ, надъ зеленой лужайкой.

А лунныя ночи? Что может сравниться съ ними.— Луны еще не видать, она скрывается за вершиною Аю-Дага, но море уже освѣщено ея свѣтомъ; она сверкаетъ фосфорическимъ блескомъ, и если, въ это время, прокатиться на лодкѣ, каждый ударъ весла оставляетъ за собой свѣтящійся слѣдъ и осыпаетъ васъ золотымъ дождемъ блестящихъ искръ. Но луна постепенно подымается и освѣщаетъ наконецъ всю окрестность своимъ мягкимъ, теплымъ свѣтомъ; тѣни окружающихъ горъ выдаются еще рѣзче, еще темнѣе, чѣмъ днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, а тихое море спитъ сладкимъ сномъ, отражая въ своихъ волнахъ безконечнымъ, золотымъ столбомъ свѣтлую царицу южной ночи.

Взбушевалося Черное море,
Валъ сердитый за валомъ бѣжитъ
И, гуляя себѣ на просторѣ,
Потемнѣвшее море бурлитъ.

И на берегъ, какъ звѣрь разъяренный,
За волною несется волна
И утеса хребетъ обнаженный
Наконецъ достигаетъ она.

Кипарисовъ высокихъ коренья
Пѣной бѣлой она обдаетъ
И, швыряя на берегъ каменья,
За собой снова въ бездну влечетъ.

Вдругъ, съ зубчатой скалы Аю-Дага,
Выплываетъ луны свѣтлый кругъ,
Освѣщаетъ лѣсокъ у оврага
И всѣ темныя балки вокругъ.

И все выше, надъ темной горою,
Въ синемъ небѣ сверкаетъ луна
И огромной, златой полосою
Отражается въ море она.

И какъ будто волшебною силой,
Вдругъ стихая, морской валъ бѣжитъ
И, плескаясь о берегъ унылый,
Голышами чуть слышно шуршитъ....

Засыпаетъ сердитое море,
Чуть колышется мощная грудь,
И въ синѣющемъ, дальнемъ просторѣ
Волны сами готовы заснуть.

И всю ночь ту, на небѣ высокомъ,
Яркимъ свѣтомъ блистала луна,
Точно въ морѣ безбрежномъ, глубокомъ
Она радость и счастье нашла.

Незамѣтно проходили дни за днями въ прогулкахъ по тѣнистому парку. Каждый день, я болѣе знакомилась съ красотами Артека и каждый день, мнѣ становилась непріятнѣе мысль разстаться съ нимъ. Любимой моей прогулкой былъ запущенный садъ, разведенный бывшимъ владѣтелемъ А. М. Потемкинымъ, подъ самымъ Аю-Дагомъ. Въ немъ еще встрѣчались одичалыя персиковыя и миндальныя деревья, смоковницы и кусты розъ; все остальное находится въ полнѣйшемъ запустѣніи, но по нѣкоторымъ признакамъ, по спускающемуся къ морю террасами и обрывами берегу, можно было судить о прелести этого уголка, защищеннаго отъ вѣтра, съ чуднымъ видомъ на море, когда въ немъ были аллеи бѣлыхъ акацій, клумбы рѣдкихъ цвѣтовъ, бесѣдки

жимолости и жасмина, расчищенныя дорожки, обсаженныя всевозможными декоративными растеніями, журчащіе фонтаны и свѣтлые, быстрые ручьи. Судя по этому одичалому саду, Потемкины обладали эстетическимъ вкусомъ и умѣли выбирать самыя лучшія мѣста въ своемъ имѣніи, гдѣ устраивали павильоны, бесѣдки, ротонды и ставили скамьи для отдыха и наслажденія живописными окрестностями Артека, великолѣпной панорамой открытаго моря съ зеленѣющими берегами и величественными горами, служащими темнымъ фономъ этой грандіозной картины. Теперь въ этомъ заброшенномъ саду ходить очень трудно, горная тропинка круто вьется среди осколковъ гранита и діорита темнозеленаго цвѣта, цѣпкихъ кустарниковъ терновника, кизиля, шиповника и массой вьющихся плющей и другихъ ползучихъ растеній, обвивающихъ стволы деревьевъ, какъ настоящія ліаны новаго свѣта. Здѣсь плющи имѣютъ такую силу растительности, что они въ нѣсколько лѣтъ засушиваютъ большія деревья и часто обнаженный дубъ или ясенъ обязанъ своей преждевременной смертью изумруднымъ гирляндамъ, такъ красиво но предательски, его обвивающаго плюща. Съ этой стороны взобраться на Аю-Дагъ невозможно; онъ доступенъ только со стороны Партенита, по тропинкѣ, ведущей на самую вершину горы, вышиной въ 274 сажени надъ уровнемъ моря. Тамъ еще видны остатки обширнаго укрѣпленія и стѣны расположенной по склону горы. Предполагаютъ, что эти развалины принадлежали греческому городу Партениту, построенному у подошвы Аю-Дага, съ лѣвой стороны, и давшему свое имя нынѣшней татарской деревушкѣ и окружающей ее мѣстности.

Здѣсь, въ 1871 году былъ найденъ фундаментъ древняго храма и плита съ греческой надписью, изъ которой видно, что этотъ храмъ былъ построенъ при готѳскомъ архіепископѣ Іоаннѣ, родившемся и жившемъ въ Партенитѣ въ VIII вѣкѣ и возобновленъ въ XV вѣкѣ. Въ самомъ Артекѣ, говорятъ, также существуютъ остатки древней греческой церкви и слѣды большаго населенія, но я видѣла въ заброшенномъ саду, гдѣ, какъ предполагаютъ они должны находиться, только однѣ большія каменныя плиты и подъ ними, въ углубленіяхъ, человѣческія кости. Въ самомъ Артекѣ теперь нѣтъ жителей, кромѣ служащихъ при экономіи гг. Первушиныхъ и наемныхъ рабочихъ, большею частію русскихъ, но въ шести верстахъ, недалеко отъ шоссе, находится богатая, большая деревня Кизилташъ, о которой я уже говорила выше; въ ней, также какъ и въ Гурзуфѣ можно достать все необходимое для жизни т. е. баранины, куръ, яицъ, очень плохое молоко, виноградъ, фрукты. Овощей совсѣмъ нѣтъ; ихъ нужно покупать въ Ялтѣ, или имѣть свой огородъ, какъ въ Артекѣ; хлѣбъ бѣлый также мнѣ привозили изъ Ялты, ситный же пекли у управляющаго, у котораго мнѣ и моей спутницѣ готовили очень изрядный столъ за 45 руб. въ мѣсяцъ. За свою комнату я заплатила 30 руб., но съ будущей весны будутъ отдаваться внаймы, на все лѣто, цѣлый домикъ на берегу моря, кажется, за 150 руб. очень помѣстительный и удобно расположенный. Одинъ недостатокъ Артека—трудность имѣть экипажъ. Нужно за нимъ посылать въ Ялту, что конечно и затруднительно и дорого, а далеко ходить пѣшкомъ утомительно. Только что выйдешь изъ парка, съ одной

стороны по берегу моря каменистая, неудобная тропинка ведетъ къ Суукъ-Су (холодная вода) имѣніе кн. Голицыной, и далѣе въ татарскую деревню Гурзуфъ, а съ другой, черезъ лѣсныя дорожки, мимо дачи г. Винера можно пробраться въ Кизилташъ и въ другую татарскую деревню Куркулетъ. Она отъ Артека верстахъ въ трехъ и очень живописно раскинута по склону горы, по старому почтовому тракту изъ Партенита въ Ялту. До нея мы шли пѣшкомъ, перепрыгивали нѣсколько разъ черезъ горную рѣчку по камнямъ и взбирались по крутизнѣ, мимо тѣнистыхъ татарскихъ садовъ. Куркулетъ, какъ всѣ татарскія деревни, построенъ амфитеатромъ на довольно высокой горѣ, такъ что домики высятся одинъ надъ другимъ террасами. Они всѣ построены изъ камня, выбѣлены и съ плоскими крышами. Снаружи, дома эти имѣютъ жалкій видъ, но когда, по приглашенію одного татарина, знакомаго г. В.—, мы вошли къ нему въ домъ, я была удивлена аккуратностью и чистотой этого сельскаго жилища. По обыкновенію, домикъ фасадомъ былъ обращенъ къ югу; съ длиннаго деревяннаго балкона, служащаго и навѣсомъ для входа въ нижній этажъ, открывался обширный видъ на море, на Аю-Дагъ и на спускающіеся къ морскому берегу сады и виноградники. Вы взошли, по довольно крутой деревянной лѣстницѣ, во второй этажъ и остановились на балконѣ, въ углу котораго было устроено возвышеніе, обитое черными войлоками, съ широкими шерстяными тюфяками и большими подушками вокругъ стѣнъ. Хозяинъ попросилъ насъ тутъ отдохнуть и отправился во внутренность дома. Вскорѣ онъ возвратился съ очень полной, еще не старой жен-

щиной и двумя красивыми дѣвушками безъ покрываловъ *). Это были его жена и старшія дочери; онѣ всѣ поочередно обнимали сестру жены г. В. и меня, а г. В. кланялись конечно молча; онѣ не только не говорили ни одного слова по русски, но ничего не понимали изъ нашего разговора съ хозяиномъ и только привѣтливо намъ улыбались, перекидываясь между собой въ полголоса какими-то пѣвучими словами. Хозяинъ намъ объяснилъ, что это его единственная жена, что у него 14-ть человѣкъ дѣтей, что старшая дочь его замужемъ въ Гурзуфѣ, что сыновья работаютъ гдѣ-то по сосѣдству и что это его дочери-невѣсты. На ступеняхъ лѣстницы играли его маленькія дѣти, а старшимъ онъ приказалъ приготовить намъ кофе и фрукты. Эти дѣвушки замѣчательно красивы. Ихъ пестрые, ситцевые бешметы были плотно застегнуты на груди серебряными запястьями съ чернью; такой же широкій поясъ стягивалъ ихъ стройную талію; на шеѣ висѣли серебряныя цѣпочки, въ ушахъ длинныя серебряныя серьги; волосы, обыкновенно мелко заплетенные, были расплетены въ этотъ вечеръ, ради праздника байрама, и темными массами падали до плечъ; брови были насурмлены, а около глазъ была видна легкая подрисовка, но глядя на эти благородныя, правильныя лица, на гибкій, граціозный станъ молодыхъ татарокъ, на ихъ миніатюр-

*) Южнобережскія женщины надѣваютъ покрывала на улицѣ и въ дорогѣ, а дома онѣ показываются иновѣрцамъ съ открытымъ лицомъ, закутывая себя только для мусульманъ. Дѣвушки же, до замужества, не носятъ никогда покрывала и являются на татарскіе праздники и свадьбы съ распущенными, пушистыми волосами и золотыми шапочками на головѣ.

ныя и красивой формы руки и ноги, нельзя было сомнѣваться, что передъ нами стояли, не дѣти монгольской расы, а потомки древнихъ грековъ жившихъ здѣсь въ глубокой древности и оставившихъ слѣды своего пребыванія, не только въ мертвыхъ развалинахъ древнихъ храмовъ, но и въ живыхъ существахъ, вполнѣ унаслѣдовавшихъ правильную красоту греческаго типа. Вскорѣ дочери хозяина возвратились, что-то сказали матери и мы слѣзли съ возвышенія, на которомъ сидѣли и отправились за хозяевами. Первая комната, въ которую мы вошли, показалась мнѣ очень просторной и довольно темной, такъ какъ окна выходили на крытый балконъ. Полъ былъ гладко смазанъ цвѣтной глиной (свѣтло-желтой), стѣны были убраны цвѣтными войлоками, напротивъ входной двери у стѣны и подъ окнами, тянулись низкіе диваны или тахты, покрытые простыми коврами и обложенные большими подушками, обшитыми разными шерстяными матеріями. Направо у входа, было видно мѣсто печи, теперь пустое и тутъ стояли корзины съ плодами; налѣво отъ входа вся стѣна была занята сундуками, на которыхъ до самаго потолка были наложены, въ большомъ порядкѣ, тюфяки, подушки и шерстяныя одѣяла, предназначенныя только для гостей. Остальное пространство стѣнъ было завѣшано, на протянутыхъ рядами веревочкахъ, полотенцами шитыми у концевъ разноцвѣтными шелками, мишурой и шерстями. Полотенца эти татарами не употребляются, а берегутся, въ видѣ приданаго за дочерьми, которыя ихъ заготовляютъ еще въ дѣтскіе годы. Надъ полотенцами идутъ полки, съ выставленной домашней посудой; на перекладинахъ, или балкахъ, подъ самымъ потолкомъ

рядами разосланы цвѣтные платки и праздничная одежда всего семейства; тутъ же лежитъ священный Коранъ и другія книги такого же рода. Хозяинъ свободно говоритъ по-русски и давно знакомъ съ своими русскими сосѣдями, вблизъ лежащихъ экономіяхъ. Онъ насъ пригласилъ сѣсть на тахты и самъ сѣлъ рядомъ съ нами: жена его сидѣла напротивъ насъ на маленькой скамейкѣ, дочери подвинули намъ низенькіе столики, похожіе на табуретки и принесли кофе, превосходно сваренный по-турецки. Потомъ хозяинъ и хозяйка угощали насъ сливами, фундуками, инджиремъ, а дочери или стояли у входа, или сидѣли на полу на коврѣ, по турецки. Прощаясь съ нами, онѣ опять насъ обнимали и непремѣнно хотѣли, чтобъ мы взяли съ собой цѣлую корзину сливъ. Въ сѣняхъ, хозяйка мнѣ показала два верстака; на одномъ она, съ дочерьми, ткала полотна для рубашекъ, на другомъ полотенце, котораго концы были уже затканы краснымъ и зеленымъ шелкомъ. Я купила себѣ, на память моего посѣщенія Куркулета, два полотенца и возвратилась домой, усталая отъ длинной прогулки, но очень довольная гостепріимствомъ татарина, который насъ проводилъ до конца деревни, съ своей трехълѣтней дѣвочкой на рукахъ. Отличительная черта южнобережскихъ татаръ, это ихъ любовь къ дѣтямъ; у матерей она доходитъ до крайнихъ предѣловъ; я никогда не видала татарской женщины безъ ребенка на рукахъ, котораго она безпрестанно ласкаетъ и цѣлуетъ, но и отцы часто няньчаются съ дѣтьми и вообще татарскія дѣти, почти всегда, прилично одѣты и обуты и видно, что укаждаго изъ нихъ есть своя одежда, своя обувь, своя шапка, а не какъ въ русскихъ

крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ мальчуганъ лѣтъ шести преважно выступаетъ въ дырявомъ отцовскомъ кафтанѣ и въ худыхъ сапогахъ старшаго брата. Куркулетъ довольно большая деревня съ старой мечетью, обсаженная деревьями. Главное занятіе жителей обработка табачныхъ плантацій и виноградниковъ. По дорогѣ, около селенія, мы встрѣтили нѣсколько сжатыхъ полосокъ пшеницы и овса, но видно, что табакъ преобладаетъ, такъ какъ около каждаго домика, на длинныхъ шестахъ, или на перильцахъ галлерей, гирляндами висятъ для просушки темно желтые, табачные листья. Табакъ Гурзуфа и сосѣднихъ мѣстностей извѣстенъ какъ лучшій въ Крыму и мало уступаетъ достоинствомъ настоящему турецкому; что же касается до винограда, то въ Артекѣ всевозможные сорта лучшихъ лозъ, также и въ Гурзуфѣ; въ татарскихъ же деревняхъ воздѣлывается обыкновенный Крымскій виноградъ; онъ не такъ нѣженъ и кислѣе привитыхъ иностранныхъ лозъ и въ продажѣ извѣстенъ подъ именемъ *татарскаго*. Я уже говорила выше, что типъ южнобережскихъ городскихъ татаръ рѣзко отличается, не только отъ татаръ монгольскаго происхожденія, но даже отъ степныхъ крымскихъ татаръ; они стройны, легки и свободны въ своихъ движеніяхъ; лица у нихъ продолговаты, правильны и большей частію красивы. Главное ихъ занятіе заключается въ садовствѣ и табаководствѣ; на своихъ маленькихъ поляхъ, между горами, онѣ сѣютъ ленъ и хлѣбъ, но въ очень небольшомъ количествѣ, а главнымъ образомъ покупаютъ его на базарахъ въ Симферополѣ и другихъ городахъ полуострова. Они держатъ овецъ и коровъ, но не въ изобиліи, по недостатку сѣна и хорошихъ

пастбищъ. Въ гористыхъ мѣстностяхъ татарскія коровы очень типичны; онѣ не велики ростомъ, довольно худы и необыкновенно легки и ловки; мнѣ случилось видѣть, какъ одна изъ нихъ пролѣзала черезъ плетень, передъ которымъ бы задумалась всякая другая и часто, проѣзжая мимо отвѣсныхъ скалъ, изумляешься при видѣ этихъ животныхъ, ищущихъ себѣ травы тамъ, гдѣ едва бы удержалась самая легкая коза. Татарскія лошади также небольшаго роста съ тонкими, крѣпкими ногами; онѣ неоцѣнимы въ горахъ, по своей удивительной способности ходить по скаламъ и крутизнамъ. Съ сѣдоками и даже нагруженныя тяжестью, онѣ ступаютъ медленно и осторожно, по осыпающимся горнымъ тропинкамъ, и никогда не споткнутся, если предоставить ихъ инстинкту. На краю страшной пропасти, крымская лошадь пройдетъ также вѣрно, какъ и по гладкому, широкому шоссе и несчастныхъ случаевъ почти не бываетъ, несмотря на ужасные обрывы, по которымъ безпрестанно взбираются и спускаются любопытные путешественники. Въ полѣ, подъ своимъ хозяиномъ, татарскій конь настоящая картина; вытянувъ шею, распустивъ хвостъ и гриву, мѣрно ударяя о землю звонкими копытами, онъ какъ будто сливается въ одно существо съ своимъ сѣдокомъ и несется съ нимъ, по широкой степи, какъ сынъ вѣтра и пустыни, какъ фантастическій грифонъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашей прогулки въ Куркулетъ, я послала за фаэтономъ въ Ялту и въ девять часовъ утра мы отправились втроемъ г. В., его родственница и я въ Никитскій садъ и оттуда въ Гурзуфъ. Погода была такъ хороша, что я рано утромъ

пила чай на балконѣ въ одномъ пеньюарѣ, хотя это было 29-ое Августа. Но въ Крыму конецъ августа, сентябрь и октябрь самые лучшіе мѣсяцы въ году. Мнѣ же приходилось въ послѣдній разъ наслаждаться южнымъ климатомъ и крымской природой. На другой день я должна была отправиться изъ Артека въ Москву, но не на пароходѣ до Одессы, какъ предполагала прежде, а прямо на Алушту, черезъ горы, въ Симферополь. Въ это послѣднее утро, мнѣ небо показалось необычайно красивымъ; на немъ не было замѣтно ни одной тучки и вершины Яйлы и Аю Дага, противъ обыкновенія, были совершенно безоблачны и рѣзко выступали впередъ, отдѣляясь отъ темно-синей лазури, ихъ окружавшей; море гладкое какъ заркало, отражало каждый утесъ, каждое зеленѣющее пространство огромной горы, опрокинутой въ его недвижныхъ волнахъ съ подножія до самой вершины; берегъ, растилающійся далеко, по обѣимъ сторонамъ Аю-Дага, со своими темными кипарисами, высокими тополями, обрывистыми, сѣрыми скалами, роскошными садами Гурзуфа и сосѣднихъ дачъ, также весь отражался въ морѣ, до мельчайшихъ подробностей. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ прибрежныхъ скалъ, сотни дельфиновъ рѣзвились подъ лучами ослѣпительнаго солнца; они прыгали, кружились на поверхности голубыхъ водъ, разсѣкали волны своими черными хвостами и, догоняя другъ друга, подымали за собой цѣлые фонтаны золотистыхъ струй. Далѣе, море было совершенно спокойно и своей синевой отдѣлялось отъ свѣтлаго неба; на далекомъ горизонтѣ, шли два парохода, а около береговъ развѣвались бѣлые парусы лодочекъ, точно крылья морскихъ чаекъ. Вся эта кар-

тина открылась намъ, какъ только мы въѣхали на высоты Ай Даниля, и она была такъ прелестна, что я постоянно оглядывалась назадъ и не замѣтила, какъ мы доѣхали до деревни Никиты, за которой начинается спускъ къ Никитскому саду и его строеніямъ. Этотъ спускъ превосходное шоссе, перекинутое въ нѣсколькихъ мѣстахъ черезъ глубокіе овраги, по самому краю крутыхъ обрывовъ. Въ одномъ мѣстѣ строители этой замѣчательной дороги провели ее по природному, гранитному мосту, то есть прорыли скалу, сохранивъ только ту часть ея, которая связывала два оврага, надъ глубокой пропастью; этотъ естественный мостъ очень хорошъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ дикому характеру этой скалистой мѣстности. По мѣрѣ того какъ мы спускались, Никитскій садъ, его питомники, оранжареи, училище, домъ директора и прочія строенія становились все больше и яснѣе и съ высоты, на которой мы находились, можно было снять превосходный планъ всей дачи, разстилающейся у нашихъ ногъ. Шоссе спускается на протяженіи почти 3-хъ верстъ безчисленными извилинами до самаго училища. Тутъ мы вышли изъ экипажа и вошли въ садъ, по широкой аллеѣ огромныхъ деревъ, преимущественно хвойныхъ. Они поразили меня громадностью своихъ размѣровъ и разнообразіемъ зеленыхъ вѣтвей всѣхъ формъ и оттѣнковъ. На каждомъ деревѣ ярлыкъ, очень четко написанный, на русскомъ и на латинскомъ языкахъ; но всѣ эти названія, большею частью, были мнѣ совершенно незнакомы и я вынесла изъ этой тѣнистой аллеи (куда солнце не проникало, хотя уже былъ 12-й часъ) неизгладимое впечатлѣніе безпредѣльнаго удивленія и восторга, при видѣ

всѣхъ этихъ кедровъ, кипарисовъ, сосенъ и прочихъ деревъ, мной еще нигдѣ не виданныхъ, въ такомъ количествѣ и въ такихъ размѣрахъ,

Никитскій садъ раздѣленъ на отдѣлы. Въ декоративномъ отдѣлѣ безчисленные экземпляры прелестныхъ арбутусовъ, платановъ, пробковыхъ и другихъ дубовъ, ясеней, тополей, акацій, мимозъ, павлоній, магнолій и пр. и пр. Я замѣтила Іудино дерево (Cercis Siliquastrum) съ круглыми, яркозелеными, вѣчно трясущимися листьями, какъ у нашей осины; Salisburia odiantifolia хвойное дерево съ сросшимися иглами, въ видѣ вѣерообразныхъ листьевъ; нѣсколько Araucaria, Wellingtonia еще очень молодыя, но уже прекрасныя, Tamarix, съ мелкой, перистою зеленью воздушнаго, легкаго строя и Gleditchia, или *Іерусалимскій тернъ*, съ огромными иглами изъ которыхъ, говорятъ, былъ сплетенъ терновый вѣнецъ Спасителя. Очень интереснымъ мнѣ показалось шпалерное отдѣленіе фруктовыхъ деревъ: абрикосовымъ, персиковымъ и другимъ деревьямъ придаются всевозможныя, искусственныя формы, а яблони и груши разстилаются кордономъ, по сторонамъ дороги, какъ у насъ изгороди кратегуса, простой акаціи и другихъ низкорослыхъ кустарниковъ. Говорятъ, что во Франціи шпалерная культура введена во многихъ мѣстностяхъ, не только для сбереженія мѣста, но и какъ единственный и вѣрный способъ для достиженія наибольшей доходности. Изъ шпалернаго отдѣленія мы прошли черезъ большой питомникъ фруктовыхъ деревьевъ; онъ раздѣленъ на правильные квадраты и орошается водой, проведенной изъ бассейна посредствомъ канавокъ, выложенныхъ камнемъ. Выйдя изъ

питомника, мы очутились около дома директора училища и Никитскаго сада. Онъ очень красивой архитектуры, стоитъ на высокомъ мѣстѣ, съ открытымъ видомъ на море и окруженъ цвѣтникомъ и густой зеленью. Около него устроенъ спускъ въ нижнюю часть сада, а надъ спускомъ, на краю крутаго обрыва, поставлены скамейки. Это мѣсто очень живописно и большія деревья даютъ здѣсь непроницаемую тѣнь. Самый спускъ обдѣланъ крупными каменьями и засаженъ множествомъ разнородныхъ растеній и красивыхъ папортниковъ. Внизу ростутъ огромные платаны, чинары, буки и нѣсколько пальмъ. Прямо отъ этихъ пальмъ, къ выходу изъ сада, идетъ дорожка въ цвѣтникъ, гдѣ замѣчательны рощица магнолій, аллея штамбовыхъ розъ, вѣроятно прелестная въ маѣ и іюнѣ, когда розы въ полномъ цвѣту. Очень оригинальны бесѣдка обдѣланная корой пробковаго дерева и гротъ съ фонтаномъ. Оранжерей много; онѣ почти всѣ изъ желѣза и выкрашены бѣлой краской; передъ ними устроенъ бассейнъ съ довольно высокобьющей струей прозрачной, холодной воды. Въ концѣ большой аллеи, черезъ которую мы вошли въ садъ, я полюбовалась ключемъ, вытекающимъ изъ подъ корня огромнаго ясеня; его трудно замѣтить, если не знаешь о его существованіи; онъ весь закрытъ вѣтвями и листьями плюща, который сначала стелется около него густымъ ковромъ, а потомъ обвивая стволъ близь стоящаго ясеня, спускается на землю тяжелыми гирляндами; мы тутъ отдыхали, а въ лиственной бесѣдкѣ, около магноліевой рощицы, полдничали купленными нами въ деревнѣ Никитѣ, превосходными баранками и довольно кислымъ виноградомъ. По саду и по шпалерному от-

дѣленію, водилъ насъ одинъ изъ учениковъ Никитскаго училища, уроженецъ Кавказа. Онъ намъ сообщилъ, что теперь въ училищѣ 50 учениковъ, что курсъ ученія продолжается 6-ть лѣтъ, что кромѣ садоводства и винодѣлія, ихъ учатъ мастерствамъ кузнечному и столярному и что ученики послѣдняго класса, курсъ котораго двухъ-годичный, отпускаются на лѣтніе мѣсяцы на частныя работы и обязаны на пять зимнихъ мѣсяцевъ, съ 1-го Ноября по 1-е Апрѣля, возвращаться въ заведеніе, гдѣ оканчиваютъ курсъ ученія, даютъ отчетъ о тѣхъ знаніяхъ, которыя пріобрѣли внѣ заведенія и получаютъ стипендіи, если вели себя хорошо и успѣшно занимались предподаваемыми имъ предметами. Въ Артекѣ, я видѣла одного изъ этихъ молодыхъ людей и часто, возвращаясь домой вечеромъ съ прогулки, слышала какъ онъ въ своей комнаткѣ громко читалъ; до меня долетали иногда мудреныя, латинскія названія; онъ вѣроятно готовился по вечерамъ къ предстоящему испытанію, а днемъ неутомимо работалъ, то въ паркѣ, то въ цвѣтникѣ около клумбъ, то въ огородѣ, или въ разсадникѣ молодыхъ деревьевъ. Управляющій отзывался съ похвалой о молодомъ практикантѣ и мнѣ кажется, что эта мѣра пріучать молодыхъ людей къ самостоятельной дѣятельности, должна давать хорошіе результаты и заслуживаетъ примѣненія во всѣхъ заведеніяхъ, имѣющихъ практическія цѣли. Императорскій Никитскій садъ существуетъ, какъ уже сказано выше, съ 1812 года т. е. почти 70 лѣтъ. Главною цѣлью этого учрежденія было созданіе обширнаго разсадника полезныхъ деревъ и растеній южной Европы, собственно для южной Россіи и распространеніе между владѣльцами дачъ, садоводами

и винодѣлами лучшихъ сортовъ декоративныхъ растеній, плодовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ. Эта цѣль была имъ достигнута. По мѣрѣ возможности, садъ старался удовлетворить своему назначенію—питомники его расширены, коллекціи плодовыхъ и другихъ деревъ составлены и провѣрены, имѣются подробные планы всѣмъ насажденіямъ, въ плодовомъ и декоративномъ отдѣлахъ, изданъ прейсъ-курантъ, съ подробнымъ перечнемъ всѣхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, для ознакомленія садоводовъ и любителей съ тѣми породами, которыя въ саду имѣются. Надо надѣяться, что Никитскій садъ, достигнувъ такихъ результатовъ, не ограничится ими, но съ каждымъ годомъ будетъ оказывать болѣе вліянія на развитіе края и со временемъ займетъ достойное мѣсто въ ряду учрежденій, преслѣдующихъ также научныя цѣли. Имѣя это въ виду и зная, что подобное вліяніе пріобрѣтается преимущественно путемъ печати, бывшій директоръ Никитскаго сада Н. Е. Цабель предпринялъ печатаніе разныхъ научныхъ статей въ Крымскомъ Вѣстникѣ садовства и винодѣлія, издававшемся ялтинскимъ обществомъ того же имени. Но послѣ того, какъ онъ оставилъ Крымъ, изданіе Вѣстника прекратилось, не имѣя въ числѣ своихъ сотрудниковъ человѣка ученаго, энергичнаго и вполнѣ преданнаго своему дѣлу, какъ былъ г. Цабель.

Изъ Никитскаго сада мы поѣхали въ Гурзуфъ. Это имѣніе принадлежитъ теперь наслѣдникамъ г. Фундуклея, г. Врангелю и другимъ. Первымъ его хозяиномъ былъ, извѣстный устроитель Одессы, герцогъ Ришелье. Имъ построенъ красивый господскій домъ, въ которомъ въ 1820 г. жилъ Пушкинъ, въ семействѣ генерала Раев-

скаго, одного изъ героевъ войны 1812 года. Домъ съ тѣхъ поръ былъ исправленъ и даже перестроенъ, но съ лицевой стороны противъ балкона, до сихъ поръ, стоитъ огромный платанъ, подъ которымъ поэтъ любилъ отдыхать, а немного далѣе въ паркѣ, еще живъ его любимый кипарисъ, съ котораго путешественники срываютъ вѣтки на память Пушкина. Гурзуфъ прелестенъ своимъ мѣстоположенiемъ и богатой растительностью. Здѣсь собраны со всѣхъ концевъ мiра всевозможныя растенiя. Цвѣтники, оранжереи, бесѣдки, все заслуживаетъ вниманiя, и очарованный посѣтитель не знаетъ чѣмъ болѣе восхищаться—роскошью ли южной природы, или вкусомъ и изяществомъ всѣхъ затѣй этого богатаго, барскаго имѣнiя. Паркъ и цвѣтники обширны, но содержатся въ высшей степени тщательно и по всѣмъ дорожкамъ и аллеямъ Гурзуфа вы не найдете сухаго листка, или непрошенной травки. Все сглажено, выметено, вычищено и не смотря на эту казенную опрятность, паркъ Гурзуфа обаятеленъ. Въ немъ все такъ просто и величественно, такъ спокойно и такъ соотвѣтствуетъ другъ—другу, что вы чувствуете себя здѣсь словно не въ искусственномъ саду, а въ прелестномъ уединенномъ уголкѣ, далеко отъ мiрской суеты, одни съ природой, съ вѣчно плещущимъ моремъ, надъ которымъ разстилается южное, темно-синее небо. Какъ привѣтливо выглядывало оно, сквозь густую зелень кипарисовъ, какъ картинно вырѣзывались на немъ перистыя листья мимозъ и тонкiя воздушныя вѣтви тамарисовъ. Съ шоссе, до въѣзда на барскiй дворъ, идетъ винтообразно прекрасная дорога; она вся обсажена разнородными деревьями и на каждомъ поворотѣ декоративныя растенiя

мѣняются. То вы ѣдете въ тѣни кипарисовъ съ одной стороны и тамарисовъ съ другой, то тянутся густыя каштановыя деревья съ своими огромными красивыми листьями. Вотъ рядъ свѣтло-зеленыхъ мимозъ и акацій; вотъ аллея миндалевыхъ деревъ, а вотъ наконецъ гигантскіе тополи, окаймляющіе Гурзуфъ со стороны моря. Цвѣтникъ очень живописно и разнообразно распланированъ; въ первой клумбѣ отъ входа разноцвѣтными листьями, среди темнозеленаго газона, начертано большими буквами Гурзуфъ по французски, потому что садовникъ французъ. Отъ дома управляющаго до цвѣтника, вдоль каменной стѣны, шпалерами разстилаются розы, тутъ же изящныя оранжереи и бесѣдка, похожая на огромную клѣтку, наполненную птицами, преимущественно канарейками всѣхъ цвѣтовъ и возрастовъ. На палочкахъ и тоненькихъ жердочкахъ устроены гнѣзда; въ самой бесѣдкѣ посажено хвойное деревцо и маленькія птички выводятъ здѣсь птенцовъ и пользуясь воздухомъ и призракомъ свободы, живутъ себѣ, распѣвая свои веселыя трели; на зиму ихъ берутъ въ комнату, особенно если морозы довольно сильны. Содержаніе Гурзуфской усадьбы, парка, цвѣтниковъ и всей дачи вообще, обходится, съ платою всѣмъ служащимъ, въ три тысячи рублей въ мѣсяцъ и поглощаетъ всѣ доходы, получаемые съ его богатыхъ виноградниковъ. Берегъ моря здѣсь песчаный, очень удобный для купанья; ближе къ деревнѣ Гурзуфъ дно у морскаго берега становится глубже, достигаетъ 15, 16 сажень и вслѣдствіе илистаго грунта можетъ служить хорошей якорной стоянкой. Отъ воротъ парка, мы прошли шаговъ сто по береговой дорожкѣ, перешли черезъ рѣчку Сюнарпутанъ

и поднялись къ первымъ домикамъ деревни. Гурзуфъ получилъ свое названіе отъ бывшаго здѣсь города, съ портомъ для судовъ, извѣстнаго въ древности подъ именемъ *Горзувита*. На скалѣ, вдающейся въ море, хорошо сохранились остатки укрѣпленія, построеннаго здѣсь по приказанію императора Юстиніана для защиты города, и греческаго поселенія. Въ 14-мъ вѣкѣ оно перешло, съ своими укрѣпленіями и моломъ, во власть Генуэзцевъ, а въ 15-мъ здѣсь былъ извѣстный русскій путешественникъ, тверской купецъ Аѳонасій Никитинъ. Онъ возвращался изъ Индіи, черезъ Трапезундъ и Каффу (Ѳеодосію) и бывъ застигнутъ бурей, простоялъ въ Гурзуфѣ пять дней, что доказываетъ безопасность этого порта. Послѣ генуэзцевъ Турки овладѣли крѣпостью Гурзуфа и имѣли въ ней свой гарнизонъ; они нашли здѣсь татаръ и потомковъ древнихъ Грековъ, принявшихъ исламъ. По разсказамъ стариковъ, во времена турецкаго владычества, Гурзуфъ служилъ черкесамъ портомъ для сбыта невольницъ и отсюда доставлялись бахчисарайскимъ ханамъ красавицы, наполнявшія ихъ гаремы. Въ подтвержденіе того, что черкесы дѣйствительно вели здѣсь свою торговлю, указываютъ на оврагъ за деревней, именуемый *черкесъ-дере* т. е. *оврагъ черкесовъ*. Подъемъ въ деревню со стороны моря очень неудобенъ, но живописенъ. Берегъ спускается скалистыми уступами до самаго моря и на каждомъ утесѣ стоитъ татарскій домикъ съ плоской крышей. Иногда очень хорошенькій, всегда окруженный деревьями, ростущими въ красивомъ безпорядкѣ въ узкой расщелинѣ между разбросанныхъ скалъ, татарскій домикъ манитъ къ себѣ своими воздушными

балкончиками, заплетенными плющемъ и виноградомъ, своими крытыми галлерейками, отъ которыхъ такъ и вѣетъ тѣнистой прохладой. Но не поддавайтесь обольщенiю; если вы утомлены, не взбирайтесь, какъ мы, съ крутизны на крутизну, не перескакивайте съ камня на камень черезъ извилистый, быстрый ручей, не цѣпляйтесь за вѣтви орѣшниковъ и черешень, чтобы достичь наконецъ центра деревни, въ надеждѣ получить стаканъ молока, или чашку кофе. Гурзуфъ не гостепрiименъ, особенно въ праздничный день, всѣ лавки закрыты, обѣ кофейни грязны до невѣроятности и вы съ большимъ трудомъ добьетесь стакана отвратительной жидкости, которую хозяинъ кофейни называетъ чаемъ и которая не только не освѣжитъ, но заставитъ васъ вздохнуть о свѣтломъ фонтанѣ, мимо котораго вы прошли при входѣ въ деревню, не наполнивъ вашей кружки и не утоливъ мучившей васъ жажды. Отдохнувъ немного въ лавкѣ, сжалившагося надъ нами татарина и проглотивъ нѣсколько глотковъ Гурзуфскаго чаю, за которымъ хозяинъ лавки послалъ своего сына, мы собрались въ обратный путь, надѣясь что спускъ съ крутизны будетъ легче подъема и что мы скоро дойдемъ до нашей коляски, ожидавшей насъ по ту сторону Гурзуфскаго парка. Обыкновенно въ Гурзуфѣ можно достать самоваръ, молоко и даже сносный завтракъ, но въ этотъ день дворецкiй, который до сихъ поръ снабжалъ туристовъ кушаньемъ, былъ въ отлучкѣ и, не смотря на всѣ наши просьбы, никто не согласился поставитъ намъ самоваръ; вотъ почему мы отправились въ деревню, надѣясь найти тамъ то, что намъ не удалось получить въ барской усадьбѣ. Но хижины оказа-

лись не много гостепріимнѣе дворца и мы должны были довольствоваться остатками закуски, захваченной нами изъ Артека. Однако, только что мы сѣли въ коляску, усталость моя прошла, досада на неудачныя попытки на счетъ завтрака изчезла и я предалась вполнѣ созерцанію прелести всего насъ окружающаго. Ужъ вечерѣло, но солнце еще не скрылось за вершиной Ай-Петри. Кипарисы и платаны бросали длинныя, причудливыя тѣни на дорогу, по которой мы взбирались на шоссе, а легкіе тамарисы, освѣщенные послѣдними лучами солнца, казались золотистыми, фантастическими вѣерами, тихо склоняющимися надъ нами. Море также приняло другой видъ; оно не отражало болѣе въ себѣ, какъ утромъ улыбающійся берегъ и грозный Аю-Дагъ. Покрытое легкимъ туманомъ, оно сливалось съ темнѣющимъ небомъ и изчезало въ таинственной непроницаемой дали; но за этой таинственной завѣсой, воображеніе угадывало такъ много заманчиваго и прелестнаго. Вѣтеръ, сначала довольно сильный, началъ понемногу утихать и когда мы выѣхали на шоссе и стало темнѣть, стихъ совершенно. Во всей природѣ царствовала невыразимая, убаюкивающая тишина и пока отдохнувшія лошади мчали насъ домой по гладкой дорогѣ, я вспомнила стихи безсмертнаго поэта, такъ удачно переданные нашимъ Лермонтовымъ:

Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной и пр. и пр.

Картина была поразительно вѣрна и чувство выраженное поэтомъ, желаніе вѣчнаго покоя, въ эту минуту, преобладало въ моей душѣ. Когда мы подъѣхали къ

Артеку и стали спускаться съ горы, въ паркѣ было совершенно темно. Полукругъ блѣдной луны еще прятался за Аю-Дагомъ и звѣзды чуть чуть виднѣлись сквозь густую листву окружающихъ насъ деревьевъ. Мы подъѣхали прямо къ дому, гдѣ живетъ управляющій и его семья, отъобѣдали, или вѣрнѣе сказать отъужинали, послѣ чего г. В.—проводилъ меня домой. Ночь была тепла и прелестна, какъ бываютъ только ночи южныхъ странъ, въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшей сырости, все казалось замерло въ темной аллеѣ, по которой намъ приходилось идти; въ ней и днемъ почти темно, такъ густо сплетаются надъ ней тяжелыя вѣтви старыхъ деревьевъ, всѣ обвитыя гирляндами кавказскаго плюща. Но теперь, не смотря на ручной фонарикъ управляющаго, бросавшій на землю рѣзкія полосы свѣта, мы ступали осторожно и шли медленно, боясь споткнуться на каждомъ шагу. Мѣсяцъ освѣщалъ часть моря и серебрилъ верхушки нѣкоторыхъ горъ, со стороны Ялты; другія были уже погружены въ глубокій мракъ, также и Аю-Дагъ, чернѣвшій надъ нами гигантской неопредѣленной массой. Пахло лаврами, сосной и какой-то травой, которой названіе я не знаю; она похожа на нашу полевую мяту и по вечерамъ я часто чувствовала ея запахъ въ Артекѣ и около Севастополя. Ко всему этому присоединялся особенный запахъ моря, этотъ запахъ морской воды, котораго ни передать, ни понять нельзя тому, кто его не ощущалъ. Въ немъ что-то оживляющее, укрѣпляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоивающее возбужденные нервы.—И я наслаждалась имъ въ этотъ вечеръ въ послѣдній разъ! Мнѣ не спалось въ эту послѣднюю ночь, проведенную мной

въ Артекѣ и я рада была, когда пробило шесть часовъ и колоколъ прозвонилъ людямъ на работу. Я открыла окно, солнце еще скрывалось за горами, надъ Аю-Дагомъ лежало густое темное облако, все небо было покрыто сѣрыми тучами. Въ десятомъ часу мы выѣхали изъ Артека и стали подыматься, въ послѣднiй разъ, по той же самой горѣ, по которой я такъ часто гуляла въ теченiи цѣлаго мѣсяца. Жена управляющаго и ея сестра опередили насъ, взбираясь тропинками прямо на крутизны, которыя намъ приходилось объѣзжать, и когда мы поравнялись съ красивыми, зелеными воротами, отдѣляющими экономiю Первушиныхъ отъ дачи Кирьякова, онѣ уже стояли тамъ и бросили мнѣ въ коляску нѣсколько розъ, сорванныхъ ими по дорогѣ къ лѣсу, какъ послѣднее прощанье съ ними и съ Артекомъ.

Изъ Артека до Симферополя.

Опять шоссе, опять нескончаемые телеграфные столбы, опять высокiя, скалистыя горы, опять безбрежное море. Но гдѣ же оно синее, прозрачное, очаровательное небо Артека? Я не узнаю его. Оно покрыто сѣдой пеленой, тучи густыми слоями, все болѣе и болѣе, заволакиваютъ его, спускаясь въ долины съ сосѣднихъ горъ, все рѣзче и пронзительнѣе завываетъ вѣтеръ, несясь къ намъ на встрѣчу изъ ущелiя Яйлы, все рѣже и только на мгновенiе, проглядываетъ блѣдное солнце. Да и мѣстность здѣсь не особенно красива. Съ одной стороны шоссе тянется обнаженный склонъ Яйлы, изрѣзанный глубокими оврагами и до самаго Бiюкъ-Ламбата од-

нообразная картина почти не мѣняется, Аю-Дагъ при каждомъ поворотѣ дороги появляется снова, во всемъ своемъ суровомъ величіи, но вскорѣ и онъ исчезаетъ во мглѣ непроницаемаго тумана и сливается съ берегомъ моря и ростущими у его подножія высокими деревьями Партенита, имѣнія г. Раевскаго. Немного подальше виднѣются строенія и сады Карасана, принадлежащаго вдовѣ генерала Раевскаго, потомка героя войны 1812 г. и дача г-жи Сомовой; всѣ эти имѣнія окружены богатыми садами и прекрасными виноградниками. Біюкъ-Ламбатъ, гдѣ устроена почтовая станція, нынѣ татарское селеніе, сохранившее много слѣдовъ и остатковъ укрѣпленія бывшаго здѣсь греческаго селенія и греческой церкви во имя св. Ѳеодора. Развалины этой церкви замѣтны повыше деревни, а на другомъ утесѣ видны остатки сторожевой башни, кучи камней, заросшія травой и кустарниками, окружаютъ то мѣсто, гдѣ какъ предполагаютъ, находился древній монастырь св. Иліи, при источникѣ, вытекающемъ изъ подъ алтаря церкви. Замѣтна также и теперь дорога, нѣкогда ведшая къ морю и къ древнему городу *Лампасу*, который находился ниже, при нынѣшней деревнѣ Кучукъ-Ламбатъ и былъ извѣстенъ какъ портъ и эллинскій городъ, писателямъ древняго міра подъ именемъ Лампаса т. е. *факела*, вѣроятно потому что на этомъ мѣстѣ были устроены маяки, или разводились огни, для безопаснаго плаванія въ Понтѣ Эвксинскомъ. Теперь Кучукъ-Ламбатъ татарская деревня, красиво расположенная амфитеатромъ среди утесовъ и густой зелени садовъ.

За Ламбатомъ уже видна Кастель гора. Вершина ея покрыта густымъ лѣсомъ, но издали съ шоссе лѣсъ

не замѣтенъ и форма ея представляетъ удлиненную плоскость, спускающуюся огромными уступами къ морю, такъ что названіе, данное ей нашимъ ямщикомъ: *Постель-гора*, мнѣ показалось понятнымъ. Окруженная, со всѣхъ сторонъ исполинскими камнями, скатившимися съ ея вершины, или, какъ нѣкоторые предполагаютъ, составляющими остатки циклопическихъ стѣнъ и укрѣпленій, Кастель-гора, съ своей плоской длинной вершиной, можетъ казаться оставленнымъ ложемъ сказочнаго богатыря. Развалины стѣнъ на Кастель-горѣ татары называютъ Демиръ Хапу, т. е. *желѣзныя ворота*. Они такъ называютъ и многія другія мѣста въ Крымскихъ горахъ, гдѣ были въ древности устроены укрѣпленные проходы въ горныхъ тѣснинахъ. Кромѣ остатковъ циклопическихъ построекъ, на этой замѣчательной горѣ находятся и слѣды позднѣйшихъ историческихъ временъ, слѣды церквей, монастырей, древняго кладбища, водопроводовъ и другихъ сооруженій, свидѣтельствующихъ, что здѣсь жило значительное населеніе. Конечно всѣ эти памятники глубокой древности оставили по себѣ лишь однѣ развалины, поросшія мохомъ, плющемъ и дикимъ виноградомъ, но говорятъ, что планъ крѣпости и всѣхъ построекъ можно опредѣлить очень ясно и теперь. Вблизи Алушты, характеръ мѣстности опять измѣняется. Не далеко отъ шоссе попадаются дубы и буковыя деревья и снова открываются великолѣпные виноградники и фруктовые сады Алуштинской долины, одной изъ лучшихъ и богатѣйшихъ въ Крыму. Она заканчиваетъ собой, съ сѣверной стороны, южный берегъ Тавриды и окружена самыми красивыми и разнообразными горами Крыма. Надъ нею вы-

сятся: исполинскій Чатырдагъ, Бабугалъ Яйла, великолѣпная гора Демерджи и множество другихъ высокихъ горъ, самыхъ причудливыхъ и стройныхъ очертаній, въ которыхъ фантазія нѣкоторыхъ путешественниковъ отыскиваетъ фигуры колоссальныхъ женщинъ, татарокъ въ чалмѣ и даже бюстъ Екатерины II. Но я на Чатырдагѣ видѣла только вершину гигантской горы похожую на огромную крышу, поросшую густымъ мохомъ, а на Демерджи высокую остроконечную скалу, вдающуюся въ море, но не имѣющую опредѣленной формы. Правда, что въ это утро вершины всѣхъ горъ были покрыты тучами, но ихъ иногда разгонялъ на минуту порывистый вѣтеръ и тогда, не только Чатырдагъ и Демерджи становились ясными, но вдали рисовались, какъ лиловыя, зубчатыя стѣны, живописныя Судакскія горы. У подножія горы Демерджи пріютилась татарская деревня того же имени и другія богатыя селенія, замѣчательныя производствомъ превосходнаго меда, славящагося во всемъ Крымѣ. У самаго берега моря расположена Алушта, въ древности Алустонъ. При спускѣ въ деревню шоссе круто поворачиваетъ направо, мимо вѣковыхъ орѣховыхъ деревьевъ, по перекинутому черезъ рѣчку большому, деревянному мосту на набережную. Здѣсь устроенъ бульваръ изъ красивыхъ, пирамидальныхъ тополей и около моря бѣлѣютъ нѣсколько палатокъ для купанья. Съ шоссе Алушта живописна; она окружена множествомъ виноградниковъ и красивыми дачками помѣщиковъ съ ихъ задами, гдѣ преобладаютъ тополи, замѣнившіе въ пейсажѣ кипарисы Алупки, Ялты, Гурзуфа, которые здѣсь уже почти не встрѣчаются. Въ Алуштѣ климатъ здоровый, болотъ здѣсь нѣтъ, поэтому мало и лихорадокъ.

Морское купанье удобно, лѣченіе виноградомъ также. Квартиру можно имѣть довольно порядочную, состоящую изъ одной комнаты въ два окна за 1 рубль въ день; столъ по порціямъ отъ 40 до 50 коп. за порцію. Въ Алуштѣ теперь три гостинницы; одна на базарной площади, другая *Приморская* у берега моря и третья повыше, недалеко отъ православной церкви, составляющей главное украшеніе Алушты; она стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и колокольня ея въ готическомъ вкусѣ. Кромѣ гостинницъ, квартиру можно найти въ домахъ зажиточныхъ татаръ и у нѣкоторыхъ садовладѣльцевъ, за довольно умѣренную цѣну, особенно въ сравненіи съ ялтинскими цѣнами, недоступными для многихъ. Здѣсь вообще можно устроиться довольно экономно и удобно, такъ какъ въ лавкахъ можно найти все необходимое для пищи: баранину, иногда говядину, куръ, яйца, хлѣбъ, кофе, сахаръ и даже чай, — впрочемъ, какъ говорятъ, —довольно плохой. Есть семейства, гдѣ можно имѣть квартиру со столомъ, что конечно удобнѣе и покойнѣе, чѣмъ брать порціи въ гостинницѣ. Въ Алуштѣ почтовая станція и даже телеграфная, такъ что и въ этомъ отношеніи жить здѣсь пріятно; во время пребыванія Государя Императора въ Ливадіи почта приходитъ и отходитъ каждый день, а въ остальное время года два раза въ недѣлю. Мѣста для прогулокъ, въ окрестностяхъ Алушты верхомъ и пѣшкомъ очень многочисленны, и замѣчательны своей живописностью; нѣкоторыя сохраняютъ еще до сихъ поръ слѣды древнихъ поселеній и построекъ. Въ самой Алуштѣ уцѣлѣли только двѣ башни, основаніе третьей и древнее кладбище, подъ плитами котораго еще находятся кости.

Эти развалины, безъ сомнѣнія, принадлежатъ древней крѣпости Алустонъ, построенной въ VI-мъ вѣкѣ императоромъ Юстиніаномъ, въ одно время съ укрѣпленіемъ Гурзувитовъ въ нынѣшнемъ Гурзуфѣ. О значительномъ населеніи древняго Алустона свидѣтельствуютъ остатки нѣсколькихъ находившихся здѣсь церквей. Ученый Палласъ утверждалъ даже, что Алустонъ имѣлъ своего епископа, а въ XIII столѣтіи генуэзцы имѣли здѣсь своего консула и въ итальянскихъ актахъ, также и на средневѣковыхъ картахъ, часто упоминается объ Алуштѣ подъ именемъ: Alusta, Lustia, Lusta и проч.

Въ Алуштѣ мы стояли два часа. Намъ предстояло до Симферополя еще часовъ пять ѣзды, если не болѣе, и ямщикъ хотѣлъ покормить своихъ лошадей, чтобъ довезти насъ до Симферополя засвѣтло, не останавливаясь нигдѣ. Я хотѣла воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ взглянуть поближе на башни древней крѣпости, но только что я выпила первую чашку чаю и собиралась выйти изъ гостинницы, дождикъ сталъ накрапывать и когда мы выѣхали изъ Алушты онъ шелъ такъ сильно, что мы принуждены были поднять верхъ коляски. Дождь шелъ мелкій, непріятный, осенній; холодный вѣтеръ пронизывалъ меня насквозь, несмотря на длинную, мохнатую тальму (настоящая бурка), въ которую я плотно закуталась. И все это послѣ 42-хъ градусовъ тепла наканунѣ и не простившись еще съ синимъ моремъ Крыма! Это было очень обидно, и досадуя на непогоду, я безпрестанно выглядывала изъ коляски на исчезающій изъ моихъ глазъ (можетъ быть навсегда) зеленѣющій берегъ Алушты. Кругомъ все казалось печальнымъ, угрюмымъ. Море появлялось опять

на каждомъ поворотѣ дороги, но оно утратило всю свою прелесть; вмѣсто свѣтло-голубыхъ, сверкающихъ на солнцѣ волнъ, я видѣла передъ собой туманную, нескончаемую пелену сѣроватаго цвѣта, слившуюся съ свинцовымъ, нависшимъ надъ ней мрачнымъ небомъ.

А какъ хороши были мѣста, по которымъ мы проѣзжали. Только что мы выѣхали изъ Алушты, насъ охватила густая тѣнь громадной тополевой аллеи. Она тянется, я думаю, болѣе версты и я никогда не видала такихъ чудныхъ густыхъ и высокихъ деревьевъ. За ней опять начинаются виноградники, сады и прехорошенькія дачи. Картина разнообразна въ высшей степени и эти красивые домики, маленькихъ и большихъ размѣровъ, темные, свѣтлые, пестрые, окруженные молодой свѣжей зеленью, веселили глазъ, несмотря на отвратительный дождь, который все становился сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы подымались въ гору. Подъемъ устроенъ также, какъ у Байдарскихъ воротъ, многочисленными зигзагами и продолжается до станціи Таушанъ-Базаръ на протяженіи 15 верстъ. Шоссе вьется по отлогостямъ Чатырдага, покрытымъ густой растительностью, минуетъ фонтанъ Кутузова, татарскую деревню, прелестныя дачи разныхъ владѣльцевъ и идетъ среди большаго буковаго лѣса. Деревья здѣсь огромны и до того богаты листвой, что вы въѣзжаете въ лѣсъ, какъ въ какой-нибудь сказочный, зеленый шатеръ. Въ солнечный, жаркій день этотъ лѣсъ долженъ казаться раемъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ много большихъ полянъ, покрытыхъ сочной травой, а весной прелестными цвѣтами. Мнѣ говорили, что здѣсь стебельки ландышей достигаютъ почти аршина вышины и я вѣрю этому; рас-

тительность здѣсь такъ сильна, что сѣмена нашей павилики, которыя у насъ такъ малы, что почти не замѣтны, здѣсь образуютъ цѣлыя гирлянды красныхъ плодовъ, величиной съ порядочный картофель, а листы всѣмъ знакомой *мать и мачихи* имѣютъ болѣе аршина въ діаметрѣ; обыкновенные папоротники достигаютъ размѣровъ порядочныхъ кустарниковъ, а наши кустарники превращаются въ деревья.

Самая возвышенная точка шоссе далеко не достигаетъ вершины Чатырдага, находясь на высотѣ 2800 футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь лѣсъ рѣдѣетъ и открывается большая поляна, на которой ростутъ маститые буки и дикіе каштаны; они разбросаны въ симетричномъ полукругѣ, точно насажены нарочно. Съ этой поляны начинается спускъ довольно быстрый, но безопасный въ долину Салгира, сначала орошаемую горной рѣчкой Ангарой, впадающей въ Салгиръ, а потомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ самимъ Салгиромъ. За станціей Таушанъ-Базаръ встрѣчается деревня *Чевки* и вскорѣ слѣдующая почтовая станція *Мамушъ Султанъ*, за которой вправо отъ дороги виднѣется небольшая татарская деревенька и бѣлый домъ, окруженный полуобрушенной стѣной, съ развалинами древняго строенія. Эта деревня и развалины называются у татаръ *Эски-Сарай*, что значитъ *старый дворецъ*. Тутъ же находятся развалины древней мечети также времени хановъ. По Салгиру разбросаны красивыя имѣнія, деревни, дачи; между ними самая замѣчательная Кильбурунъ, принадлежащая г. Перовскому, бывшему нѣкогда таврическимъ губернаторомъ. За Кильбуруномъ, ближе къ Симферополю, много табачныхъ плантацій и фруктовыхъ садовъ. Съ

дороги видна дача г. Казначеева, съ садомъ надъ Салгиромъ, хорошенькій домикъ г. Княжевича и имѣніе кн. Воронцова *Салгирка*. Подъ самымъ Симферополемъ подгородное село Петровское и налѣво отъ этого села возвышаются скалы, бока которыхъ пробиты пещерами, или криптами, служившими жилищемъ древнимъ Тавро-Скиѳамъ. Здѣсь археологи находятъ слѣды ихъ города Неаполиса, укрѣпленія котораго современны крѣпостямъ Палакіона и Хазона, бывшимъ около нынѣшней Балаклавы и Ѳеодосіи. Въ 1827 году, въ этихъ развалинахъ найдены барельефы и камни съ греческими надписями; одинъ изъ нихъ изображаетъ всадника на конѣ, а греческая надпись на немъ упоминаетъ о тавро-скиѳскомъ царѣ Скилурѣ, который вмѣстѣ съ сыновьями, какъ говоритъ Страбонъ, построилъ на Крымскомъ полуостровѣ крѣпости, служившія скиѳамъ сборными мѣстами въ войнѣ съ полководцами понтійскаго царя Митридата-Евпатора, владѣвшаго въ то время Босфоромъ. У татаръ эти развалины называются *Керменчикъ*, т. е. *маленькая крѣпость*. Мѣстность эта представляетъ большой интересъ для археологовъ и найденные здѣсь барельефы, греческія надписи и другіе предметы важны въ историческомъ отношеніи, свидѣтельствуя о нѣкоторой степени цивилизаціи, не только между древними обитателями этого края — греками, но и между тавро-скиѳами, извѣстными грекамъ подъ общимъ именемъ *варваровъ*.

Когда мы подъѣхали къ Симферополю, начинало смеркаться; дождь пересталъ, но сѣверный вѣтеръ дулъ очень сильно и я такъ озябла, что съ большимъ удовольствіемъ вошла въ номеръ Петербургской гостин-

ницы и рѣшила не отправляться въ Москву съ ночнымъ поѣздомъ, который отходитъ изъ Симферополя въ два часа ночи, а на слѣдующій день во второмъ часу дня. Весь вечеръ я вспоминала о проведенномъ мной въ Крыму времени. Многаго я не видала; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не была, какъ напримѣръ въ Судакѣ, въ Ѳеодосіи и въ горныхъ монастыряхъ, замѣчательныхъ своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, или историческими воспоминаніями давно прошедшихъ дней. Какъ любопытно было бы обозрѣть всѣ эти мѣстности, взобраться на Чатырдагъ, осмотрѣть его пещеры, подняться на Демерджи, въ облачное утро, и поглядѣть на рѣдкое явленіе: отраженіе самаго себя и всего васъ окружающаго въ облачномъ небѣ, переѣхать Яйлу, не по шоссе только, а черезъ богазы (ущелья) Симеиза, Мисхора и Ай-Петри, пожить подольше на Крымскомъ полуостровѣ и насладиться вполнѣ всѣмъ, что онъ представляетъ прекраснаго и замѣчательнаго. Счастливы тѣ, думала я, которые могутъ оставаться сколько пожелаютъ въ этомъ благодатномъ краѣ, или имѣютъ надежду еще разъ посѣтить его. Подъ этимъ впечатлѣніемъ закончу мои воспоминанія о чудномъ Крымѣ стихами, написанными мной наканунѣ моего отъѣзда изъ Артека:

Прости Артекъ! Увижу ль я, не знаю,
Когда нибудь волшебный берегъ твой,
Твоихъ лѣсовъ тѣнистыя дубравы
И лугъ зеленый, солнцемъ залитой,

И моря плескъ на берегъ каменистый,
На горизонтѣ дальнемъ утлый челнъ,

Дельфиновъ рѣзвыхъ бѣшеную пляску
Среди недвижныхъ, темносинихъ волнъ.

Но знаю я, что долго помнить буду,
Какъ мнѣ жилось счастливо и легко
Въ томъ домикѣ, гдѣ розы, распускаясь,
Съ плющемъ зеленымъ вьются высоко,

Гдѣ кипарисовъ рядъ, какъ великаны,
Бросаютъ тѣни длинныя кругомъ,
Гдѣ цвѣтъ мимозы солнышко ласкаетъ,
Передъ закатомъ, розовымъ лучемъ,

Гдѣ моремъ я такъ часто любовалась,
Въ тѣни магнолій и душистыхъ лавръ,
Гдѣ предо мной, какъ тѣни воскресали,
Эллады сынъ и полудикій Тавръ....

И тамъ вдали, на мысѣ Аю-Дага,
Казалось мнѣ, стоялъ Діаны храмъ;
Мечемъ сверкала дѣвственная жрица,
Лилася кровь, курился ѳиміамъ.

Но храмъ богини гордой распадался,
На мѣстѣ томъ высоко крестъ сіялъ
И изъ пещеръ хоръ стройный неофитовъ
Мольбы свои къ Святому возсылалъ....

Ростутъ повсюду храмы дорогіе,
Таврида христіанская цвѣтетъ,
Забыты всѣ печальныя годины,
Кровавый потъ и Римлянъ тяжкій гнетъ....

Съ востока вдругъ, какъ туча громовая,
Несется вихремъ за ордой орда,
Низвергнутъ Крестъ и подъ чалмой кровавой
Встаетъ во тьмѣ кровавая Луна.

И стонетъ Крымъ подъ игомъ мусульманскимъ,
Рыданья слышны христіанскихъ женъ....
Но Русь идетъ—и полчища невѣрныхъ
Бѣгутъ толпами отъ ея знаменъ.

Цвѣти же вновь роскошная Таврида,
Святой Руси прелестнѣйшая дочь!..
Ты спасена отъ тягостнаго ига!
Твоимъ врагамъ тебя не превозмочь....

Цѣна 1 руб.

2018695322